Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный институт культуры»

Научно-практический журнал Издаётся с ноября 2007 года (до сентября 2016 года выходил под названием «История и культура Приамурья») Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 1 (30) / 2021

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Воронов Борис Александрович

сопредседатель

(Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, Хабаровск)

Минакир Павел Александрович

сопредседатель

(Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск)

Березницкий Сергей Васильевич

(Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,

г. Санкт-Петербург

Букреев Александр Иванович

(Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил РФ,

г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич

(Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич

(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна

(Комсомольский-на-Амуре государственный университет)

Шейкин Юрий Ильич

(Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора

Бляхер Леонид Ефимович Савелова Евгения Валерьевна Филаткина Ирина Викторовна

Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений

Байков Николай Михайлович Готнога Александр Васильевич

Ярулин Илдус Файзрахманович

(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович

Качанова Елена Юрьевна

(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович

Дубинина Нина Ивановна

(Историописание, Наследие)

Крюков Иван Владимирович Салеева Лариса Владимировна

Шхалиев Рафик Шхалиевич (Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич

(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна Никитин Алексей Алексеевич Шавгарова Анна Владимировна

(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна

Наумова Раиса Вячеславовна

(Библиография)

Журнал зарегистрирован

в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-80737 от 21.04.2021.

ISSN 2542-1328 (Print)

ISSN 2541-8939 (Online), www.kulturanaukadv.ru

Издатель — КГБНУК «Дальневосточная государственная

научная библиотека»

Адрес издателя: 680000, г. Хабаровск,

ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72

Тел. (4212) 32-72-20

© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

▶К 360-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА АТЛАСОВА

Первопроходец Камчатки......4

Сесицкая Анастасия Сергеевна

Поход Владимира Атласова по югу Камчатки......10

Быкасов Валерий Егорович

Землепроходец Владимир Атласов20

Вахрин Сергей Иванович

▶К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА КАЗАКЕВИЧА

Становление дальневосточного форпоста России28

Филонов Александр Михайлович

Пётр Васильевич Казакевич в истории российского Дальнего Востока......41

Шестаков Алексей Вячеславович

▶ИСТОРИОПИСАНИЕ

Переплётное дело на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX века......45

Радишаускайте Наталья Витаутовна

Как представляется, при общении со знаменитым сибирским картографом Семёном Ремезовым в Тобольске в декабре 1700 года Атласов был более откровенным. ибо только этим можно объяснить появление на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова», якобы созданном около 1700 года, рек Бобровки, Берёзовки и Вавачи, а также надписей, относящихся к Голыгинским и Ходуткинским горячим ключам, о которых на момент создания названных чертежей, кроме В. Атласова, никто говорить не мог.

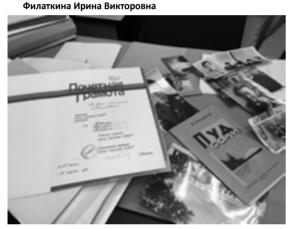
В дореволюционных книжных собраниях — и личных, и общественных - гораздо более обычными были переплёты индивидуальные, или владельческие. Книголюбы, приобретая для своего собрания какое-либо издание, обычно отдавали его в переплётную мастерскую. Переплётчик заменял издательский переплёт или обложку на новый, индивидуальный.

23 февраля исполнилось 100 лет со дня рождения Алексея Клементьевича Чёрного, выдающегося хозяйственного, советского и партийного руководителя Хабаровского края, в котором он прожил более 45 лет.

Империя Юань и народы Нижнего Амура и Сахалина (по данным письменных источников)61 Пастухов Алексей Михайлович
Эпоха и личность77 Салеева Лариса Владимировна
► ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ У истоков национального образования83 Ходжер Елена Григорьевна
Концепт «война» в языковой картине мира жителей Приамурья
Творческое наследие Григория Ходжера стало ещё доступнее92

▶ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Роль детских творческих коллективов по	•
формированию речи в современном	
мире	. 102
Москвитина Наталья Владимировна	
Музыкальная грамотность для всех	. 107
Кулик Галина Ивановна	

▶СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Китайско-российский гуманитарный обмен в новом столетии: особенности, проблемы и контрмеры......111

Бушуев Дмитрий Андреевич, Лю Синтао (刘兴涛)

▶ НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Стилистическое своеобразие и особенности употребления языковых единиц рассказа А. П. Чехова «Свадьба»119

Гасымов Эльдар Шафиаддинович

В Государственном архиве Хабаровского края (г. Хабаровск) собраны документы, которые рассказывают о работе по формированию сети учебных и культурно-просветительных учреждений, по ликвидации неграмотности среди коренного населения Дальневосточного края, о формировании национальной интеллигенции, зарождении нового самосознания в 1920-х – 1930-х годах XX века.

В 2019-2020 годах Дальневосточная государственная научная библиотека выступила партнёром социально значимого проекта «Создание и популяризация электронного ресурса "Г. Г. Ходжер — основоположник нанайской литературы"».

Прошло уже 120 лет с тех пор, как начались военные события на Амуре и был обстрелян китайскими войсками Благовещенск. Это героическое и одновременно трагическое происшествие сейчас почти забыто. Не так много исторических источников и документов сохранили память о нём. Наиболее ценными и достоверными свидетелями обороны Благовещенска стали фотографии из фонда Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Создание порта свободной торговли на Хайнане123 Ван Шифа (王世发)

▶ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

Писатель-дальневосточник Рустам Агишев..127 Кондратенко Алексей Иванович

▶АРТЕФАКТ

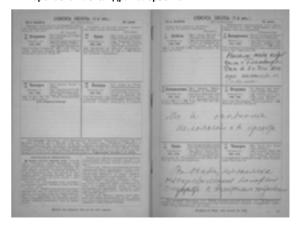
Оборона Благовещенска в 1900 году (по фотографиям, хранящимся в фонде Центра консервации документов и изучения книжных памятников Дальневосточной государственной научной библиотеки) ... 134

Загородняя Кристина Андреевна

«Мы в осадном положении и в трепете»: дневник жителя Благовещенска во время русско-китайского конфликта 1900 года.. 144

Воропаева Александра Валерьевна

Информация для авторов151

ПЕРВОПРОХОДЕЦ КАМЧАТКИ

Статья посвящена событию, завершающему историю открытий русских землепроходцев в XVII веке, — походу Владимира Владимировича Атласова на Камчатку в 1697—1699 годах и его дальнейшей судьбе. Также предпринята попытка выяснить, проживали ли на Камчатке в XX веке прямые потомки знаменитого первопроходца.

Ключевые слова: Атласов, Камчатка, Якутск, Анадырск, экспедиция, ясак, Верхнекамчатский острог, Нижнекамчатский острог, география, этнография.

Keywords: Atlasov, Kamchatka, Yakutsk, Anadyrsk, expedition, yasak, Verkhnekamchatka ostrog, Nizhnekamchatka ostrog, geography, ethnography.

озможность освоения и изучения огромных пространств Сибири появилась лишь с приходом в 80-х годах XVI века на берега Оби и Иртыша отрядов Ермака. В 1586 году возникает первый русский город в Сибири — Тюмень, а годом позже — Тобольск, ставший отправным пунктом многих экспедиций. Из всех сибирских богатств служилых казаков и промышленных людей больше всего привлекала пушнина, спрос на которую был традиционно высок на внешнем рынке. Но вместе с пушниной они собирали и ценные сведения о северных землях и народах, которые существенно пополнили мировую географическую науку [14, с. 4]. Среди первопроходцев XVII века нельзя не отметить Владимира Атласова, который с небольшим отрядом служилых и промышленных людей, преодолев невероятные трудности в пути, обошёл значительную часть Камчатки, фактически присоединив эту территорию к России. Обладая большим природным умом и наблюдательностью, он оставил нам интереснейшее описание открытой им земли — две «скаски».

Владимир Атласов. Художник А. В. Ковалёв.

Наиболее полно личность самого первопроходца и его походы на Камчатку исследованы в работах Б. П. Полевого и Г. А. Леонтьевой. Г. А. Леонтьева, изучив обширный корпус архивных источников, в качестве наиболее вероятной даты рождения Владимира Атласова называет 1660-1661 годы

[8, с. 42]. В работах других авторов указываются 1661–1664 годы [3, с. 9]. Таким образом, 2021 год можно считать одним из возможных юбилеев Атласова — 360 лет со дня рождения.

Отец Владимира Атласова — Владимир Тимофеевич Отлас — был покрученником¹ купцов Колупаевых [8, с. 31], а впоследствии поступил в службу рядовым казаком в Якутский гарнизон. С 1653 по 1672 год совершал неоднократные походы за ясаком по Восточной Сибири. Между походами бывал в Москве — чаще сопровождая ясачную казну. Умер

Владимир Отлас в 1682 году, в том же году был зачислен в службу его сын Владимир Владимирович Атласов. Г. А. Леонтьева так объясняет трансформацию написания фамилии: «К этому времени родственники Владимира Владимировича все чаще стали прозываться "Отласовыми". На этот же манер с суффиксом "ов" был записан в 1682 г. в окладной книге Якутского гарнизона и будущий землепроходец — "Отласов". Но затем в его фамилии вместо заглавной "О" появилась заглавная буква "А" — "Атласов". Изменению начальной буквы своей фамилии Владимир Атласов был обязан одному из подьячих Якутской приказной избы Сидору Федорову, сосланному за провинность из Сибирского приказа в Якутск. Будучи уроженцем Москвы, он имел "акающий", или московский, диалект и записал "Отласов" на московский манер — "Атласов"» [8, с. 43].

До 1688 года Владимир Атласов почти непрерывно находился на службе, в основном в походах за сбором ясака, и в Якутске бывал урывками. Его семья оставалась в Якутске. Известно, что его жену звали Степанида Фёдоровна, а к 1688 году у них было уже двое сыновей.

К концу XVII века хищническое использование природных богатств Охотского края привело к тому, что пушной и зверобойный промысел стал оскудевать. Это и подтолкнуло служивых людей и промысловиков к дальнейшему продвижению на восток — на Камчатку. Попытки попасть на Камчатку предпринимались якутским казаком Иваном Голыгиным и Василием Кузнецовым (морем, через Олюторский залив). И. Голыгину удалось собрать ясак с пенжинских коряк, а отряд В. Кузнецова погиб. В 1690 году Иван Голыгин, участвовавший в заговоре против жадного и жестокого воеводы П. П. Зиновьева в Якутске, вместе с семьёй был отправлен в ссылку в Анадырск. В это же время Атласов был отправлен на службу в Анадырский острог. В то время Анадырский острог был пунктом, из которого осуществлялось продвижение русских на восток и северо-восток материка. Как отмечает исследователь Г. А. Леонтьева, возможно, что Владимир Атласов свой дальний путь до Анадырска проделал вместе с Иваном Голыгиным и Афанасием Балушкиным, «уже кое-что знавших о путях на Камчатку» [8, с. 57]. Основными заботами гарнизона в Анадырске были сбор ясака и поиск новых земель и народов.

В январе 1694 года Атласов отбыл с ясачной казной в Якутск. Там же в августе 1695 года произошло его назначение на должность приказчика Анадырского острожка. С этого момента он начинает готовиться к камчатскому походу. Анадырский гарнизон был невелик, поэтому было необходимо набрать людей, закупить одежду, обувь, промысловое снаряжение. Но вернувшись в Анадырск, он узнал, что за время его отсутствия на Камчатку была отправлена экспедиция во главе с Лукой Старицыным по прозвищу Морозко

¹ Покрут, или покрута — в старину подмога или ссуда на обзаведение хозяйством, а также наряд на службу и на работы. — От ред.

[3, с. 15]. Вернувшийся с отрядом Лука Морозко рассказал Атласову о новых землях и что из-за «малолюдства отряда» не дошёл до реки Камчатки всего «одного дня» [8, с. 66].

В декабре 1696 года Атласов со своим отрядом численностью 120 человек отправился на Камчатку. В январе 1697 года они пришли в северный район Камчатки и встретили олюторских коряков [10, с. 86]. Чтобы одновременно обследовать оба берега Камчатки, Владимир Атласов разделил отряд: 60 человек во главе с Лукой Морозко были отправлены вдоль её восточного побережья, а Атласов со своей частью отряда обследовал Пенжинский (западный) берег Камчатки.

Атласов торопился на юг, стремясь узнать как можно больше о новых территориях, нигде надолго не останавливаясь. Это вызывало возмущение юкагиров его отряда. Им была обещана свободная охота на пушного зверя и новые олени, но охотиться было некогда. Жалобы юкагиров Атласов оставлял без внимания. Последовавший за этим бунт мог бы плачевно закончиться для экспедиции, если бы на помощь Атласову не поспешил Лука Морозко.

Объединённый отряд Атласова и Морозко проследовал дальше — до реки Тигиль, а затем — к реке Камчатке. Дойдя до притока Камчатки — Еловки, встретили камчадальские острожки. Жители первых же острожков попросили Атласова о совместном походе против камчадалов с низовьев реки Камчатки, которые совсем недавно их разорили.

В начале лета 1697 года вместе с камчадалами на батах и на лодках, которые срубили для себя люди Атласова, объединённый отряд отправился в поход по реке Камчатке. Добравшись до острожка, в котором жили неприятели его новых союзников камчадал, Атласов разорил их и отправился вверх по течению. Берега Камчатки поразили Атласова и его спутников изобилием пушного зверья, особенно соболя, которого камчадалы и коряки совершенно не промышляли. В своей «скаске» он показал: «А промышляют де они те лисицы себе на одежю близ юрт своих, а соболи де от них по горам недалече белые, и соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают» [Цит. по: 2, с. 458].

Исследователи полагают, что, скорее всего, тем же летом 1697 года Атласов смог дойти до верховьев реки Камчатки, где построил Верхнекамчатское зимовье. Тогда же им был установлен крест «по обещанию» [8, с. 89]. Степан Петрович Крашенинников, участник Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) и автор книги «Описание земли Камчатки», сообщил, что близ устья реки Крестовой находится крест. Надпись на кресте свидетельствует, что он был установлен В. Атласовым в 1697 году, «июля 13 дня» [7, с. 108]. Крест был не только ориентиром для дальнейших походов. В первую очередь он символизировал присоединение новых земель к территории России. Позже упоминаний о кресте у других исследователей Камчатки не встречается. Интересно, что

впоследствии на реке Крестовой появилось селение Кресты. Село было небольшим, но со своей часовней [15, л. 19] и окончательно прекратило своё существование только в 1950-е годы. Заметим, что в течение XX века крест восстанавливали трижды: в 1959 году (по инициативе краеведа В. Воскобойникова и командующего Камчатской флотилией Г. Щедрина), в 1988 году крест заменили на новый комсомольцы Ключевского леспромхоза, а в 2000-м установили новый крест по инициативе съёмочной группы историко-документального фильма «Камчатский Ермак» [4, с. 145].

В 1698 году Атласову удалось выйти к реке Нингучи (впоследствии переименована в Голыгину), где он встретил поселения камчатских курилов. В ходе своих походов Атласов призывал «под царскую высокосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежом» [2, с. 459]. Кроме того, им было поставлено три зимовья: на Еловке, Иче и Верхней Камчатке (в 1698 г. было преобразовано в Верхнекамчатский острог).

Весной 1699 года Атласов с частью своего отряда покинул Ичинское зимовье и направился в Анадырск. Часть людей он оставил в Верхнекамчатском острожке, часть на Еловке с Лукой Морозко. В Анадырске Атласов, собрав вместе чукотский и камчатский ясак, ушёл в Якутск, куда прибыл в июне 1700 года.

В Якутске он подробно отчитался о походе, рассказал о двух новых народах — камчадалах и камчатских курилах, привёз не только соболей и лисиц в составе ясака, но и мех «морских бобров» — каланов, поразивший всех своей красотой и оригинальностью. Главным результатом похода стало то, что была открыта большая территория, на которой уже появился острог с гарнизоном. В Якутске же была сделана запись первой «скаски» Владимира Атласова дьяком Максимом Романовым, которая, по сути, являлась описанием похода и содержала важные сведения о географии и об этнографии новых земель. В «скаске» Атласов впервые сообщил о камчатских вулканах — Ключевской сопке (крупнейшем в Евразии) и Толбачике: «А от устья идти вверх по Камчатке-реке неделю, есть гора, подобная хлебному скирду, велика гораздо и высока; а другая близь ее подобная сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево» [Цит. по: 2, с. 467]. В 1960 году в районе этого вулканического массива появится посёлок Атласово, названный именем землепроходца, существующий и сейчас [13, л. 80].

Из Якутска с государственной казной Атласов отправился в Москву. По пути, в Тобольске, состоялась важная встреча Атласова с Семёном Ремезовым, который в то время заканчивал работу над последней так называемой этнографической картой из «Чертёжной книги Сибири». Благодаря сведениям, полученным от Атласова, Ремезов

Село Атласово, 1977 год.

на этой карте изобразил Камчатку в виде полуострова, в то время как на общем чертеже всей Сибири Камчатка изображена как остров.

В начале 1701 года Атласов прибыл в Москву и сразу направился в Сибирский приказ, который ведал вопросами сбора ясачной и промышленной пушнины на территории Сибири. Атласов сдал ясак, отписки якутского и тобольского воевод, а также свою «скаску», которая привлекла внимание главы Сибирского приказа Андрея Андреевича Виниуса. Он пригласил Атласова к себе и подробно расспросил о Камчатке — так была записана вторая «скаска» [2, с. 464].

Виниус доложил об открытии Камчатки Петру I, который очень заинтересовался освоением восточносибирских рубежей и Камчатки — это давало возможность выхода России к Тихому океану. 17 февраля 1701 года Сибирский приказ принял решение об организации новой экспедиции на Камчатку и о назначении Атласова её руководителем. Был решён вопрос о численности экспедиции, жаловании её участникам и провианте, а сам Атласов объявлялся «Камчатской земли приказчиком» [8, с. 125]. Пополнить экспедицию должны были тобольские и енисейские казаки. Всего в Тобольске и Енисейске набрали 45 человек. Но енисейский воевода Богдан Глебов, обиженный на чиновников Сибирского приказа, всячески затягивал помощь отряду Атласова. В итоге Атласову пришлось зимовать в Илимске. Для дальнейшего движения отряда были необходимы дощаники², чтобы пересечь Ангару, Байкал и Лену. В конце концов в Енисейске Атласову были выданы суда — «самые худые и утлые». В результате на его дощаниках замок порох, пострадало продовольствие, погнила одежда и попортились прочие вещи [10, с. 110]. Атласову оставался единственный вариант — обмен дощаниками. Б. П. Полевой отмечает, что ещё в середине XVII века в Сибири существовал обычай — в чрезвычайных обстоятельствах силой отбирать у купцов всё необходимое для успешного выполнения «государевой воли» [10, с. 111]. Атласову встретился дощаник богатого торгового человека Логина Добрынина. Сам Добрынин умер в Москве, а дощаником командовал его приказчик. Но некоторая часть казаков Атласова восприняла идею об «обмене» дощаниками как призыв к грабежу товаров. В итоге приказчик Добрынина на пустом и утлом дощанике явился в Енисейск.

Когда отряд в мае 1702 года добрался до Якутска, у якутского воеводы уже было распоряжение из Москвы — строго расследовать инцидент с дощаником Добрынина. Атласов и десять казаков были подвергнуты аресту и пыткам. Между 1704 и 1706 годами Атласову пришлось лично побывать в столице. Он сумел добиться оправдания и возвращения на камчатскую службу. При этом он получил полномочия более широкие — мог лично производить суд и расправу, а виновных наказывать батогами и даже кнутом.

Возможно, Атласов намеревался уехать на Камчатку надолго или навсегда, так как он взял с собой семью и наиболее ценное имущество. В июле 1707 года Атласов с отрядом вышел на реку Камчатку и принял руководство Верхнекамчатским и Нижнекамчатским острогами. В течение этого года Атласову пришлось дважды усмирять взбунтовавшихся коряков и камчадалов. Схватки между казаками и местным населением привели к человеческим потерям и с той и с другой стороны, поэтому Атласов решает наладить мирные отношения с камчадалами — разрешил добровольный платёж ясака и отпустил заложников из числа местного населения (аманатов) на волю. Одновременно он попытался ужесточить дисциплину среди казаков, что привело к недовольству среди них. В итоге в декабре 1707 года недовольные казаки Нижнекамчатского острога, сговорившись, отстранили Атласова с должности приказчика и посадили под арест. Как указывает камчатский писатель и краевед Михаил Жилин, «с помощью друзей Атласову удалось перебраться в Нижне-Камчатск. Но казачьи страсти продолжали бушевать и при новых приказчиках. Бунт возглавил казак Данила Анциферов. Приказчиков сместили, а затем убили. Опасаясь, что к руководству может вернуться Атласов, они решили расправиться и с ним» [3, с. 47]. Две версии убийства Атласова изложены у С. П. Крашенинникова. Согласно одной из них (во втором томе «Описания земли Камчатки») зачинщики бунта «Данило Анцыферов, да Иван Козыревской» послали в острог трёх человек с «составным» письмом к Атласову, «с таким приказанием, чтобы убить его в ту пору, когда он письмо читать имеет; но посланные вечером застали его спящего и зарезали»

² Дощаник — плоскодонное несамоходное деревянное речное судно небольшого размера с палубой (или полупалубой) и одной мачтой, использовавшееся главным образом для транспортных целей на большинстве рек России. — От ред.

[7, с. 482]. По другой, изложенной в записке «О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцов изменах и о бунтах служивых людей», Атласов был убит в тот момент, когда читал письмо: «Пришедши под Нижней острог тайно и ставши за протокою Камчатки реки. составили они ложную грамотку к Володимеру Атласову, и послали оную с двумя служивыми, с Григорием Шибанкою да с Алексеем Посниковым, которые, пришедши к Володимеру Атласову, подали помянутую составную грамотку, и, как он стал читать помянутую грамотку, то его Григорий Шибанко нечаянно ножем в бок заколол. А в то время при Володимере Атласове никакого не случилось и так оным убивцам к прочим изменникам без вреда уйтить удалося» [7, с. 472]. Существует и третья версия, изложенная Б. П. Полевым со ссылкой на работы русского историка-археографа Н. Н. Оглоблина: «Атласов, получив удар, в течение некоторого времени "схватя палаш, метался", отбиваясь от своих убийц. Все это происходило на глазах его жены Стефаниды Федоровны Атласовой» [10, с. 140].

Убийцы Атласова закончили свою жизнь трагически. Алексей Постников и Данила Анциферов через год были убиты местными жителями, Григорий Шибанов за участие в нескольких убийствах казнён в Якутске. Иван Козыревский сначала избежал наказания и отправился на поиск новых земель — в 1711 и 1713 годах он совершил походы на байдарах на северные Курильские острова — Шумшу и Парамушир, получил от местных жителей — айнов, подробные сведения обо всей гряде и первым сделал описание Курильских островов [3, с. 47]. Но в конечном итоге он был арестован как один из соучастников убийства Владимира Атласова, приговорён к смертной казни и умер 2 декабря 1734 года «в одном из московских застенков» [10, с. 146].

Практически все исследователи главным итогом экспедиции Владимира Владимировича Атласова считают присоединение к России Камчатки. Действительно, его поход на Камчатку в 1697—1699 годах стал, по сути, событием, завершающим историю открытий русских землепроходцев в XVII веке. Он прошёл весь полуостров с севера на юг и составил его первое географическое и этнографическое описание. Личность самого В. Атласова до сих пор вызывает много вопросов. Но он, бесспорно, принадлежал к числу наиболее выдающихся русских землепроходцев, которых не пугали ни расстояния, ни опасности со стороны людей и природы.

Фамилия Атласов и сегодня распространена на Камчатке. Это не означает, что все камчатские Атласовы — потомки первопроходца. Иногда фамилия восприемника (крёстного) давалась человеку при переходе в православную веру.

Наибольший интерес вызывают Атласовы, встречающиеся в исповедных росписях и метрических книгах Петропавлов-

ского собора, находящихся на хранении в Государственном архиве Камчатского края (г. Петропавловск-Камчатский). Попытку разобраться в том, являются ли они потомками первопроходца, мы предприняли с исследователем камчатских фамилий Сергеем Ивановичем Вахриным. Свои поиски он начал с Семёна Никитича Атласова, служившего вахтёром 47-го Камчатского флотского экипажа. Семён Никитич был братом титулярного советника Фомы Никитича Атласова, служившего заседателем Якутского земского суда, — подтверждение этому нашлось в документах Национального архива Республики Саха (г. Якутск) [17, л. 108]. В свою очередь в документах того же архива сохранилось предписание Якутского областного управления от 3 января 1829 года, в котором указаны сведения о предках коллежского секретаря Фомы Атласова: его прапрадед — казачий пятидесятник Владимир Атласов, его прадед — казак Иван Владимирович Атласов [3, с. 220].

Запись о бракосочетании из метрической книги Петропавловского собора, 1889 год.

Из материалов Российского государственного архива военно-морского флота (г. Санкт-Петербург) известно, что один из сыновей Семёна Никитича — Василий Семёнович, в 1845 году был зачислен матросом 2-й статьи в Камчатскую экипажную роту [1, с. 48]. В исповедной росписи Петропавловского собора за 1893 год перечислены Дамиан Васильев Атласов (32 года), Спиридон Васильев Атласов (28 лет), Михаил Васильев Атласов (33 года), которые, вероятнее всего, являются его сыновьями [6, л. 20, 29, 30]. Подтверждением этому может служить запись о бракосочетании из метрической книги Петропавловского собора, сделанная 5 февраля 1889 года, в которой о женихе

указано: «Флотского экипажа умершего писаря Василия Атласова Спиридон Василиев Атласов, православнаго вероисповедания, первым браком» [9, л. 29 (об.), 30]. К сожалению, массив метрических книг и книг записи актов гражданского состояния представлен в Государственном архиве Камчатского края за относительно небольшой промежуток времени — с 1885 по 1925 год. Тем не менее в них можно найти актовые записи и о рождении детей братьев Атласовых, и о бракосочетании. Кроме

того, определённую информацию можно почерпнуть из похозяйственных книг. Так, в похозяйственной книге Моховского сельского совета сохранились записи о составе семьи Атласовой Екатерины Спиридоновны (1895 г. р.), санитарки Петропавловской городской больницы. Самая поздняя запись относится к 1949 году [12, л. 48 (об.)]. Но создание полноценной поколенной росписи камчатских потомков Владимира Атласова ещё ждёт своих исследователей.

Список использованных источников

- 1. Вахрин, С. И. Тайны камчатских имён / С. И. Вахрин. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2016. — 298 с.
- 2. Встречь солнцу. Век XVI–XVII. Москва : Молодая Гвардия, 1987. 544 с.
- 3. Жилин, М. Камчатский Ермак / М. Жилин // Камчатский Ермак : сборник. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 7–49.
- 4. Жилин, М. Памятный крест / М. Жилин // Камчатский Ермак : сборник. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 141–149.
- 6. Исповедная роспись Петропавловского собора. 1893 год // Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 76. Л. 20, 29, 30.
- 7. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. Москва: Изд-во Главсевморпути, 1949. 841 с.
- 8. Леонтьева, Г. А. Якутский казак Владимир Атласов первопроходец земли Камчатки / Г. А. Леонтьева. Москва: РАН: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. 189 с.
- 9. Метрическая книга Петропавловского собора. 1889 год // ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 13.

- 10. Полевой, Б.П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2 / Полевой Б.П. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1997. 203 с.
- 12. Похозяйственная книга Моховского сельского Совета. 1949 год // ГАКК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 110.
- 13. Протоколы заседаний Камчатского облисполкома. 1960 год // ГАКК. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 510.
- 14. Снегирев, В. Л. Русские на Севере : борьба за освоение северных морей и рек/В. Л. Снегирев ; [предисл. проф. К. В. Базилевича]. Москва ; Ленинград : Военмориздат, 1945. 98 с.
- 15. Справка Камчатского губревкома. 1924 год // ГАКК. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 155.
- Шумский, Н. Судьба одной фамилии / Н. Шумский // Камчатский Ермак: сборник. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — C. 205–220.
- 17. Якутский статистический комитет. 1870 год // Национальный архив Республики Саха. Ф. 343и. Оп. 1. Д. 180.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 29.01.2021.

Сведения об авторе: Сесицкая Анастасия Сергеевна, начальник отдела публикации и использования документов ГАФ РФ КГКУ «Государственный архив Камчатского края» (г. Петропавловск-Камчатский). Контактные данные: e-mail: sesickaia@mail.ru.

ПОХОД ВЛАДИМИРА АТЛАСОВА ПО ЮГУ КАМЧАТКИ

Автор статьи предпринимает попытку переосмысления данных «Чертежей» начала XVIII века и применяет ландшафтно-ситуационный анализ сведений, приводимых в «скасках» Владимира Атласова, относящихся к его походу по южной части полуострова Камчатка в 1667–1669 годах. Приводимые им данные показывают, что казакамиатласовцами, помимо рек Большой и Голыгина, были открыты Голыгинские и Ходуткинские термальные источники, а также были получены первые устные сведения о реках Бобровке, Берёзовке и Аваче.

Ключевые слова: Владимир Атласов, казаки, Камчатка, Паужетка, Бобровка, Авача, Голыгина.

Keywords: Vladimir Atlasov, cossacks, Kamchatka, Pauzhetka, Bobrovka, Avacha, Golygina.

бзор существующих попыток описания похода отряда Владимира Атласова по западному побережью Камчатки (1667 г.) свидетельствует о том, что обычно таковые описания завершаются утверждением исследователей о достижении казаками реки Голыгина (Нынгучу) и о возвращении оттуда на реку Ичу. При этом историки (А. В. Ефимов, Г. А. Леонтьева, Б. П. Полевой и др.) непременно подчёркивали, что землепроходцы от устья реки Голыгина видели первые Курильские острова и всего за три дня не дошли до Бобровой (Каланской) реки, понимая под ней современную реку Озёрную.

Однако внимательный анализ исторических материалов и надписей карт и чертежей начала XVIII века позволяет говорить о том, что во время пребывания на юге полуострова казаки отряда В. Атласова, помимо реки Голыгина, побывали на реках Ильинской, Инканюш, Вестник, Ходутке, а также на Голыгинских и Ходуткинских термальных источниках, получив при этом первые устные сведения о реках Аваче, Берёзовке и Бобровке.

Всем этим и предопределяется необходимость прояснения некоторых обстоятельств, связанных с походом отряда В. Атласова по южной части полуострова Камчатка, на основе методологии ландшафтно-ситуационного анализа, суть которого, если предельно кратко, состоит в системном сопоставлении данных исторических событий с их физико-географическим обрамлением [2].

Понятно, конечно же, что таковой подход не заменяет, а всего лишь дополняет обычную работу с первичными архивными материалами и с данными исторических исследований. Тем не менее он позволяет как минимум обнаруживать чисто географические ошибки в исторических работах, коих, к сожалению, встречается немало. И как максимум помогает обращать внимание на те особенности ландшафтного антуража описываемого исторического события, которые побуждают несколько иначе осветить либо само это событие в целом, либо некоторые его обстоятельства.

К числу таковых, требующих дополнительного прояснения обстоятельств похода В. Атласова относится, например, ситуация с рекой Авачей, о которой известный отечественный историк Б. П. Полевой высказался следующим образом: «Из дошедших до нас документов ясно видно, что участники камчатских походов Л. С. Мороско-Старицина — Иван Енисейский (1695–1696) и В. В. Атласов (1697–1699) — не только сами не бывали в районе Авачи, но и не смогли доставить каких-либо сведений об этой реке на основании сообщений местных жителей» [20, с. 125].

С тем, что названные землепроходцы (кстати, В. Атласов был не участником похода Л. Мороско, а предводителем самостоятельного отряда) не могли побывать в районе реки

Авачи, остаётся только согласиться. Однако утверждение Б. П. Полевого об отсутствии у В. Атласова сведений о реке Аваче вызывает сомнение, так как между утверждениями «не имели сведений» и «не доставляли сведений» абсолютного равенства нет. И сомнение тем более обоснованное, что в официальной обстановке атаман кое-что в своих рассказах о Камчатке сознательно упустил. То есть при анализе его данных следует иметь в виду не только то, что он сказал в Якутском, Тобольском и Сибирском приказах, но и то, о чём он умолчал при создании своих «скасок», в том числе и о реке Аваче, и о горячих ключах юга Камчатки.

Карта Сибири от Енисея до Камчатки включительно (между 1699 и 1715 гг., деталь) [1, чертёж № 49].

Чертёж Ремезова — Атласова [1, чертёж № 48].

И умолчал, надо думать, потому, что не хотел упоминать о своём выходе на юго-восточное побережье полуострова, ибо это было отступлением от его главной задачи — приведения в подданство аборигенов и сбора с них ясака.

Однако, как представляется, при общении со знаменитым сибирским картографом Семёном Ремезовым в Тобольске в декабре 1700 года он был более откровенным, ибо только этим можно объяснить появление на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно (между 1699 и 1715 гг., деталь)» и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова», якобы созданном около 1700 года, рек Бобровки, Берёзовки и Вавачи, а также надписей, относящихся к Голыгинским и Ходуткинским горячим ключам, о которых на момент создания названных чертежей, кроме В. Атласова, никто говорить не мог.

В пользу этого предположения говорит отсутствие на «Чертеже И. П. Козыревского, 1713 г.» рек Бобровки и Берёзовки, расположенных южнее Авачинской губы. Да и в своих «Текстах» к названному чертежу камчатский казак И. П. Козыревский написал: «В прошлом 715 году по сему

Чертёж Козыревского, 1713 год (надписи сделаны С. У. Ремезовым) [1, чертёж № 50].

берегу и к носу вновь ясак брал и воинскими походами иноземцев на Аваче и на Муре реке (на Асаче. — В. Б.) умирил» [24, с. 260], ни единым словом не обмолвившись при этом о реках Берёзовке и Бобровке. Как ничего не говорил об этих же реках и Фёдор Болдаков, которого И. Козыревский в том же 1715 году посылал «...со служилыми в Камчадальской нос и на ближние острова с Авачи морем в байдарах ради ясачного сбора...» [24, с. 261].

Итак, В. Атласов действительно знал больше, чем последующие землепроходцы, посетившие юго-восточную часть Камчатки спустя 5—15 лет после него. Знал же, например, он из расспросов аборигенов о том, что «три дни не доходил до реки Бобровой», хотя сам он на ней так и не побывал. Как знал он и об ежегодных посещениях юго-восточных берегов полуострова японцами в районе Бобровой реки: «...иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше (севернее. — В. Б.) Камчатки (реки. — В. Б.) к Каланской Бобровой реке приходят по вся году бусы и берут у иноземцов нерпичей и каланский жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо» [23, с. 81].

Тем не менее историки и краеведы не обращали внимания на то, что казачий пятидесятник привязывал расположение реки Каланской (Бобровой) к крайнему юго-востоку, а не юго-западу Камчатки. Более того, полностью соглашаясь с В. Атласовым в том, что тот за три дня не доходил до

Каланской реки, они под этой самой Бобровой рекой понимали реку Озёрную. Хотя сам атаман об Озёрной никогда и ничего не говорил. О чём позволяет судить то, что на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...» и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова», нарисованных с привлечением данных В. Атласова, Курильское озеро есть, а вытекающей из него реки Озёрной нет.

И действительно, на указанных картах условные обозначения двух ключей с вытекающей из них безымянной рекой (а также надписи «В Курильской земле здесь ключи», «Река из ключей» и «Ключи горячие») располагаются северо-восточнее Курильского озера, тогда как Курильское озеро нарисовано бессточным. А потому правильнее будет считать, что изображения названных ключей и вытекающей из них реки относятся к современной реке Голыгина.

Позволяет говорить об этом и то, что данные о горячих ключах Паужетки казаков отряда Родиона Преснецова, побывавших в конце 1703 года на реке Озёрной, были записаны в Якутске лишь в 1707 году. А потому на момент составления названных выше карт неизвестными, ибо что-что, но упустить возможность упомянуть о горячих водах, которые «...большими ключами бьют кипятком вверх в сажень», он никак не мог. Так что о реке, истоки которой привязаны к ключам, расположенным вне долины реки Озёрной, мог сообщить только В. Атласов.

Отмечу, кстати, что отряд В. Атласова до посещения реки Голыгина с термальными источниками как таковыми не сталкивался. Во всяком случае, сам атаман в своих «скасках» об этом ничего не говорил. И не говорил, надо думать, потому, что решил умолчать о своём посещении юго-восточного побережья Камчатки. И только при общении с С. Ремезовым он сообщил некоторые данные о горячих ключах. Другое дело, что это были явно не Паужетские термальные источники.

И в самом деле, на «Карте Сибири от Енисея и до Камчатки включительно» имеется надпись: «Воды кипящие из под земли бьют, от ключей река течёт в море, а вода ключевая на с...[две] версты горяча, а если в те ключи птицу и не варено что положить, то сварится». А поскольку эта надпись располагается на восточной стороне Камчатского полуострова (точнее, восточнее его главного водораздела), то данное сообщение явно принадлежит В. Атласову. И это тем более верно, что в нём говорится о двухвёрстной тёплой реке, но ничего не сказано о гейзерах.

Тем не менее историки и краеведы раз за разом отождествляли эту надпись со свидетельством Р. Преснецова о Паужетских источниках: «А от тех теплых вод, за тою Большой рекой ещё видел ходом в двух же неделях за четырьмя реками немалыми близко иноземческого вышеописанного Курильского острожка в полуднище с обе стороны речки

малой с берегов и ровных мест идут тёплые воды большими ключами бьют кипятком вверх в сажень, а шириною, в тех ключах откуды та вода бьёт, окна обрешют 3 [сажени], а иные и меньше и текут в ту речку, а тою речкою до большой реки десятины с три зело горячи ж, пити не можно и ту де горячую воду черпали они служивые люди в посудинах и в ту воду клали рыбу и та рыба сварилась без огня, и в той большой реке та вода равняется с обычною водою» [Цит. по: 20, с. 130].

Более того, Б. П. Полевой, обнародовавший это свидетельство казака, совершенно не обратил внимания на то, что Р. Преснецов далее Паужетских горячих ключей не ходил. Во всяком случае, казак в своих показаниях не говорил даже о Курильском озере. Как не говорил он и о двухвёрстной тёплой реке, поскольку на Паужетке имеются только небольшие по длине и расходу воды тёплые и горячие ручейки, стекающие в реку Паужетку.

И действительно, Паужетские гидротермы располагаются в 18 километрах к западу от Курильского озера, возле северного подножия Камбального хребта. Где на термальной площадке, приуроченной к пойме реки Паужетки (левого притока реки Озёрной), до начала проведения буровых работ в середине XX века существовало два небольших

Якутская карта, 1710–1711 годы (деталь) [1, чертёж № 54].

гейзера, несколько парящих и пульсирующих источников, большое количество мелких выходов горячей воды и небольшое грязевое озерко. Тогда как Озерновские термальные источники располагаются на левом берегу реки Озёрной, в 26 километрах от её истока [17].

Однако и на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...», и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова», и на «Якутской карте, 1710—1711 гг.» горячие ключи расположены севернее Курильского озера. Из чего однозначно следует, что В. Атласов о реке Озёрной и термальных источниках в её долине ничего не знал. Что и подтверждается комментарием к «Якутской карте...»: «Река Большая, пала в Пенжинское море. Опала. Голыгина. Озеро. На озере остров, на острову острог курильских людей немирных. От Курильской земли влево пошла земля низменная через неё вдали значатца горы. Ключи горячественные, ис под земли бьют, от ключей река течёт, 3 версты, а буде в ключи положить птицу или мясо сырое, на рожне — сварица кипящие воды. Р. Вырезовка, Бобровка» [1, с. 38].

Кстати, стоит отметить, что исследователи, составившие список комментариев к этой карте, название «Берёзовка» расшифровали как «Вырезовка». Понятно, конечно же, что разобраться в русской скорописи тех времён не всегда просто. Однако, если вспомнить, что на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...» и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова» на этом же месте располагается река Берёзовка, то становится ясным, что на самом деле на «Якутской карте...» нарисована река Берёзовка, а не «Вырезовка».

Итак, всё изложенное позволяет считать, что единственной рекой юго-западной части Камчатки, в долине которой казаки В. Атласова могли обнаружить горячие ключи, является река Голыгина (Нынгучу), на правом берегу которой, в двух километрах выше впадения в неё реки Кузаньки, располагаются Голыгинские термальные источники. Ибо кроме В. Атласова о горячих ключах, расположенных северо-восточнее озера Курильского, долгое время никто не говорил.

И действительно, о Голыгинских термальных источниках, как, впрочем, и о горячих ключах бассейна реки Озёрной, ничего не сказал Семён Ломаев, посланный приказчиком Камчатки В. Колесовым летом 1705 года во главе 40 казаков на юг Камчатки для усмирения курил, не желающих платить ясак.

Не доставил таковых вестей и Михайло Наседкин, посланный тем же В. Колесовым зимой 1706 года для проведывания земли от Курильского острога и до Камчатского носа. Не упоминал о Голыгинских, Ходуткинских, а также о Паужетских и Озерновских горячих ключах, и И. Козыревский. Хотя река Озёрная, вытекающая из Курильского озера, на его чертеже уже присутствует. И хотя на этом же чертеже обозначены Начикинские горячие ключи реки Большой.

Более того, даже 40 лет спустя после похода В. В. Атласова С. П. Крашенинников написал: «Горячие ключи в шести местах мною примечены: 1) на реке Озерной, которая течёт из Курильского озера, 2) на речке Паудже, которая в Озерную пала; 3) на речке Бааню, которая за россошину Большей реки почитается, 4) близ Начикина острогу, 5) около Шемячинскаго устья, 6) на ея вершинах» [9, с. 179]. То есть и он ничего не сказал о Голыгинских горячих ключах как таковых. И не сказал потому, что сам он на этих ключах не побывал, а сведения о них, добытые В. Атласовым, оказались ему по разным причинам неизвестными.

Подобная же ситуация сложилась и с Ходуткинскими гидротермами. И в самом деле, достигнув на юго-западном побережье полуострова реки Голыгина, от устья которой В. Атласов «...на море видел как бы острова есть» [23, с. 81], отряд казаков круто повернул на восток. Причём казаки пошли вверх по долине реки Голыгина потому, что В. Атласов вознамерился отыскать на юго-восточном побережье бусу с кладом серебряных монет, выброшенную на берег в районе устья реки Инканюш. И это, кстати, не только моё мнение. Об этом, например, говорила Г. А. Леонтьева [12, с. 104]. Да и камчатский краевед М. Я. Жилин [7, с. 35–36], ссылаясь на данные Сибирского приказа, также считал, что В. Атласов с целью поиска клада серебряных монет побывал в устье реки Инка (Инканюш).

Выйдя по реке Голыгина и её притоку Правому Унконовичу к пологому и невысокому перевалу, расположенному между вулканами Желтовским и Ильинским, казаки спустились с него к реке Ильинской и по ней вышли к океанскому

Фрагмент физико-географической карты юго-восточного побережья Камчатки.

побережью, неподалёку от устья реки Инканюш. Однако, не обнаружив здесь «чаемую» бусу, которую к этому времени вновь унесло в океан, они последовали далее на север. И по низменным приустьевым участкам долин рек Инканюш, Ильинской и Жёлтой вышли к реке Вестник, по которой подошли к реке Инюшке (левый приток Вестника), прошли её долиной к верховьям реки Малой Ходутки и уже по ней спустились к реке Большой Ходутке.

Кстати, ко всему сказанному стоит добавить, что «Низменная земля» на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...» относится не к основанию мыса Лопатка, как считал Б. П. Полевой [20, с. 150], а к нижним частям долин рек Инканюш, Ильинской, Жёлтой, Вестник и Инюшки. То есть эта надпись, изначально расположенная не южнее, а северо-восточнее Курильского озера, явно привязывается к тому низменному участку юго-восточного побережья полуострова, на который отряд В. Атласова вышел в поисках бусы японца Денбея.

Что же касается последующей части похода атласовцев, то её можно представить следующим образом. Поскольку севернее устья реки Ходутки морской берег представлен узкими пляжами, обрывами и непропусками, то дальнейшее продвижение с оленями вдоль побережья стало невозможным, ибо на каменистых пляжах корма для оленей было предельно мало. Вот отчего, а также по причине наступившей зимы («А у Курилов никаких судов к водному ходу не видел, для того, что был зимним временем» [23, с. 82]) и начавшегося падежа оленей казаки были вынуждены направиться по долине реки Ходутки к западной стороне полуострова. Обнаружив при этом те самые «кипящие воды», в которых можно было варить мясо и рыбу.

Судить об этом позволяет надпись на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...»: «Воды кипящие из под земли бьют, от ключей река течёт в море, а вода ключевая на с (буква с чертой — титлом — наверху в русской арифметике обозначает цифру 200. — В. Б.) версты горяча, а если в те ключи птицу и не варено что положить, то сварится», которая не может относиться к Голыгинским термальным источникам уже хотя бы потому, что там термальная вода выбивается на поверхность по обе стороны небольшого ручья [13, с. 42]. При этом наиболее сильные её выходы отмечаются у подножия надпойменной террасы, где расположено горячее озерко около 10 метров в поперечнике и глубиной до 0,5 метра, с температурой воды в летний период до 43-45°C, тогда как сам ручей остаётся холодным. Да и длина его от места выхода термальных вод до реки Голыгина не превышает 300 метров.

Но коль скоро так, то единственным водотоком, к которому можно (и следует) отнести надпись о 200-километровой «горячей реке», может быть только река Ходутка.

И может быть потому, что казаки В. Атласова её истоком посчитали современную реку «Горячую» длиной около одного километра, шириной до 15–20 метров и глубиной до 1,5 метра. А поскольку отепляющее воздействие «Горячей» реки сказывается на достаточно большом расстоянии от её устья, то казаки В. Атласова и саму реку Ходутка назвали «Тёплой рекой».

Что же касается собственно «Горячей реки», то её формирование связано с 20 выходами термальной воды вдоль береговой линии и на дне реки [8, с. 149]. При этом наиболее мощные выходы термальной воды приурочены к двум большим грифонам, температура воды в которых достигает 78°С [13]. Однако мощные отложения гейзеритов в этом месте свидетельствуют о том, что раньше эти источники были гораздо более сильными и что вода в них во времена В. Атласова была явно более горячей, чем сейчас.

Кстати, поскольку при выходе термальных вод на поверхность содержащийся в них газ заставляет воду бурлить, то нет ничего удивительного в том, что таковое бурление казаки воспринимали за кипение. Хотя на самом деле её температура могла быть заметно меньше 100°C.

Итак, всё изложенное говорит о том, что В. Атласов действительно знал о существовании «Горячей реки», о чём позволяет судить надпись «Якутской карты, 1710—1711 гг. (деталь)»: «Ключи горячественные, ис под земли бьют, от ключей река течёт, 3 версты, и вода горяча, а буде в ключи положишь птицу или мясо сырое на рожне — сварица кипящие воды». Ибо эта надпись, располагаясь на восточной (Камчадальской), а не западной стороне полуострова, и по своему содержанию, и по своему смыслу тождественна соответствующей надписи «Карты Сибири от Енисея до Камчатки включительно...». Иное дело, что в этом случае речь идёт уже не о 200-вёрстной тёплой реке Ходутке, а о впадающей в неё короткой «Горячей реке».

Но мог ли отряд В. Атласова побывать в этих местах? На мой взгляд, вполне, так как казаки варить мясо могли только на этой «Горячей реке», ибо, как уже говорилось выше, на Паужетке они не были, а на Голыгинских ключах температура воды даже летом не превышает 43–45°C.

Ну, а далее ситуация сложилась следующим образом. Побывав на «Горячей реке», казаки горными тундрами проследовали на запад, к приморской равнине. При этом они по реке Левой Ходутке вышли к Голыгинскому озеру, образованному выходами многочисленных холодных ключей. Отчего, надо полагать, они и привязали к нему один из истоков реки Голыгина, тогда как второй исток они увязали с Голыгинскими горячими ключами. Выйдя по вытекающей из этого озера нынешней реке Кузанёк, которую сами казаки называли Голыгиной, на западное побережье полуострова, казаки по нему проследовали к реке Большой и далее —

к реке Иче, где ими ранее был оставлен кош (казацкий стан) с частью служивых людей и с японцем Денбеем [22, с. 74].

И вот что обо всём этом сказал сам В. Атласов: «А до Бобровой реки, которая на Пенежской стороне, не доходил он Володимер за три дня. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он Володимер с служилыми людьми назад и пришёл на Ичу реку. Божьим изволением олени у них выпали и итти им было вскоре в Анадырский острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье» [22, с. 74-75]. Кстати, из этого свидетельства следует, что юго-восточное побережье было довольно плотно заселено курилами. А потому сомневаться в том, что от них казаки сумели получить сведения о реках Берёзовой, Бобровой и Ваваче не приходится. Как не приходится сомневаться и в том, что именно от ходуткинских курил они сумели узнать о том, что до Бобровой реки им оставалось три дня пути. При этом они под рекой Бобровой, скорее всего, понимали нынешнюю реку Асачу.

Однако историки и краеведы этим фактам вопреки отождествляли реку Бобровку с рекой Озёрной, вытекающей из Курильского озера, совершенно не обращая при этом внимания на то, что В. Атласов о существовании этой реки, как уже говорилось, не знал, а потому и не мог именовать её Бобровой рекой. Как не обращали они внимания и на то, что река Бобровка и на «Карте Сибири от Енисея до Камчатки включительно...», и на «Чертеже Камчатки Ремезова — Атласова» располагается на юго-восточном, а не на юго-западном побережье полуострова.

Не заметили мои предшественники и того, что и на названных картах, и на «Якутской карте...» севернее реки Бобровки нанесены реки Берёзовка и Вавача, а не реки Голыгина, Опала и Большая, как следовало бы, если бы В. Атласов под Бобровой рекой понимал нынешнюю реку Озёрную.

Но в таком случае остаётся признать, что, скорее всего, причиной отождествления реки Озёрной с рекой Бобровой послужило то, что В. Атласов оговорился, сказав вместо «на Камчадальской стороне» — «на Пенежской стороне». Как, кстати, точно также он оговорился, когда сказал: «А за камчадальцами вдаль живут иноземцы — видом против камчадальцев чёрные и бороды меньши» [23, с. 79], ибо курилы от ительменов отличались большими бородами.

Впрочем, появление слов «на Пенежской стороне» можно объяснить и тем, что В. Атласов не знал (да и не мог знать) о существовании Тихого океана как такового. Как не мог он знать и того, что «Пенежское» (Охотское) море является частью его акватории. Зато из расспросов местных жителей ему было ведомо, что южная оконечность Камчатки и с запада, и с востока омывается одним и тем же морем, которое он, как и любой другой на его месте, вполне резонно посчитал Пенжинским.

Карта земли Камчатки с около лежащими местами (до 1755 г.) [1, чертёж № 115].

Напомню, кстати, в связи с этим, что даже через полвека после похода В. Атласова всю акваторию, прилегающую к восточным берегам Камчатки, именовали Камчатским морем и что даже в начале XX века на российских картах северо-западная часть Тихого океана именовалась Восточным океаном.

Что же касается С. П. Крашенинникова, на суждение которого в этом вопросе ссылаются исследователи, то он о реке Бобровой говорил, скорее, предположительно, нежели утвердительно: «Понеже ныне никакой реки на Камчатке Каланскою не называют, чего ради заподлинно знать **не возможно** (здесь и далее выделено мною. — $B. \, E.$), до которых мест доходил Атласов; а по словесным известиям Камчатских старожилов, доходил оной до реки Нынгучу, что именем Голыгина называется, по имени казака Голыгина, который в оном Атласовом походе пропал безвестно: чего ради думать должно, что Атласов под именем Каланской реки разумеет Игдыг или реку Озёрную, на которую с Голыгиной переезжают в третий день; а Каланскою назвали они её, может быть, по бобрам морским, которые там промышляются, и прежде сего писались Каланами» [9, с. 69]. То есть, как можно видеть, он всего лишь высказал предположение о тождестве реки Озёрной с «Каланской» рекой.

И, надо сказать, что для таковой осторожности в оценке ситуации с рекой Озёрной у великого натуралиста были весомые основания, ибо, побывав весной 1738 года на реке Озёрной, бывший студент ничего не сказал о добыче каланов в районе её устья. Да и от казаков Большерецка — от того же, например, Степана Плишкина, побывавшего по его наказу с 19 марта по 19 июля 1738 года на мысе Лопатка и на двух первых Курильских островах [9], он о

добыче морских бобров в районе реки Озёрной также ничего не слышал.

Впрочем, это и понятно, ибо морские бобры вблизи устья Озёрной постоянно не обитали, хотя одиночные каланы иногда заплывали и до реки Озёрной, и даже до реки Большой [3]. И не обитали потому, что берег Охотского моря по обе стороны от устья Озёрной сложен галечниками и песками, тогда как каланы предпочитают скальные, с обилием надводных и подводных камней, берега, потому что именно на каменистых субстратах обитают разнообразные моллюски — основной продукт питания каланов. Не случайно же для разведения моллюсков сооружают искусственные рифы и каменные нагромождения, а не намывают песок и гальку. Так что, если на крайнем юго-западе Камчатки и добывали бобров, то происходило это в 20-25 километрах и более к югу от реки Озёрной, то есть там, где к морю выходят скальные отроги Южной подобласти Восточного вулканического пояса.

Итак, исходя из всего сказанного, можно утверждать, что В. Атласов рекой Бобровой (Бобровкой) именовал одну из рек юго-восточного побережья полуострова. Правда, при этом несколько смущает то, что на «Чертеже И. П. Козыревского, 1713 г.» рек с названиями «Бобровка», «Берёзовка» и «Лиственнишная», расположенных южнее Авачинской губы, как уже говорилось, нет. Хотя он и сам побывал в этих местах, и казака Фёдора Болдакова туда посылал. Однако это можно объяснить тем, что И. Козыревский о существовании «Чертежей» С. Ремезова с реками Бобровкой и Берёзовкой не был знаком, а потому и не мог знать, что В. Атласов под рекой Бобровой понимал нынешнюю реку Асачу.

Зато на этом же чертеже И. Козыревского имеются реки с именами «Берёзовая» и «Бобровая», впадающие в Кроноцкий залив. И появились эти имена там, надо полагать, потому, что они были присвоены этим рекам казаками отряда Потапа Серюкова в 1698 году, от которых, пусть и через вторые руки, И. Козыревский и смог узнать их названия.

И действительно, в конце лета 1698 года, то есть сразу же после окончания постройки Верхнекамчатского зимовья, казаки отряда П. Серюкова предприняли поход на море с бобрами, о котором они узнали от местных жителей. Выйдя по рекам Повыче (ныне Кавыча) и Перевальной к Ганальскому хребту, казаки спустились с него к реке Мальцевской и двинулись по тропе, фрагментарно сохранившейся в этих местах вплоть до последней трети XX века. Следуя которой, они через перевал Берёзовый сперва подошли к горе Берёзовой (потухший вулкан Берёзовый), а затем, миновав нынешний вулкан Малый Семячик, одно время именовавшийся Берёзовым хребтом, вышли на всхолмленную предгорную равнину, поросшую каменноберёзовым лесом, и по ней спустились к устью реки Берёзовой. И не исключено, что

эта череда топонимов с одним и тем же корнем появилась здесь именно потому, что этими местами к океану прошли казаки П. Серюкова.

Выйдя к океану, они, следуя от лимана реки Берёзовой на север, подошли к мысу Жупановский с его скалистыми утёсами и надводными и подводными камнями, пригодными для обитания каланов. И, обнаружив там небольшое стадо морских бобров, они назвали нынешний большой ручей Бондаренкин, впадающий в Кроноцкий залив возле северного основания Жупановского мыса, Бобровой рекой, а сам Кроноцкий залив — Бобровым морем. То есть только здесь казаки смогли узнать о приверженности морских бобров к скалистым (дресвяным, как пишет В. Атласов, прознавший об особенностях обитания бобров от П. Преснецова) берегам. И именно здесь они добыли тех 10 морских бобров, шкурки которых они переслали В. Атласову на реку Ичу, привезённые им затем вместе с другим ясаком в Якутск. Хотя некоторые исследователи [12] считали, что летом 1698 года на побережье Бобрового моря побывал и сам В. Атласов.

Завершая свой поход, казаки отряда П. Серюкова, следуя по побережью к северу, вышли к реке Семячик, где они обнаружили рощу пихты сахалинской (грациозной) и, восприняв это дерево за лиственницу, назвали реку Семячик Лиственничной рекой. А затем по тропе, приуроченной к долине этой реки, ушли в Верхнекамчатск.

Во второй раз сведения об этих северных реках были получены казаками отряда Родиона Преснецова в 1703 году, которые, отклонившись после спуска с Ганальского хребта влево к реке Семячик (Шемечь), вышли по её долине к Кроноцкому заливу и направились далее по его берегу к югу. При этом казаки убедились и в существовании рощи пихты грациозной возле устья реки Семячик, и в обитании морских бобров вблизи устья реки Бобровой (ручья Бондаренкина), и в наличии реки Берёзовой, о которых им было известно из рассказов людей отряда П. Серюкова, встреченных ими ещё на подходе к Камчатке. И уже от них сведения об этих реках дошли до других землепроходцев, в том числе и до И. Козыревского.

Таковой выглядит ситуация с появлениями на ранних чертежах юго-восточного побережья Камчатки двух разных ареалов с почти одинаковыми гидронимами: Берёзовки и Бобровки — севернее реки Ходутки, и Бобровой и Берёзовой — на побережье Кроноцкого залива. И удивляться этому не приходится, ибо при освоении северо-востока Азии землепроходцы, из-за неумения создавать более или менее точные чертежи посещённых ими территорий, постоянно присваивали одни и те же географические названия совершенно разным ландшафтным объектам [2].

Впрочем, что там неграмотные и полуграмотные казаки. Ведь даже на «Карте земли Камчатки с около лежащими

местами», созданной адъюнктом Императорской академии наук Иваном Трускотом в 1754 году, реки Гижиги как таковой нет, а река Пустая оказалась размещённой на материке и притом текущей с севера на юг. Хотя ещё С. П. Крашенинников указывал, что эта река протекает на севере Камчатского полуострова с юга на север [9, с. 80]. Нет на этой карте и Гижигинской губы. Да и штурманы пакетбота «Св. Пётр» также поначалу приняли остров Беринга за Камчатку. Так стоит ли упрекать простых казаков в появлении рек с одним и тем же названием в разных местах?

Итак, всё изложенное позволяет говорить о том, что считать реку Озёрную рекой Бобровой (Каланской) должных оснований нет. А потому под рекой Бобровкой в трактовке В. Атласова, скорее всего, нужно понимать реку Асачу, в районе устья которой обитает небольшое локальное стадо каланов, восстановившееся уже в наше время.

Правда, на современных картах южнее Авачинской губы река Бобровая как таковая отсутствует. Однако реки с названием «Берёзовая» и «Лиственничная» там есть [10; 14]. И не исключается, что эти названия могли дойти до нас ещё со времён В. Атласова. Во всяком случае, таковое объяснение причин появления данных гидронимов на юго-восточном побережье не противоречит ситуации со становлением географической номенклатуры полуострова.

Таким образом, ландшафтно-ситуационный анализ данных, относящихся к походу отряда В. Атласова по крайнему югу Камчатки, позволяет говорить о том, что землепроходцы не только открыли Голыгинские и Ходуткинские горячие ключи, но и получили от местных жителей данные о реках Берёзовке, Бобровке и Аваче. Правда, при этом казаки ничего не узнали об Авачинской губе. Однако это, на мой взгляд, объясняется тем, что в языке курил слово (и понятие), аналогичное русскому слову (понятию) «губа», отсутствовало. А поскольку переводчики в этом диалоге русских с курилами недостаточно хорошо знали курильский язык, то казаки и курилы просто не сумели понять друг друга.

Стоит отметить и то, что именно использование методологии ландшафтно-ситуационного анализа при интерпретации скудных сведений землепроходцев позволило обнаружить некоторые ошибки в описании похода атласовцев поюжной оконечности полуострова, допущенных предыдущими исследователями, а также, пусть бы и отчасти, объяснить причины их появления. Правда, при осуществлении этого анализа я опирался на суждения и мнения лишь наиболее признанных авторитетов в сфере познания истории открытия Камчатки. Но и это вполне понятно, ибо в рамках одной статьи рассмотреть все имеющиеся публикации на заявленную тему просто невозможно.

Что же касается самих указаний на ошибки предшественников, то это всего лишь подкрепляет общепризнанный постулат о том, что от ошибок никто не застрахован. А потому, надеюсь, что и к моим вероятным ошибкам возможные оппоненты отнесутся не как к криминалу, а как к вполне нормальным издержкам процесса поиска истины. Но вот для того, чтобы таковые поиски были более содержательными, и пришлось прибегнуть к частому цитированию. Ибо при моих ранних попытках обойтись без привлечения цитат оппоненты, рецензенты и эксперты, не пожелав заглянуть в упоминаемые мною первоисточники, зачастую обвиняли меня в трёх «грехах»: в незнании фактического материала, в искажении мнений и суждений других исследователей и в подрыве их авторитетов. А иногда и в неэтичности, поскольку-де ушедшие исследователи не могут отстаивать свои представления. Так что иного, кроме прямого цитирования, способа для того, чтобы избежать ненужной полемики по поводу того, кто есть кто, просто нет.

К тому же, добавлю, что, приводя ту или иную цитату с указанием страницы из первоисточника и выражая своё мнение по поводу её содержания, я, по сути дела, предоставляю оппонентам, рецензентам и читателям возможность думать об анализируемой проблеме, а не об авторе публикации. Априори предполагая тем самым, что в результате таковых раздумий кто-то сможет предложить более точное или, по крайней мере, более изящное её решение.

Список использованных источников

- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII—XVIII вв. / Акад. наук СССР; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; под ред. чл.-кор. АН СССР А. В. Ефимова. Москва: Наука, 1964. 194 карт; XV, 134 с.
- 2. Быкасов, В. Е. Путешествие имён по карте / В. Е. Быкасов // Дальневосточный регион России, XVII—XIX вв. : сб. науч. ст. Владивосток, 2015. С. 253–291.
- 3. Вершинин, А. А. Каланы у берегов Камчатки / А. А. Вершинин, Б. В. Хромовских // Вопр. геогр. Камчатки. 1977. № 7. С. 19–25.
- 4. Ефимов, А. В. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVIII веке на Северо-Востоке Азии: [вступ. ст.] // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-

- востоке Азии : сб. докл./сост. Н. С. Орлова. Москва, 1951. С. 6–48.
- 5. Ефимов, А. В. Из истории великих русских географических открытий / А. В. Ефимов. Москва : Наука, 1971. 300 с.
- 6. Ефимов, А.В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII—первая половина XVIII в./А.В.Ефимов.— Москва: Гос. изд-во географической лит., 1950.—317 с.
- 7. Жилин, М. Я. Камчатский Ермак / М. Я. Жилин // Камчатский Ермак: сборник. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 7–47.
- 8. Камчатка. Справочник туриста / авт. текста: В. Ф. Мокряк [и др.]. Петропавловск-Камчатский: РИО КОТ, 1994. 228 с.
- 9. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки : в 2-х т. Т. I / С. П. Крашенинников. — Репринт. изд. — Санкт-Пе-

- тербург : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камшат, 1994. 438 с.
- Кусков, В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области: (из истории происхождения геогр. названий) / В. П. Кусков; Камчат. отд. Геогр. о-ва СССР. — Петропавловск-Камчатский: [Дальневост. кн. изд-во], 1967. — 128 с.
- 11. Лебедев, Д. М. География в России петровского времени / Д. М. Лебедев. Москва ; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. 384 с.
- 12. Леонтьева, Г. А. Якутский казак Владимир Атласов первопроходец земли Камчатки / Г. А. Леонтьева. Москва: Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 1997. 189 с.
- 13. Лодис, Ф. А. Камчатка край лечебный / Ф. А. Лодис, В. И. Семёнов. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во: Камчат. отд-ние, 1993. 150 с.
- 14. Лоция Берингова моря. Ч. 1: Восточный берег Камчатки / Упр. нач. гидрограф. службы Воен.-Мор. флота. Ленинград: [б. и.], 1959. 245 с.
- 15. Океанографическая энциклопедия / пер. с англ. А. А. Алимова [и др.]. Ленинград : Гидрометеоиздат, 1974. 630 с.
- 16. Отписка сына боярского Курбата Иванова в Якутскую приказную избу о промыслах моржовой кости на р. Анадыре, новых местах её нахождения, трудностях службы в анадырском остроге // Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Москва, 1951. С. 405–408.

- 17. Паужетские горячие воды на Камчатке / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т вулканологии. Москва: Наука, 1965. 208 с.
- 18. Полевой, Б. П. Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке / Б. П. Полевой // Вопросы географии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1965. Вып. III. С. 119–122.
- 19. Полевой, Б. П. Кем и когда была открыта Авачинская губа? / Б. П. Полевой // Норд-ост: люди, природа, история Камчат. обл.: сборник. Петропавловск-Камчатский. 1984. С. 75–81.
- 20. Полевой, Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2 / Б. П. Полевой. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1997. 203 с.
- 21. Полевой, Б. П. Плавал ли И. М. Рубец от Лены до Камчатки в 1662 г.? / Б. П. Полевой // Норд-ост : люди, природа, история Камчат. обл. : сборник. Петропавловск-Камчатский, 1984. С. 34–51.
- 22. «Скаска» Вл. Атласова, 1700 г. // Колумбы земли русской. Хабаровск, 1989. С. 69–76.
- 23. «Скаска» В. Атласова, 1701 г. // Колумбы земли русской. Хабаровск, 1989. С. 76–83.
- 24. Тексты «Чертежа Камчадальского носу монаха Игнатия Козыревского» // Колумбы земли русской. Хабаровск, 1989. С. 258–269.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 10.12.2020.

Сведения об авторе: Быкасов Валерий Егорович, научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, действительный член Камчатского краевого отделения РГО (г. Елизово).

Контактные данные: www.bykasov.com; e-mail: pkcats@gmail.com; тел. 8-909-881-19-57.

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ ВЛАДИМИР АТЛАСОВ

Статья посвящена землепроходцу и путешественнику Владимиру Владимировичу Атласову, совершившему в XVII веке два похода на полуостров Камчатка. Автор пытается разобраться в поступках и действиях «камчатского Ермака», предположить, чем они могли быть продиктованы. Завершает публикацию небольшая генеалогическая зарисовка потомков В. В. Атласова.

Ключевые слова: Владимир Атласов, Камчатка, казачество, Якутия, Ерофей Хабаров, Дальний Восток.

Keywords: Vladimir Atlasov, Kamchatka, Cossacks, Yakutia, Yerofey Khabarov, Far East.

игура Владимира Владимировича Атласова в исторической литературе весьма противоречивая и, нужно это признать, довольно слабо изученная, хотя о нём написаны сотни, если не тысячи, книг и существуют миллионы различных упоминаний в художественной литературе, а тем более в Интернете.

Тем не менее личность «камчатского Ермака» исследована весьма поверхностно и довольно трафаретно — или только всё в плюсах, или только в минусах. А это был живой человек, со сложным характером, оказавшийся в чрезвычайно сложных жизненных обстоятельствах...

Но по порядку.

Владимир Владимирович не был уроженцем Якутии. Он прибыл сюда вместе с двумя братьями уже в зрелом возрасте и 9 июля 1682 года был верстан в казаки в «женатый ок-лад», то есть прибыл в Якутию вместе с женой Степанидой.

Якутским казаком в течение 13 лет (с 1651 г.) был его отец Владимир Тимофеевич Отлас. Своё прозвище Владимир Тимофеевич (в Сибири людей обычно именовали по месту, откуда человек сюда прибыл, а прибыл Отлас с Усолья) получил вовсе даже не по атласной рубахе, которая в Сибири была не в редкость, а совершенно по другой причине.

Давайте заглянем в книгу известного историка Галины Александровны Леонтьевой «Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки»: «Откуда у отца землепроходца могло появиться прозвище "Отлас"? <...> На Русском Севере, в Поморье, Пермской земле, Предуралье "отласами" называли покрытый особым составом (жиром, воском) грубый холст, который использовался для пошива непромокаемой одежды (портов, епанчей, рукавиц), необходимых рыбакам для выхода в море» [5, с. 31–32].

Прозвище, которое давали в Сибири, как правило, становилось родовым именем — фамилией. Так, Ерофей Павлович Святитский, для которого прибыток, барыш, удача, взятка были смыслом его жизни, получил новую фамилию — Хабаров. А томский казак со вздорным (поганым) характером, потомки которого впоследствии писались Мухоплевыми, на самом деле имел прозвище Мухосран, но, выбившись в большие люди, его потомки, с ведома общества, внесли поправки в своё родовое прозвище, но не могли исправить это прозвище в корне.

Владимир Отлас был непростым человеком, что и нашло отражение в его прозвище — скользкий, «непромокаемый», ухватистый. Приведу только один пример. Поездка в Москву в составе ясачного конвоя или с важными государственными бумагами считалась наградой за открытие новых земель и пополнение государевой казны. Владимир Отлас не прославился ни тем ни другим, а в Москве был самым частым из

всех якутских казаков гостем (по данным Г. А. Леонтьевой, в 1658–1660, 1661–1663, 1668–1669, 1671–1673, 1677–1678 гг.).

Ответ может быть только один — он был посредником в торговых операциях с пушниной, которая доставлялась в столицу вместе с ясаком, представляя интересы верхушки той якутской власти, которая правила в воеводстве, невзирая на все двух-, трёх- и четырёхгодичные смены власти воевод. Кстати, мало кто из якутских воевод того времени добирался до Руси живым...

Готовил ли Отлас себе замену? Конечно, ведь в Усолье (до сих пор не уточнено, был ли Владимир Тимофеев из Усолья Камского или Вычегодского) подрастали трое его сыновей, которых он, по всей видимости, лично привёз в Якутск в свою последнюю московскую поездку. Но что-то не сложилось.

Хотя обратим внимание на очень важный факт. В первую свою командировку в 1682 году (в год смерти отца) Владимир Владимирович Атласов, сын Отласа, отправился вторым официальным лицом и впоследствии именно ему (самому молодому и неопытному!) было поручено сопровождать ясак в Якутск.

На этом мы остановимся. И попросим известного историка Б. П. Полевого уточнить причину такого «карьерного взлёта» молодого Атласова: «...знание грамоты Владимиру Атласову очень пригодилось. Он стал подьячим, ибо имел весьма неплохой почерк. Уже в январе 1683 г. Атласов вернулся в Якутск с алданским ясаком и новыми известиями об обнаружении на верхнем Алдане слюды. В феврале 1683 г. Владимир был лично допрошен якутским воеводой И. В. Приклонским. Одновременно молодой Атласов доложил воеводе о некоторых нарушениях порядка сбора ясака на реке Учур. В частности, по поручению учурского приказного казачьего пятидесятника Ивана Жиркова, он "известил" воеводу о том, что учурские эвенки жалуются на различные злоупотребления сборщика ясака Ивана Усакина (Ивана Фомича Усанина. — С. В.)» [7, с. 74].

Иван Фомич вышел сухим из воды. Но, думаю, ни он, ни старожилы Якутска не простили молодому Атласову этого доноса. Хотя, подчеркнём это, Атласов действовал по приказу своего командира, пятидесятника Ивана Жиркова, и защищал государственные интересы.

«В августе 1684 г. Владимир Атласов снова в качестве "подьячего" был послан на "двуегоднюю службу" с казачьим пятидесятником Андреем Амосовым на далекую реку Уду» [7, с. 78]. Б. П. Полевому удалось найти документ, который раскрывает, каким образом Атласову удалось избежать той дальней и долгой командировки, он отыскал «...челобитную Василия Протасова, в которой он просил "вместо его, Волотьки, служить ваших великих государей служба два годы с пятидесятником казачьим с Ондреем Омосовым, а ему, Волотьке итти с отписками в Якуцкий острог"» [7, с. 78].

В 1686 году у Владимира Владимировича в Якутске родился сын Иван. И далее исследователи снова отмечают некую привилегированную роль Атласова в Якутске. Судите сами: «В августе 1687 г. Владимира Атласова снова отправили на Уду с отрядом казаков, во главе которых стоял Иван Крыженовский (Крыжановский. — *С. В.*). Как бывалый человек Атласов смог быстро довести новый отряд до места. Однако и на этот раз он пробыл на Уде только одну зиму и вернулся в Якутск к своей семье. Именно в этот период он добился выделения ему в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил вместе с братьями Иваном и Григорием на одном отцовском подворье» [7, с. 79]. И добился никакого-то там двора на отшибе, а получил земли, принадлежавшие некогда известному якутскому казаку десятнику Сергею Брусенкину (Брусенину), в недавнем приказчику на Колыме. А участвует в этом землеотводе казак Лука Старицын (Мороско), который вместе с Иваном Васильевичем Голыгиным спустя десять лет проторили Атласову дорогу в Камчатку.

И далее: «Новый воевода Якутска Петр Зиновьев наделил Владимира Атласова в 1687 г. особыми полномочиями: вести суровую борьбу с самогонщиками и также с неплательщиками ясака. Молодой казак рьяно принялся выполнять возложенные на него поручения. Воеводе посыпались жалобы на то, что Владимир Атласов слишком лихо разбивал посуду у самогонщиков. Сын боярский В. А. Петриловский даже завел против него дело, однако оно было вскоре прекращено» [7, с. 79]. То есть снова молодой и задорный Атласов использован (подчёркиваем — в государственных целях!) в конфликте со старожилами Якутска. Ведь Петриловский — внучатый племянник самого Ерофея Павловича Хабарова.

Но это ещё не всё. Помимо борьбы с самогонщиками, Владимир Владимирович столь же азартно принялся выбивать долги из «неплательщиков ясака», то есть из тех, кто опять же позволил себе неуплату государственных налоговых сборов. И вот что из этого вышло: «Иначе обстояло дело со сбором недоимок. Тут Атласов и его помощники явно перестарались. Они силой забирали меха у якутов. Порою прибегали к рукоприкладству. С рек Амги и Татты к воеводе П. П. Зиновьеву стали поступать жалобы на поведение Атласова. Воеводе пришлось завести против него специальное дело. В "описи Якутской архивы 1703 г." оно названо так: "Столп, в нем дело казака Мишки Гребеньщика да Волотьки Отласова, что они ездили в волости, воровали ясачных людей. разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили". В 1930-х годах в Ленинграде были найдены и опубликованы листы этого дела. В них содержались показания многочисленных свидетелей из якутов. Многие из них жаловались на рукоприкладство Владимира Атласова, но признавали, что действовал он так не ради личного обогащения, а ради покрытия недоимок в сборе ясака. По решению якутского воеводы Атласов был публично порот "на козле"» [7, с. 79–80].

И не просто порот. Совершенно не случайно следующее его назначение на службу было в Анадырский острог, куда уже был до него сослан Лука Старицын (Мороско), который жил и действовал «бесстрашно».

В 1692 году Владимир Атласов участвует в походе к восточным чукчам. Что там случилось на самом деле, мы не знаем. Но вот конечный результат: «Во время этого похода к восточным чукчам резко обострились отношения между Владимиром Атласовым и Семеном Чернышевским. Атласов открыто выступал против многих действий анадырского приказного. Оскорбленный С. Чернышевский доносил в Якутск, что Атласов перед народом его "срамил всякою неподобною бранью, матерной и ротовой, и вором и плутом называл". <...> Чернышевский хотел учинить над Атласовым расправу, но не смог: Атласов "в руки не дался" и даже обвинил приказного в государственной измене. Когда Атласова силой привели в Анадырский острог на допрос, он просил простить его за горячий нрав: "виноват де он, Волотька... дела де он... на сына боярского на Семена Чернышевского не знает, а сказывал де он то великих государей дело напрасно, боясь батогов"» [7, с. 80-81]. То есть снова, в какой уже раз, на первый план выступает государственное значение, государственный смысл как основная мотивация поступков и действий, в том числе наказуемых батогами и ссылкой, Владимира Атласова.

А вот теперь давайте вспомним, что о посещении бассейна реки Камчатки в Якутске было известно уже в 1660-х годах. Затем последовали многочисленные походы Ивана Васильевича Голыгина, Луки Семёновича Старицына (Мороски), но Камчатка не стала в результате этих походов частью Российской империи. Она даже не стала официальным присудом Анадырского острога, сбор ясака в котором с чукчей и коряков был в тот период самым мизерным. А в это же самое время, когда по всему Якутскому воеводству шёл недобор пушнины, промысел соболей и лисиц на полуострове промышленными людьми шёл уже полным ходом — только в составе экспедиции Луки Старицына (который не дошёл «одного дня пути» до реки Камчатки) участвовало около шестидесяти промышленников.

По всей видимости, существовал корпоративный сговор — сговор верхушки якутской казачьей власти с промышленниками и торговцами пушниной о контрабанде камчатской пушнины. Другого объяснения я просто не нахожу. Скрытие крупнейшего на тот период промыслового района Якутского воеводства, которое не справлялось с «плановыми заданиями», было государственным преступлением. А то, что о Камчатке в Якутске знали все, красноречиво говорит так

называемое камчатское дело 1690 года, согласно которому (пусть это даже и было воеводской фальсификацией) бунтовщики, якобы разгромив Якутск и уничтожив его начальство, собирались бежать на Камчатку.

И только Владимир Атласов взял (или возложил) на себя миссию присоединения Камчатки к землям российского владения. И когда он начал свой поход на Камчатку, руководствуясь наказом якутского воеводы Гагарина, очередной анадырский приказчик, сын боярский Григорий Постников, послал «за ним, Володимером, в погоню, чтоб он, Володимир, в таком дальнем расстоянии и своей дуростью не потерял служилых людей и иноземцев» [Цит. по: 7, с. 85]. Конечно, причина на самом деле была иной: Постников должен был любой ценой остановить Атласова.

Вы не находите странным такое поведение анадырского приказчика? Ведь Луку Старицына с Иваном Голыгиным прежде в здешние края было посылать не страшно, и никто их назад не возвращал из дальних походов, наоборот. И никто из этих дальних походов не привёз первые, столь подробные и бесценные по своей сути, сообщения о земле Камчатке, которые изложены во второй из известных «скасок» Владимира Атласова (опубликованы Н. Н. Оглоблиным в третьей (сто пятьдесят восьмой) книге «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете в 1891 г.).

Поход Атласова не был (по сибирским меркам) каким-то особенным, чтобы его выделять, как это делают некоторые наши современники, в категорию «разбойных».

Чтобы действовать малыми силами на «незнаемой» земле в окружении «инородцев» — населения, которое враждебно относится ко всем чужим (даже с ближних соседних рек, почему каждое их поселение на полуостровной Камчатке представляло из себя небольшой острожек — укрепление), нужно было действовать стремительно, напористо, смело, подавляя своей силой и внушая страх. Таков был один из принципов любого, в том числе и сибирского, завоевания, который позволил казакам в кратчайшие сроки, пройдя Урал, дойти до берегов Тихого океана.

Давайте посмотрим, что творилось в это же самое время в так называемых культурных европах, чтобы сравнить «разбойный» характер сибирского покорения с европейскими войнами, в том числе и с гражданскими, которые велись во имя сохранения каких-то европейских ценностей. Откроем Интернет.

«Английская "королева-девственница" Елизавета I отрубила голову не только Марии Стюарт, она казнила ещё 89 тысяч своих подданных» [1].

«Жестокость порождалась постоянными опустошительными войнами западноевропейских держав уже после Средних веков (которые были ещё безжалостнее). Тридцатилетняя

война в XVII веке унесла половину населения Германии и то ли 60, то ли 80 процентов — историки спорят — населения её южной части. Папа Римский даже временно разрешил многожёнство, дабы восстановить народное поголовье. Усмирение Кромвелем Ирландии стоило ей 5/6 населения. От этого удара Ирландия не оправилась уже никогда» [1].

«Крестоносцы в ходе альбигойских войн вырезали больше половины населения Южной Франции. Усмиритель Пруссии, великий магистр ордена крестоносцев Конрад Валленрод, разгневавшись на курляндского епископа, приказал отрубить правые руки всем крестьянам его епископства. И это было исполнено! 16 февраля 1568 года (время разгара опричнины Ивана Грозного) святая инквизиция осудила на смерть всех (!) жителей Нидерландов как еретиков, а испанский король Филипп II приказал привести этот приговор в исполнение. Это не вполне удалось, но королевская армия сделала, что смогла. Только в Харлеме было убито 20 тысяч человек, а всего в Нидерландах — 100 тысяч» [8].

Таблица. Число убитых и раненых в войнах Европы в отдельных странах за 17-е столетие, по Питириму Сорокину [2].

	, , , , , , , ,
Страна	Человеческие потери (в тыс. чел.)
Франция	658
Австрия	1 560
Великобритания	160
Россия	119
Германия	-
Испания	559
Голландия	290
Италия	17
Польша + Литва	348
Итого	3 711

«Население Европы на середину 17-го столетия, по Сорокину, составляло 55 млн человек. Количество убитых и раненых на 1 000 жителей — 45,4 человека» [2].

И вот действия Атласова на Камчатке, которые касались уже не только первого, но и второго принципа сибирского покорения — использование «местного ресурса» — межплеменной и межродовой вражды, которая в отдельных случаях, мало освещённых в исторической литературе, приводила к полному уничтожению родов и племён, в том числе и на доатласовской Камчатке, о чём рассказывали Степану Крашенинникову и Георгу Стеллеру сами камчадалы (см.: С. П. Крашенинников, «Описание земли Камчатки», Г. Стеллер, «Описание земли Камчатки»).

И что получается? Коряки мстили (и отчасти справедливо) Атласову за то, что Атласов собрал с них второй ясак, и компенсировали свою месть тем, что захватывали оленье стадо (возможно, ранее им и принадлежащее), а казаки,

естественно (это их единственное пропитание в период долгой камчатской зимы), вступали с ними в бой.

На реке Камчатке казаки действовали в союзе с верхнекамчатскими камчадалами, при этом Атласов весьма преувеличил вражьи силы и, соответственно, свои победы.

С курильцами, дав им первый бой, в последующие бои даже вступать не стали — «никакого живота (имущества. — *С. В.*) нет и в ясак взять нечего» [Цит, по: 6].

Так с чего это вдруг современные отечественные «историки» так ополчились на сибирское казачество и на Владимира Атласова, в частности, приписывая им зверства, прежде «неизвестные» человечеству?!

А выясняется, что сами сибирские казаки и, в частности, тот же Владимир Атласов старательно приписывали себе и своим людям такое количество жертв в боях с «инородцами», какое могло быть «по достоинству» (то есть в рублях!) оценено в московских приказах, потому что за каждого убитого в бою «инородца», а также за убитую боевую лошадь (про оленей не знаю) сибирским казакам полагалась доплата к жалованью — те самые «боевые», которые платят солдатам всех армий мира и по сегодняшний день. Отсюда и «жар» атласовской фантазии: «А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть» [Цит, по: 6]. Может, по четыре и даже пять земляных юрт в каком-то острожке и было, но только без этих надуманных «сотен». Самым крупным из всех населённых пунктов Камчатки был острожек Кунупочич тойона Начики Машурина, верного союзника русских казаков на протяжении всей истории. Этот острог, как известно, не подвергался нападениям, разрушениям и «зверствам» казаков. То есть на примере этого острога спекулировать историческими небылицами о том, что казаки разрушили, уничтожили и изничтожили сотни острожков (населённых пунктов) камчадалов, не получится. С. П. Крашенинников сообщал о том, что в Машуринском острожке проживало 84 «ясакоплательщика», из которых 70 были «лисичниками», а 14 — «собольниками» [4, с. 510].

А вот и описание: «От Горелого острогу в 48 верстах с половиною находится знатной камчатской острожек, по их Кунупочичь, а по-русски Машурин называемой, которому в рассуждении многолюдства нет ныне подобного по всей Камчатке. Он стоит на левой стороне Камчатки-реки при устье озерного истока Пхлаухчича. Строения в нем девять земляных юрт, 83 балагана и хоромы изрядные, в которых живет тойон с своим родом» [4, с. 110]. Об этом тойоне спустя столетие путешественник Карл фон Дитмар услышит нечто, переворачивающее некоторые исторические представления: «Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадальских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из

Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну» [3]. Этим легендарным Мерлиным и был тойон Начика Машурин, убивший Голгоча — одного из главных руководителей Харчинского бунта. Так что Атласов сделал очень верную дипломатическую ставку на самую сильную фигуру Камчатки, которая оставалась верной этому союзу даже в самые тяжёлые для Начики Машурина и его родников годы действительного казачьего разбоя, приведшие к бунту камчадалов в 1731 году, расследованием которого занималась специальная походная розыскная канцелярия под руководством майора Якутского пехотного полка Василия Фёдоровича Мерлина, крестного отца Начики Машурина.

Кстати, и Горелый острог — это не следствие похода Владимира Атласова и его товарищей. Вот какие сведения о нём и камчатских доатласовских событиях оставил нам Степан Петрович Крашенинников: «...есть знатное урочище, называемое Горелой острог, потому что там бывало прежде многолюдное камчатское поселение, которое еще до покорения Камчатки сожжено камчадалами по причине случившегося мору» [4, с. 110].

Взлёт и падение Атласова начались не с похода, который обессмертил его имя. Он так и не стал своим в Якутске. Ему и впоследствии не простили этот поход. Оценил подвиг Атласова лишь новый государственный человек — якутский воевода Дорофей Афанасьевич Траурнихт, в знак высокой награды отправивший в 1700 году Атласова с товарищами в Москву доложить об открытии и освоении новой земли Камчатки.

1690-е годы были самыми сложными для Якутского воеводства: сборы ясака резко падали в связи с тем, что на северо-востоке России свирепствовало «оспяное поветрие» да и соболя в здешних местах основательно повыбили. Поэтому открытие соболиной Камчатки было величайшим достижением для якутского воеводы.

Москва, казну которой беспощадно поглощали реформы и войны, затеянные юным царём Петром, прорубавшего зачем-то санкт-петербургское балтийское окно, когда давно уже стояли крепкие архангелогородские ворота «в Европу», нуждалась как в деньгах, так и во всём, что приносило России эти деньги.

Поэтому в столице Владимир Атласов был признан героем и награждён по-царски и от имени царя. Его произвели в чин казачьего головы, то есть головы над всеми якутскими казаками, второго после воеводы человека в Якутске, столицы всего северо-восточного края России. Ему было предоставлено право лично набрать в Тобольске, Томске и Енисейске сто казачьих детей из семей казаков-старожилов для своего второго похода на Камчатку и закрепления её территории за Россией, а также для создания на Камчатке

постоянных казачьих гарнизонов и возведения острогов крепостей. Ему было предоставлено право приобрести для себя товаров на 100 рублей, а это 20 годовых окладов рядового казака. Добавим к этому возраст нашего героя ему только перевалило за 40 лет, то есть это был самый расцвет сил, когда он стал национальным героем и въезжал в Сибирь совершенно новым человеком, перед которым раскрывались все двери. Конечно, не перед ним — перед царским указом, по которому велено было выполнять все требования Владимира Владимировича Атласова. Но он принимал всю эту показную почтительность на личный счёт и на первых порах вёл себя в соответствии со своим высоким рангом и высочайшими полномочиями: в Тобольске он действительно отобрал в свой отряд 50 казачат из самых крепких и известных казачьих семей, в том числе детей атаманов и сынов боярских, воспитанных в священных для традиционного казачества обычаях и правилах служить Вере, Царю и Отечеству...

А вот далее, углубляясь в сибирскую глушь и всё более и более погружаясь в кураж от своего величия, а, с другой стороны, сталкиваясь всё с более и более снисходительным, а то и просто презрительным к себе отношением, которое особо проявилось в Енисейске, где отряд застрял по целому ряду причин, связанных с тем, что местной администрации и местному казачеству не было дела до Атласова и его нужд, казачьего голову начал переполнять гнев.

Да, ему выделили согласно царскому указу энное количество казачьих детей для Камчатского похода. Но енисейские казаки, в отличие от тобольских, которые несли службу по всей Сибири-матушке и почитали это своим священным долгом, думали по-другому. Они давно уже обзавелись, как и томские казаки, своими хозяйствами, вели торговлю и не желали отправлять своих сыновей куда-то на погибель, а потому пошли с Атласовым на сговор: подменили своих сыновей на всякий гулящий сброд. Такие подмены практиковались в Сибири, но на короткий срок. А здесь — практически на «вечное житьё».

Почему Атласов пошёл на это? Ответ у меня один: ему за это хорошо заплатили. За каждого из казачьих детей. То есть это уже был не прежний Атласов, который ради государственных интересов готов был переступить через якутское старослужащее казачество. Нет, он был уже другим и поэтому вступил с казаками в сговор. Он стал одним из них. Кураж величия перерос в гонор величия — и уже царский указ был для него не указ. Он сам теперь уже стал сибирским царьком, для которого не писаны были законы, а вступали в силу былые сибирские понятия.

Именно так и объясняют историки последующее поведение казачьего головы Атласова, когда он на Нижней Тунгуске (Ангаре) разграбил купеческие дощаники: якобы

и прежде так поступали казачьи атаманы в Сибири, когда им нужно было обеспечить свой дальний поход в дальние земли. И это якобы прощалось, когда те дальние земли действительно прирастали к телу Московского царства.

В истории всякое было. Ерофею Хабарову за Амурский поход простили даже расстрел казаков, которые отказались подчиняться атаману-разбойнику и попытались поступить в соответствие со своим казачьим государственным долгом: строить остроги, собирать ясак, пахать землю... Но Хабарову впоследствии было отказано в главном — вновь посетить Амур, где он в тайных схронах прятал награбленное богатство, а это для него было хуже, чем тюрьма для Атласова. Да, за грабёж на Нижней Тунгуске Атласов попал в тюрьму. Но есть маленький нюанс, на который я хотел бы обратить внимание.

Как говорилось выше, одним из тех людей, которых обидел юный Атласов, ведя борьбу с незаконным винокурением, был Василий Артемович Петриловский, сын боярский. Его папаша Артемий (Артамон) Филиппович, ближайший сподвижник Ерофея Павловича, родной сын сестры Хабарова, был разжалован за амурские разбойные дела из «выборных» атаманов в пятидесятники и сослан вместе с Ерофеем Павловичем охранять верхнеленские пашни. Так вот. в городе Киренске, где атласовская ватажка отмечала свои «подвиги», некстати подвернулся и сын боярский Василий Петриловский, который «послал в Якутск еще одну жалобу на Атласова, в которой утверждал, что этот казачий голова "бранился матерно" и зло ему "кричал", что "де жена твоя будет подо мною лежать". Петриловский также утверждал, что получил "рану ножевую" и что у него сломаны амбары: "пиво и брага и квас из бочек вынуты"» [6].

Там же оказался и Андрей Амосов, под началом которого служил когда-то Володька Атласов. И вот какая «тёплая» встреча произошла у них: «Первоначально Рождество отмечалось вполне благообразно. Но поздно вечером, когда "полчане" Атласова охмелели, они вновь попытались ворваться на склад с "вином горячим". Произошла стычка. Атласовцы стали "ломать сени". Тогда из дверей выскочили Андрей Амосов и Денис Федоров, которые схватили одного из "полчан" и решили его посадить "в железо". Весть об этом дошла до остальных атласовцев, и они бросились освобождать своего товарища. Завязалась новая потасовка. В конце концов Амосов бежал в Киренский монастырь» [6].

Всё это не было случайным — Атласов мстил этим людям. Но и эти люди тоже не прощали своих обид. И Атласов напрасно полагал, что Москва за Камчатку простит ему всё. Нет, шли другие времена, и на царстве были другие люди. Следствие по делу Атласова и его товарищей вели старослужащие казаки, у которых тоже были свои счёты с

Атласовым. Хотя здесь и не нужно было особенно стараться — Атласов со всеми своими подвигами был у всех на виду.

Десять человек из атласовской сотни осудили и приговорили к тюремному заключению. Одним из них был и Владимир Владимирович. Но вот сидел ли он в тюрьме — большой вопрос.

Встречаются документы Якутской приказной избы о том, что он оформлял ясачные книги. Это могло быть и не в зимовьях и острогах, а в самом Якутске. Но, естественно, не в тюрьме.

А затем ситуация самым крутым образом изменяется: как отмечал С. П. Крашенинников, ему дали *«полную власть над служивыми и винных смотря по делу батогами и кнутом наказывать*, а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, *обид и налогов никому не чинить и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему приписана (курсив мой. — С. В.)» [4, с. 478]. То есть Москва дала Атласову шанс, но она же вынесла ему и приговор.*

В первом походе Атласову было позволительно использовать свой принцип вогнать «в страх инородцев», так как основную группу его отряда составляли люди (и служивые, и промышленные), которых он сам нанял и обеспечил всем необходимым для организации и проведения этого похода, и ему никто не смел перечить... И, кроме того, им двигало в тот момент чувство служебного долга и желание прославиться. Теперь же это был совсем другой человек — ожесточённый, подневольный, ненавидящий и ненавидимый.

Все казаки, которые оказались в его отряде на пути на Камчатку, подали жалобы на жестокость обращения с ними Атласова анадырскому приказчику Осипу Миронову сыну Липину, но тот не отреагировал, будучи столь же жестоким самодуром и считая такое поведение за правило жизни...

После трагической смерти Владимира Владимировича Атласова (его убили 1 февраля 1711 г. взбунтовавшиеся казаки) на Камчатке и Чукотке служил его сын Иван Владимирович Атласов, казачий пятидесятник, в 1716 году верстанный в чин сына боярского.

Кто-то из двоих — Иван Владимирович или уже его сын Иван Иванович, произведённый в 1743 году анадырским приказчиком Дмитрием Павлуцким в казачий чин сотника, то есть обер-офицера, стал крёстным тойона (вождя) камчадала Купхи, оставив ему свою фамилию.

Биография внука Ивана Ивановича, Семёна Никитича Атласова, такова. 1 апреля 1797 года поступил в Якутске в боярскую команду унтер-офицером и был направлен на Камчатку. 1 мая 1799 года — вахтёрский помощник в провиантском штате. В 1812 году разжалован в рядовые и зачислен в Камчатский гарнизонный батальон: «[Семён Атласов в] 1812 г. по суду и конфирмации Генерал-Аудитора и согласно мнения исправлявшего должность Генерал-Провиантмейстера Генерал-Адъютанта Меллера Закомельского, будучи в штате провиантском служителем, за учиненные буйственные поступки прогнан шпицрутенами через 1 000 человек 3 раза с выключкою из штата провиантского в Камчатский гарнизонный батальон рядовым» [9].

В 1813 году он — «военнопосельщик» в селе Нижнекамчатском. В 1816 году зачислен матросом в Камчатскую экипажную роту. В 1819-м зачислен в вахтёры. В этой должности он в последний раз упоминается в 1845 году в возрасте 69 лет.

Семён Никитич Атласов был дважды женат, имел четырёх дочерей и четырёх сыновей.

Атласов Василий Семёнович (род. в 1830 г.) зачислен в матросы Камчатской экипажной роты в 1845 году, затем служил в должности флотского писаря. В списках 47-го флотского экипажа за 1855 год не числится, вероятно, к этому времени был уже в отставке, возможно, проживал в селении Николаевка и в обороне Петропавловского порта (1854 г.) участия не принимал.

Атласов Андрей Семёнович (род. в 1832 г.) — о нём нам ничего не известно.

Атласов Иван Семёнович (род. в 1836 г.) — матрос 1-й статьи 47-го флотского экипажа, участник обороны Петропавловского порта 1854 года и морского сражения в заливе Де-Кастри, выбыл в Николаевский пост на Амуре в 1855 году.

Атласов Степан Семёнович (род. в 1844 г.) — кантонист, в десятилетнем возрасте был непосредственным участником обороны Петропавловского порта, награждён бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853—1856 годов на Георгиевской ленте. Окончил Николаевское-на-Амуре штурманское училище (учился вместе с будущим адмиралом С. О. Макаровым), выпущен из училища в должности кондуктора корпуса флотских штурманов.

С 1862 года, находясь в экспедиции подполковника корпуса флотских штурманов В. М. Бабкина, Степан Атласов плавал на клипере «Разбойник» (под командованием лейтенанта В. И. Попова) и корвете «Калевала» (под командованием капитан-лейтенанта Ф. Н. Желтухина) в заливе Петра Великого, занимаясь описью и промером со шлюпок. В 1865 году служил штурманским кондуктором на пароходо-корвете «Америка» (под командованием капитана 2 ранга А. А. Болтина). В 1867—1868 годах непосредственно Атласовым произведены опись и промер банки к северу от полуострова Песчаный, зимний промер северной части

Амурского залива и устья реки Раздольной. По имени Атласова названы банка и мыс в Японском море.

Потомки Ивана и Степана Семёновичей Атласовых, возможно, проживают в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске или Владивостоке. А потомки Василия Семёновича жили на Камчатке — в сёлах Сероглазка и Николаевка. К сожалению, следы этих, камчатских, потомков Семёна Никитича Атласова затерялись. И вообще вся эта камчатская линия долгое

время была неизвестной историкам и краеведам, которые отслеживали родословную линию Владимира Атласова в Якутске, Москве, Санкт-Петербурге, пока в Государственном архиве Республики Саха (Якутия) не были найдены документы о том, что Семён Никитич является старшим сыном Никиты Ивановича Атласова, праправнуком «камчатского Ермака». И только тогда начались новые поиски. Так что мы ещё надеемся на успех...

Список использованных источников

- 1. Alexander Marichev. Сравнительная история зверств Запада и России Alexander Marichev. Текст: электронный // Мастер Маргашов Вячеслав. URL: https://margashov.com/o-tom-o-syom/sravnitelnaya-istoriya-zverstv-zapada-i-rossii.html.
- 2. Военные потери в войнах XVII века // Похороный портал: информ.-аналит. ресурс. URL: https://funeralportal.ru/library/1061/46198.html.
- 3. Дитмар, К. фон. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам / К. фон Дитмар. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2009. URL: http://www.etomesto.ru/map/kamchatka/1853/ditmar.pdf. Текст: электронный.
- 4. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки: с прил. рапортов, донесений и других неопубликов. материалов / С. П. Крашенинников. Москва; Ленинград: Изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.

- 5. Леонтьева, Г. А. Якутский казак Владимир Атласов— первопроходец земли Камчатки / Г. А. Леонтьева. Москва : Маркетинг, 1997. 189 с.
- 6. Оглоблин, Н. Н. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки / Н. Н. Оглоблин. — Текст: электронный // Города и остроги земли Сибирской. Книги и публикации. — URL: http://ostrog. ucoz.ru/publikacii 2/4 64.htm.
- 7. Полевой, Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2/Б. П. Полевой. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1997. 203 с.
- 8. Стеллер, Г. В. Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. URL: http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/steller/titul.htm. Текст: электронный.
- 9. Формулярные списки нижних чинов Камчатской экипажной роты за 1845 год // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 406. Оп. 5. Д. 515. Л. 704.

Материал поступил в редакцию 01.12.2020.

Сведения об авторе: Вахрин Сергей Иванович, член Союза писателей России, член Союза кинематографистов России, член Камчатского краевого отделения РГО, директор просветительского центра «Страна рыбы и рыбоедов» (г. Елизово). Контактные данные: e-mail: svakhrin1954@gmail.com; тел. 8-914-999-28-65.

СТАНОВЛЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФОРПОСТА РОССИИ

Статья посвящена деятельности Петра Васильевича Казакевича (1816–1887 гг.) на Дальнем Востоке России. Автор не только перечисляет его дела, но рассматривает ключевые события в развитии российской окраины во второй половине XIX века.

Ключевые слова: Айгунский договор, Нерчинский договор, Российская империя, Цинская империя, Россия, Китай, Приамурье, Приморье, реки Амур, Уссури, Шилка, Пекинский договор, Н. Н. Муравьёв, демаркация границы, дальневосточный форпост, Хабаровск, Дальний Восток, М. И. Венюков, П. В. Казакевич.

Keywords: Treaty of Aigun, Treaty of Nerchinsk, Russian Empire, Great Qing (Qing dynasty), Russia, China, Priamurye, Primorye, Amur, Ussuri, Shilka, Convention of Peking, N. N. Muravyov, demarcation of the border, far eastern outpost, Khabarovsk, Far East, M. I. Venyukov, P.V. Kazakevich.

История нужна не только для любопытства и умозрений, но путеводит нас в высокой области политики.

М. С. Лунин

середине XIX века проблема «амурского вопроса» напоминала лабиринт с множеством тупиков. Неразграниченность бассейна Амура между Россией и цинским Китаем, утвердившееся мнение влиятельных столичных чиновников о бесперспективности амурского дела связывали руки Н. Н. Муравьёву и его единомышленникам, стремившимся «прорубить» по великой дальневосточной реке магистральный путь из Сибири к Тихому океану и навсегда упрочить за Российской империей огромную территорию на северо-востоке Азии.

Восстановление и расширение прав России на приамурские и приморские земли в середине XIX века было связано и с новой международной и внутриполитической обстановкой, а также впечатляющими итогами исследовательских работ трёх экспедиций: секретной Забайкальской Н. Х. Агте (1849–1852 гг.), Амурской Г. И. Невельского (1849–1855 гг.), морской адмирала Е. В. Путятина (1852–1855 гг.), подтвердивших островное положения Сахалина, судоходность устья Амура и Татарского пролива для морских судов. Без сомнения, эти экспедиции внесли решающий вклад в важнейшие события отечественной истории накануне Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.).

Герой нашего очерка Пётр Васильевич Казакевич (1816—1887 гг.) в составе Амурской экспедиции активно участвовал в гидрографических работах по исследованию устья Амура и открыл фарватер для плавания судов из реки в море.

А теперь взглянем на карту Дальнего Востока и оценим обстановку: а) на реке Шилке в Забайкалье сосредоточена группировка русских сил и средств; б) устье реки Амур доступно для плавания судов.

Но русских войск и поселенцев в низовьях Амура не было, а по Амуру русские суда с 1689 года не плавали. Между тем иностранные суда каждый год появлялись в Амурском лимане и рано или поздно могли обнаружить вход в великую азиатскую артерию, по которой не составит труда вторгнуться как в пределы России, так и цинского Китая.

Для решения стратегической задачи по сохранению тихоокеанских владений России нужно было срочно организовать судоходство по великой реке Амур и открыть выход из Восточной Сибири в Тихий океан. Иными словами, утвердиться в устье Амура.

Царское правительство после 1840-х годов уделило повышенное внимание окраине Восточной Сибири. С учётом особенностей обстановки здесь возник напряжённый узел интересов азиатской политики России. Именно в эти годы между Россией и мировыми державами — Англией и Францией — назревал конфликт за гегемонию в Дальневосточном регионе, что ставило под угрозу российское побережье Тихого океана. В связи с оставшейся неразграниченной между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 года территорией в низовьях Амура, существовала реальная возможность проникновения туда иностранцев, в первую очередь в устье Амура и на остров Сахалин. Для укрепления позиций России на Тихом океане и обеспечения безопасности русских владений на Дальнем Востоке необходимо было в первую очередь решить «амурский вопрос».

В течение десяти лет (1850–1860 гг.) генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв решил, по современным меркам, геополитическую задачу по окончательному утверждению России на её историческом тихоокеанском побережье. С 1851 по 1865 год П. В. Казакевич активно участвовал в её решении на важнейших участках в Приамурье и Приморье.

Для понимания масштаба проблемы и путей её решения рассмотрим ряд практических шагов Н. Н. Муравьёва и его команды.

Системный подход по созданию форпоста России в устье Амура

Создание группировки войск

По ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва в 1851 году созданы две области: Забайкальская с центром в Чите и Камчатская с центром в Петропавловске-Камчатском. В этом же году создано и Забайкальское казачье войско.

Ещё в 1853 году по ходатайству генерал-губернатора из западных районов Сибири в Забайкальскую область были переброшены 13-й, 14-й, 15-й и 16-й линейные батальоны. В первые годы эти линейные батальоны были не только ударной силой, но и охраняли государственный рубеж по реке Амур и места дислокации войск и поселений, строили военные посты, создавали инфраструктуру для заселения Приамурья казаками и переселенцами.

Всего у Н. Н. Муравьёва было около четырёх тысяч солдат и артиллеристов и 30 тысяч казаков.

С 1854 года началась передислокация линейных батальонов в Приамурье. В этом году первым амурским сплавом в Мариинский пост (вблизи Николаевска) прибыл 15-й батальон.

Уже летом 1855 года солдаты 15-го линейного батальона и казаки-забайкальцы разгромили десант англичан в бухте Де-Кастри. Так начиналась боевая и вечная слава русских войск на Дальнем Востоке России.

Из дня сегодняшнего можно сказать: а) первый сплав русских войск по Амуру в 1854 году обеспечил решение стратегической задачи на Дальнем Востоке в XIX веке; б) Забайкальская область стала плацдармом для проведения сплавов русских войск к устью Амура с последующей переброской их на Камчатку; в) по меркам XXI века этот манёвр группировки войск уберёг тихоокеанские владения России, в первую очередь стратегически очень важный Камчатский полуостров, от захвата «владычицей морей» Англией.

Своевременность этих мероприятий подтвердилась в августе 1854 года победоносным отражением нападения англо-французской эскадры на центр Камчатской области — Петропавловскую военно-морскую базу России.

По существу, для Англии и Франции Восточная (Крымская) война середины XIX века была очередной попыткой передела мира. Но на российском Дальнем Востоке враги потерпели позорное поражение.

Особо отметим блестящую оценку стратегической обстановки и угроз тихоокеанским владениям России генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым ещё в 1849 году, а также большую организаторскую работу его администрации по подготовке и практической реализации комплекса мероприятий по их обороне и защите. В разгроме противника на Камчатке значителен вклад морского офицера Казакевича, который в далёком Забайкалье подготовил к сплаву войск первый пароход «Аргунь», значительное количество других плавсредств, а потом обеспечил их успешное плавание в устье Амура с десантом войск.

Карьерный рост П. В. Казакевича был очень быстрым. 21 марта 1851 года ему присвоено звание капитана 2-го ранга с назначением офицером для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьёве.

В 1851–1852 годах Казакевич производит съёмку и промер рек Ингоды, Онона и Шилки, выбирая место для устройства судостроительного завода. В 1852–1853 годах закладывает в Сретенске судоверфь, руководит постройкой первого на Амуре парохода «Аргунь» и всех судов для первого сплава.

К 1854 году П. В. Казакевич подготавливал первый амурский сплав войск, снаряжения и боеприпасов по Шилке и Амуру до Мариинского поста, имеющего огромное значение для дальнейшей судьбы Приамурья, Приморья, Сахалина и Камчатки. Во время сплава в мае 1854 года командует флотилией из более 70 плавединиц: парохода «Аргунь», больших лодок, вельботов, баркасов, барж, плашкоутов, плотов. В этом же году за успешную работу по подготовке и осуществлению первого сплава войск произведён в капитаны 1-го ранга.

Затем почти полтора года с паспортом на имя купца первой гильдии Соловьёва находится в Северо-Американских Соединённых Штатах (ныне США). Перед ним была поставлена задача — закупить для Сибирской флотилии новейшие корабли, а для Николаевского адмиралтейства современное судоремонтное оборудование. Задание было выполнено блестяще. В послужном списке его появилась запись: «Все выше прописанные поручения исполнены с отличным успехом и по последнему из них купленные в Америке пароходы и механическое заведение доставлены в полной исправности на устье реки Амур в Николаевск». Сибирская флотилия пополнилась пароходами — корветом «Америка» и двумя винтовыми транспортами «Японец» и «Маньчжур», которые сыграли значительную роль в изучении и освоении прибрежной части Тихого океана [Цит. по: 10, с. 338].

Первые сплавы русских сил в 1854—1855 годах по Амуру, этому стратегическому коммуникационному коридору, остро обнажили проблему создания самой коммуникации. Сейчас она была односторонней — только вниз по реке по большой весенней воде. Возвращение людей в Забайкалье или Иркутск шло по Охотскому или Аянскому тракту. Несколько лет не было достоверной навигационной карты Амура и простейших знаков речной обстановки на его берегах [См. 14, с. 14].

В последующие годы продолжалась передислокация войск на Амур. Летом 1857 года в устье реки Зеи (будущем Благовещенске) закрепился 14-й линейный батальон.

31 мая 1858 году генерал-губернатор прибыл в Усть-Уссурийский пост, где его встречал военный губернатор Приморской области П. В. Казакевич. Ознакомившись с успешным ходом работ, Муравьёв переименовал этот ключевой пост в станицу Казакевичевскую.

На следующий день Н. Н. Муравьёв и П. В. Казакевич проверили 13-й линейный батальон, прибывший в урочище Быри на правом берегу Амура, близ которого был значительный водоворот. Здесь начались работы по созданию военного поста Хабаровка [См. 15, с. 49–51].

Дипломатический дебют Н. Н. Муравьёва

В контексте темы обратим внимание на деятельность Н. Н. Муравьёва при подготовке первого заседания дипломатов России и цинского Китая в Мариинске. 9—11 сентября 1855 года впервые был начат аргументированный переговорный процесс с цинскими дипломатами по пересмотру Нерчинского договора, заключённого в августе 1689 года под военным давлением цинов. В мае 1858 года генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв подписал с цинским Китаем Айгунский договор о новой границе в Приамурье [См. 13, с. 214—215].

Создание Амурской казачьей кордонной линии

В целях скорейшего возвращения в лоно России дальневосточных земель, объявленных «ничейными» по Нерчинскому договору 1689 года, и закрепления российского влияния на Амуре генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв ходатайствовал о создании Амурской казачьей линии.

27 октября 1856 года император Александр II (первый августейший атаман всех казачьих войск) утвердил постановление Особого совещания о заселении Амура казаками и штат управления Амурской казачьей кордонной линии. Было решено выселить на Амурскую линию от Забайкальского войска два конных полка и четыре батальона, но на самом деле до 1860 года были переселены лишь казачьи сотни Кумарская, Нижне-Благовещенская, Константиновская, Поярковская, Буреинская и две пеших. Из всех этих частей была образована Амурская казачья бригада.

К 1856 году к переселению были готовы три казачьих сотни и солдатские линейные батальоны, которые сплавлялись не воевать, а оказать помощь переселяющимся казакам — построить станицы и накосить сена. Первыми на Амур сплавлялись казаки с Аргуни и Горбицы 2-й конной бригады, а из Шилкинского затона сплавились солдаты и офицеры 13-го и 14-го линейных батальонов. Добровольческая Буреинская сотня (бывшая Горбичевская) в составе 81 семьи (450 чел. обоего пола) под командой зауряд-сотника Гавриила Гантимурова прибыла на Средний Амур первой. Эта сотня основала три казачьих поселения: станицу Иннокентьевскую и посёлки Касаткино и Пашково. Остальные две сотни разместились на Верхнем Амуре и в Усть-Зейском посту. В 1856 году было заложено 17 селений. Образовалась Амурская казачья кордонная линия. Управление линией с центром в Усть-Зейской станице было поручено командиру 14-го батальона майору В. Е. Языкову. Два казачьих поста в устьях рек Сунгари и Уссури, основанных в 1856 году, связали эту кордонную линию с русскими поселениями в низовьях Амура. В 1856–1857 годах в Усть-Сунгарийском посту зимовали 24 казака во главе с есаулом. Так по мере формирования казачьи войска ещё до подписания пограничных договоров начали охранять будущую государственную границу [2, с. 41].

В связи с образованием Приморской области по решению Государственного совета от 14 ноября 1856 года Амурская линия 25 июня 1857 года была разделена на два отделения: от Усть-Стрелочного караула до Хинганского хребта и от Хинганского хребта до Мариинского поста. Первое было подчинено забайкальскому губернатору, второе — передано в ведение приморского губернатора.

Окончательное воссоединение приамурских территорий с Россией по Айгунскому договору обусловило

необходимость дальнейших административных преобразований. По указу от 8 декабря 1858 года была образована новая область — Амурская, куда вошли все земли на левом берегу Амура; её административным центром стала станица Благовещенская (бывший Усть-Зейский пост), получившая вскоре статус города. Амурская линия и её отделения упразднялись.

В конце этого года было создано Амурское казачье войско.

Первый военный губернатор Приморской области

В течение 24 лет представители Морского министерства России были военными губернаторами этой окраинной области на российском Дальнем Востоке.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв доверил опытному морскому офицеру П. В. Казакевичу заложить фундамент русской государственности на Дальнем Востоке России.

Из многих офицеров Амурской экспедиции Муравьёв высоко оценил профессиональные и деловые качества Казакевича. Повторимся: в 1851 году он занял должность офицера для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири и практическими делами подтвердил свой потенциал перспективного офицера.

Казакевич (Козакевич) Пётр Васильевич (1816—1887 гг.) — исследователь Охотского и Японского морей, Амурского лимана, адмирал.

Он получил военно-морское образование в Морском кадетском корпусе (1826—1835 гг.). Служил на Балтийском, Белом, Средиземном морях и Северном Ледовитом океане на фрегатах «Беллона» и «Аврора», 74-пушечном корабле «Ингерманланд» (1836—1848 гг.). Море закалило молодого лейтенанта, а опыт, приобретённый им во время плаваний, очень пригодился в его деятельности на Дальнем Востоке.

В 1848—1849 годах в звании лейтенанта и должности старшего офицера транспорта «Байкал» под командованием Г. И. Невельского П. В. Казакевич перешёл к берегам Камчатки. Исследовал Амурский лиман. Активно участвовал в гидрографических работах по исследованию устья Амура. Он первым из русских моряков вошёл в устье Амура, открыл фарватер, который впоследствии получил название фарватера Невельского, произвёл подробные зарисовки побережья острова Сахалин, хранящиеся сегодня в Центральном военно-морском архиве (г. Гатчина). П. В. Казакевич проводил наблюдения за приливами и отливами, делал метеорологические измерения, промерные работы на Северном (входном) фарватере. Не менее деятельное участие принимал он и в дальнейших работах по исследованию Охотоморья [10, с. 337—338].

В мае 1855 года открытый Казакевичем амурский фарватер позволил сохранить личный состав и корабли Сибирской флотилии, срочно эвакуированные из Петропавловска на Камчатке в неизвестное противнику устье Амура. Напомним: участниками Амурской экспедиции было доказано, что устье Амура доступно для морских судов как с севера, так и с юга. Сами по себе эти факты являются выдающимися географическими открытиями.

Выше был показан его карьерный рост и ряд практических дел по подготовке условий для стратегического манёвра силами и средствами из далёкого Забайкалья в устье Амура.

Успешной была и его командировка в Америку по торговым делам.

В марте 1856 года П. В. Казакевича назначили исполняющим должность Камчатского военного губернатора и одновременно командира Сибирской флотилии и портов Восточного океана. В декабре того же года он был произведён в контр-адмиралы с назначением первым военным губернатором только что образованной Приморской области с пребыванием в Николаевске (с 1926 г. — Николаевск-на-Амуре).

Опытный моряк В. А. Римский-Корсаков высоко оценил своего коллегу: «Казакевич, думаю, сделает здесь много доброго. Он человек умный и ловкий, сведущий морской офицер и снабжен, по-видимому, немалыми полномочиями на своем воеводстве. С первого дня заметно стало, что он вошел в круг и сущность дела и что он не намерен подчиняться посторонним влияниям. Он был старшим офицером на "Байкале" у Невельского и, следовательно, стоит в ряду положивших основание Приамурью; и, следовательно, дело это его интересует, а здесь более ничего и не нужно» [11, с. 280].

Центром Приморской области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства стал Николаевск. 14 ноября 1856 года Николаевский пост преобразован в город Николаевск. Он стал также главным портом российского Дальнего Востока.

24 февраля 1858 года Николаевск возведён в степень областного города. Число зданий здесь возросло до 200, население — до 1 757 человек. Построен механический завод по сборке и ремонту судов. Открыты морское училище, краеведческий музей, библиотека. Начались первые коммерческие рейсы по Амуру частных и казённых пароходов. В город стали приходить зарубежные торговые суда.

В 1860 году в Николаевске было уже 706 зданий и домов, 10 магазинов, два госпиталя, четыре учебных заведения, в том числе ремесленная школа в порту. Численность населения достигла 5 тысяч человек [12, с. 124–125].

К месту сообщим: неприкосновенность тихоокеанских владений России с моря обеспечивала Сибирская военная флотилия.

Царским указом от 31 октября (12 ноября) 1856 года было решено перевести место базирования Сибирской флотилии из Петропавловска в Николаевск. В Петропавловск же порт был перенесён генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым в 1849 году после осмотра им Охотска и Петропавловска. Перенос порта в Николаевск, а затем в 1860-х годах, в связи с основанием 20 июня 1860 года Владивостока, — в бухту Золотой Рог сыграл свою роль: ещё шире развернулись гидрографические работы на юге Дальнего Востока — в лимане Амура и в Японском море. Все плававшие с 1856 по 1865 год офицеры кораблей производили осмотры, промеры лимана и устья Амура, мест наиболее трудных для плавания [1, с. 162].

Весной 1861 года военному губернатору Приморской области было поручено исполнение миссии пограничного комиссара по демаркации государственной границы после подписания Пекинского договора с цинским Китаем в ноябре 1860 года.

16 июня 1861 года к Пекинскому договору¹ в качестве составной его части был приложен протокол о размене картами и разграничении в Уссурийском крае, подписанный контр-адмиралом П. В. Казакевичем.

Утверждение суверенных прав России в Южном Приморье

С открытием навигации в июне 1857 года в порт Николаевск прибыло шесть американских судов. Здесь, на самом краю России, были получены последние вести из Сан-Франциско, Гонконга, Шанхая и Хакодате. Самую свежую новость, которую привезли американцы и которая обсуждалась в Николаевске везде, начиная от матросских кубриков и кончая губернаторским домом, сообщил корреспондент Д. Романов читателям «Санкт-Петербургских ведомостей»: «...англичане намерены занять северный берег Матсмая (Хоккайдо) и гавань на татарском берегу, открытую ими между нашими Императорской и заливом Посьета. Оттуда они намерены следить за нашими действиями и судами на Амуре» [Цит. по: 17, с. 12].

Новость эта не могла оставить равнодушной администрацию Восточной Сибири. Все прекрасно понимали, что появление англичан на приморском берегу сведёт на нет все усилия России по мирному освоению дальневосточных земель.

Дело осложнялось тем, что большая часть этого побережья была малоисследована. Возникла срочная необходимость хотя бы коротко описать неизвестные бухты и гавани и выставить, где нужно, русские посты.

¹ О Пекинском договоре см. Филонов, А. М. Дипломатический успех на Дальнем Востоке России в середине XIX века / А. М. Филонов // Культура и наука Дальнего Востока: науч.-практ. журнал. — 2020. — № 2. — С. 72–78.

Летом 1857 года во время плавания на пароходо-корвете «Америка» генерал-адъютант Е. В. Путятин открыл две великолепные бухты на восточном побережье Приморья — Ольги и Владимира [17, с. 15].

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв сразу же оценил важность этих открытий, понимая и то, что теперь требуется разведать сухопутный маршрут к этим бухтам от Хабаровки. Дело оставалось только за исполнителем. Выбор Муравьёва пал на капитана М. И. Венюкова. Не теряя времени, молодой офицер занялся организацией экспедиции в Приморье.

После заключения Айгунского договора о границе с цинским Китаем 1 июня 1858 года Венюков со своими спутниками из станицы Казакевича вышел в путь вдоль реки Уссури. Это был первый пеший маршрут от Хабаровки через хребет Сихотэ-Алинь к океану.

Целями экспедиции были исследование возможности пароходного сообщения по рекам, поиск перевалов через Сихотэ-Алинский хребет к южным гаваням Японского моря, сбор достоверных сведений о Приуссурийском крае; исследование района предстоящего в скором времени российско-китайского разграничения; создание научно обоснованных условий для посылки в Уссурийский край русско-китайской пограничной комиссии для проведения и демаркации границы. М. И. Венюков впервые произвёл топографическую съёмку реки Уссури. Собрал у местных жителей сведения о её притоках, а также об озере Ханка и Уссурийском крае, дал описание физической географии края, собрал этнографические сведения о проживавших здесь народах, доказал, что на правобережье Уссури не было цинской администрации, хотя маньчжурские чиновники регулярно наведывались в этот край, собирая дань с местного населения, запугивая его, настраивая против русских. Сведения об Уссурийском крае и реке Уссури, представленные М. И. Венюковым генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву, позволили тому уточнить свою точку зрения по вопросу о проведении границы с Цинской империей, подготовили научное обоснование для демаркации границы [9, с. 33].

Как известно, при выходе экспедиции на морское побережье китайские браконьеры в числе более 30 человек воспрепятствовали походу к вышеназванным бухтам. Они «собрались убить нашего проводника за то, что он показал нам дорогу» к морю [3, с. 122].

Захватнические намерения англичан подтверждались и новыми картами российского Южного Приморья. В этом убедился флагман Амурского отряда кораблей, совершавших переход из Кронштадта к берегам седого Амура, капитан 1-го ранга Д. И. Кузнецов.

Во время стоянки в Гонконге он приказал приобрести карты предстоящего района плавания. Купили самую что

ни на есть новую, изданную гидрографическим управлением в Англии в феврале 1857 года. Она включала данные всех последних исследований, проведённых английскими и французскими судами. Результаты русских описей на карту внесены не были, и Кузнецов с удивлением обнаружил, что не видит на восточном берегу залива Святого Владимира, открытого год назад. Да и все наименования на карте были преимущественно английскими. Командир отряда читал вслух названия незнакомых ему пока ещё бухт и островов у приморского берега: порт Брюс, архипелаг Евгении, заливы Гверин и Наполеон, бухта Горнет. Дальше на север по карте шли бухты Сеймур, Шелтер, Сибилла, Ник, Буллок. Вместо знакомого ему названия Императорская гавань на карте красовалось английское слово «Барракуда».

Невольно напрашивался вывод: англичане спешат переименовать все русские посты на свой лад после каждого захода туда своих кораблей. Сейчас это можно назвать картографической агрессией.

Д. И. Кузнецову вспомнилась одна интересная встреча, которая произошла у него в Гонконге. На борт русского клипера поднялся тщательно одетый морской офицер. «Капитан Дженикс с английского фрегата "Актеон"», — представился он. Англичанин оказался на редкость разговорчивым. Он сообщил, что на эту должность его назначили совсем недавно, но она ему была в тягость, так как фрегат должен был отправиться на съёмку берега от порта Сеймур (Ольга) до Де-Кастри.

Это было ещё одно доказательство того, что англичане не хотели так просто расставаться с лакомым куском, каким виделось им дальневосточное побережье. В этой связи нужно было принимать срочные и эффективные меры по охране бухт и постов!

Двухнедельное плавание в Японском море у отряда русских кораблей — а в него входили клипера «Джигит», «Воевода», «Новик», «Стрелок» и другие — прошло спокойно. В Де-Кастри отряд разделился: часть судов вместе с Кузнецовым ушла зимовать в Николаевск, другие остались в Де-Кастри, а командир 2-пушечного клипера «Воевода» лейтенант П. К. Матвеев получил задание следовать на зимовку в бухту Владимира, где он поступал в распоряжение командира шхуны «Байкал» Н. К. Дерпера. Вместе с ним и должны были они выставить русские посты в бухтах Владимира и Ольги.

25 октября 1858 года пополудни «Воевода» бросил якорь в бухте Владимира. Моряки приступили к постройке бани и сараев. Нужно было срочно разобрать и провизию, привезённую за две недели до этого барком Русско-американской компании «Нахимов» и сложенную прямо на берегу [17, с. 26–27].

Военный губернатор Приморской области контр-адмирал П. В. Казакевич с полной серьёзностью отнёсся к сообще-

нию флагмана Амурского отряда кораблей о намерении англичан начать описные работы берегов современного Приморья и постарался их опередить.

Вскоре вступил в силу приказ Н. Н. Муравьёва-Амурского, отданный им контр-адмиралу П. В. Казакевичу: «Направляя ныне по сухому пути все имеющиеся в моем распоряжении средства к исследованию приобретенного нами Приуссурийского края, имеющего великое политическое событие и обещающего важную материальную выгоду, я нахожу необходимость, чтобы в одно лето составить подробную карту и описание страны, назначить от вверенной вашему превосходительству флотилии свободные паровые суда для производства описи Русского берега Японского моря...» [Цит. по: 17, с. 31].

Этот приказ круто менял намерения командира «Байкала» Дерпера, который уже успел получить предписание сдать транспорт и имущество поста Ольги и, пересев на «Воеводу», следовать на Сахалин с экспедицией топографа Силина на борту. Теперь же Дерпер вновь вернулся в Ольгу, а «Воевода» в составе эскадры генерал-губернатора Восточной Сибири отправился в своё историческое плавание на юг Приморья.

24 июня 1859 года в гавани Тихая Пристань залива Ольга бросил якорь и сам флагман — фрегат английской синей дивизии «Актеон», которым командовал капитан Вард. Видимо, Джениксу всё же удалось избежать нежелательного назначения, связанного с трудным плаванием и сомнительными целями.

О встрече двух командиров — русского и английского — лучше всего расскажет рапорт, который Н. К. Дерпер послал контр-адмиралу П. В. Казакевичу: «...капитан Вард изъявил желание видеться с начальством наших судов, чтобы вместе с нашими судами разделить работы, но, считая себя не вправе объявить, где он мог встретить наши суда, я отвечал, что отряд наших судов находится на крейсерстве в Японском море и что мне не известны порты, куда они будут заходить. Покамест капитан Вард в нерешимости, где производить описные работы, но он выразился, если берег Татарский описан русскими судами, то он вторично его описывать не будет, а произведет работы, предполагаемые для будущего года, то есть опись Японского берега...» [Цит. по: 17, с. 31].

25 июня английский фрегат снялся с якоря, но сомнения насчёт его намерений не покидали русского командира, тем более что в последнюю минуту, как бы между прочим, Вард спросил Дерпера, что известно тому о южных приморских гаванях, и о том, где проходит граница между Россией и Китаем. За нарочитым равнодушием Дерпер скрыл немалую тревогу, он понял, что опись берега являлась для англичан лишь поводом, а настоящие планы они держат в тайне.

Владимир и Ольга стали первыми приморскими бухтами, в которых русские моряки выставили свои посты, в основном же в те годы проводилось поверхностное исследование многочисленных бухт и гаваней. Клипером «Стрелок» были осмотрены реки вдоль берега от Императорской (Советской) гавани до залива Ольги, открыт на юге Приморья пролив Стрелок. Клипером «Пластун» описан берег от той же Императорской гавани до Де-Кастри.

С того времени белые паруса русских корветов всё чаще и чаще стали показываться в прибрежных водах, их имена и по сей день хранит карта Приморья [17, с. 32].

В июне 1859 года генерал-губернатор Муравьёв-Амурский совершил обход побережья Приморской области. 18 июня — запомним эту дату — получили свои названия Амурский и Уссурийский заливы, залив Петра Великого и полуостров Муравьёва-Амурского, порт Владивосток.

Считаю целесообразным обратить внимание читателей на дефиницию «порт Владивосток». Как известно, первоначальное значение слова «порт» подразумевало удобное место для стоянки кораблей. Так и появился на дальневосточных картах порт Владивосток за год до того, как он был основан.

Рекогносцировка бухты Золотой Рог явилась важным фактором для решения Н. Н. Муравьёва-Амурского основать здесь русский военный пост Владивосток [16, с. 22–23].

Судя по воспоминаниям современников, залив Посьета понравился генерал-губернатору куда больше, чем порт Владивосток. Капитан Д. И. Романов, сопровождавший Н. Н. Муравьёва-Амурского, писал: «...граф осматривал берега и окрестности залива так внимательно, как будто тут предполагал воздвигнуть целый город. Нет сомнения, что он восхищался заливом и его окрестностями, сулившими вместить в себя значительные поселения, а гавань — притон для многочисленного флота» [Цит. по: 16, с. 24]. Именно в Посьете Н. Н. Муравьёв-Амурский видел будущий форпост России на берегах Тихого океана. Но история рассудила иначе [16, с. 24].

Сразу же после заключения Айгунского договора в мае 1858 года генерал-губернатор начал сплав к устью Амура, во время которого К. Ф. Будогосский выбирал места для поселения Амурского пешего батальона, которые, как потом оказалось, не всегда были удачными. Один из ближайших помощников Н. Н. Муравьёва-Амурского Д. И. Романов позднее напишет: «В первое свое плавание в 1854 году Николай Николаевич открыл Амур, во второе — в 1855 году защитил его от врагов, и в третье в 1858 — возвратил Амур России» [Цит. по: 17, с. 42].

По итогам Айгунского договора в самом начале 1859 года обер-квартирмейстер К. Ф. Будогосский возглавил экспедицию по исследованию новых земель. Цели и задачи

экспедиции были предельно ясны: исследование и съёмка демаркационной линии, а также побережья Японского моря и составление подробной карты Приморья.

Сразу же после Рождественских праздников, 15 января 1859 года, штаб Уссурийской экспедиции с первым отделением съёмщиков выехал на почтовых лошадях из Иркутска. Путь лежал до Усть-Стрелочной станции, далее — до Хабаровки [17, с. 42].

Вместе с ним на реку Уссури выехали астрономы — поручик А. Ф. Усольцев и капитан П. А. Гамов, топограф капитан А. И. Елец, художник академик А. А. Мейер, переводчик Я. П. Шишмарев, а также три отделения съёмщиков.

Как только 8 апреля прошёл лёд, экспедиция двинулась вверх по Уссури и далее к морю. 15 июня 1859 года путешественники разбили лагерь в заливе Посьета, в бухте, названной ими тогда же в честь Уссурийской экспедиции бухтой Экспедиции.

Н. Н. Муравьёв-Амурский встретил экспедицию Будогосского в Посьете, а затем отправился на «Америке» в Китай. 1 июля 1859 года судно бросило якорь в гавани Вей-хайвей. Генерал-губернатор об этом историческом плавании писал: «Бухту Посьета мы отмежевываем себе и границу проводим до устьев Тюмень-Ула, которая составляет границу Кореи с Китаем. Не хотелось бы захватывать лишнего, но, оказывается, необходимо: в бухте Посьета есть такая прекрасная гавань, что англичане непременно бы ее захватили при первом разрыве с Китаем. Я уверен, что убеждение это подействует и в Пекине. При устье реки Суйфуна, немного северо-восточнее бухты Посьета, множество прекрасных заливов» [Цит. по: 4, с. 20–21].

Тогда же Муравьёв-Амурский отдал приказ описать Южное Приморье. 15 января 1860 года граф сообщил военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П. В. Казакевичу: «...Все распоряжения мои относительно занятия правого берега р. Уссури и постройки на Уссури канонерских лодок остаются в прежней силе, равносильно как и распоряжения касательно раннего выхода нашей эскадры в море, крейсерования в течение всего лета вдоль залива Петра Великого, описи берегов и, наконец, занятия двух пунктов на берегу при заливе Петра Великого. Министерство иностранных дел, в отношении своем ко мне от 13 октября [1859], № 30, разрешает, правда, занятие гавани Новгородской (Посьета) только в случае крайности, но так как я ввиду политических обстоятельств будущего лета усматриваю совершенную крайность в том, чтобы Россия стала твердою ногою на всем прибрежье до границ Кореи (курсив мой. — $A. \Phi.$), то долгом считаю подтвердить Вам снова о занятии военными постами в нынешнем году гаваней Новгородской и Владивосток» [Цит. по: 4, с. 20–21].

Начало 1860 года выдалось на редкость холодным и вьюжным. Молодой офицер Б. К. Кукель едва не погиб во время метели, когда на собачьей упряжке пробивался в Николаевск. Чудом собаки вынесли его к какой-то избушке. Войдя в неё, Кукель не поверил своим глазам: за походным столом, как ни в чём не бывало, чаёвничал военный губернатор Приморской области контр-адмирал П. В. Казакевич, к которому и спешил офицер. Отставив стакан с чаем, Казакевич сломал на конверте печать и развернул письмо. «...Предлагаю Вашему превосходительству взять для десанта на суда Вашей эскадры только одну комплектную роту линейного батальона с положенным числом стрелков и разместить ее поровну в укрепленных постах, которые Вы имеете основать в гаванях Владивосток и Новгородской...» [Цит. по: 16, с. 28].

Это неожиданное сообщение спутало все планы Казакевича, который собирался провести отпуск в далёком Петербурге. Но, как и Кукелю, ему было не судьба это сделать. Пришлось поворачивать в обратный путь. Позднее, незадолго до смерти, почтенный адмирал с удовольствием вспоминал ту нечаянную встречу в занесённой снегом избушке и бульон из курицы, которым потчевал его Кукель. Надо же, такой вроде бы мелкий факт, а как долго жил в памяти!

Как только на Амуре начался ледоход, в Николаевске стали готовиться к предстоящей экспедиции. 2 июня 1860 года Казакевич поднялся на борт транспорта «Маньчжур», чтобы попрощаться с Кукелем и пожелать ему удачи. По пути транспорт зашёл на Сахалин, в Дуэ, где засыпали в трюм 12 тысяч пудов угля. Был ещё один заход — в Ольгу, где, как отметил в своём дневнике Кукель, скучал Маневский, командир тамошнего поста.

По первоначальному плану держали курс на Посьет, где должен был высадиться капитан И. Ф. Черкавский со своей командой, а затем уже в бухте Золотой Рог оставить прапорщика Н. В. Комарова с солдатами. Но сильный туман заставил изменить маршрут. Решено было зайти вначале в Золотой Рог. В 15 часов 20 июня «Маньчжур» бросил якорь. Было довольно тепло —18° — тихо, туман совсем разошёлся. «...Я вышел на берег вместе с капитаном Черкавским, начальником нашей сухопутной команды, для выбора места для разгрузки строительных материалов, — вспоминал позднее Б. К. Кукель. — Отлогий берег, заросший травой, постепенно поднимался в гору, которая была усеяна деревьями: липой, кленом, черной березой, дубом, пробковым деревом и другими породами: богатая растительность, прекрасный климат и удобная гавань делали эту местность очень привлекательной» [Цит. по: 16, с. 28-29].

23 июня 1861 года около десяти часов утра в бухту Золотой Рог вошёл корвет «Абрек», на котором во Владивосток прибыл контр-адмирал П. В. Казакевич. Он написал

в рапорте управляющему Морским министерством: «Пост Владивосток значительно обстроился против прошлогоднего моего посещения. Для команды линейного батальона построена казарма, офицерский флигель, небольшие постройки по хозяйству. Командой корвета "Гридень" также построена казарма для матросов, офицерский флигель, баня, небольшая мастерская; а командой клипера "Разбойник" выведена пристань, и хотя она не окончательной работы, но весьма уже удобна для выгрузки. Фрегат "Светлана" построил для поста хороший баркас. В лазарете, где зимовала команда корвета "Гридень", был размещен госпиталь для больных с проходящих судов и распоряжением начальника эскадры все завезено для госпиталя в достаточном и хорошем виде.

Начальником поста назначен старший офицер клипера "Разбойник" лейтенант Е. С. Бурачек. Первые десять лет его службы пошли в разнообразной, как он сам пишет в своих воспоминаниях, деятельности: ему довелось принимать участие в строительстве клиперов, быть ротным командиром, и, конечно же, много плавать.

Во Владивостоке весь этот огромный запас знаний пришелся как нельзя кстати» [Цит. по: 4, с. 38].

Создание коммуникаций

Царскому правительству и генерал-губернатору Восточной Сибири было ясно, что закрепление за Россией приамурских земель требует развития здесь коммуникаций. На непреодолимых пространствах дальневосточной окраины вновь возникшие поселения были слабо связанными между собой островками новой жизни. Поэтому наряду с обустройством среды обитания людей пришлось серьёзно заниматься строительством дорог, линий и объектов связи.

Огромное влияние на транспортное строительство в крае оказывала незаселённость территории. В середине XIX века на пространстве от Амура до Камчатки жило около 50 тысяч человек. И это являлось проблемой для правительства, в том числе и в связи с транспортным освоением края. Огромные расстояния усугубляла пустынность территории. Такова была реальность.

Буквально с первых дней основания военных постов и казачьих станиц остро стоял вопрос организации связи. Удобное место расположения Хабаровки, связывающее северные районы и Сибирь, оказало решающую роль в превращении военного поста в 1858 году в центр почтовой связи. Закрепление левого берега и низовьев Амура за Россией после первого сплава дало возможность оставить труднопроходимые Охотский и Аянский тракты и все связи с российскими владениями на Тихом океане осуществлять через Амур. Сразу же почтовый тракт из Якутска был перенесён на Амур. Как пишет амурский казак

Р. К. Богданов [15, с. 59], в начале октября 1855 года пришёл из Мариинска в Усть-Стрелку с первой почтой зауряд-есаул Щеголев. Он с шестью казаками против течения Амура прошёл этот путь за 54 дня, несмотря на все лишения и многочисленные трудности. Но до установления границы с соседним государством и основания русских поселений по Амуру доставка почты была делом рискованным. Этот же автор рассказывает о собственных приключениях при доставке почты в 1856 году [15, с. 59-60]. При отправке почтовой команды из четырёх человек в низовья Амура было приказано Айгун проплыть ночью, из опасения, чтобы не поймали маньчжуры. Не зная, где находится этот город, от Кумары вплоть до Малого Хингана плыли ночами, а днём прятались в протоках. Для отражения нападения казакам выдали оружие, но стрелять в маньчжуров запретили, советовали лучше откупиться серебряными монетами. которых выдали по 100 штук на каждого. На обратном пути почтовая команда была арестована в Айгуне и сутки провела в тюрьме без пищи и воды. Освободилась только благодаря знакомому маньчжуру, который за взятку устроил русским приём у амбаня. Пришлось и ему давать серебро.

С появлением русских поселений в низовьях Амура, начиная с Мариинского поста в 1855 году, была организована почтовая езда, удобная и исправная. Выстроены станционные домики — тёплые и чистые, у подъездов поставлены, по приказанию Н. Н. Муравьёва, «столбы с двуглавыми орлами, названиями станций и означением числа верст» [15, с. 60]. Но содержание почты обходилось властям дорого. Крестьянин за каждую пару лошадей получал 150 рублей серебром за пять зимних месяцев. К концу 1856 года был открыт зимний тракт из Николаевска до Усть-Стрелки. В 1857 году на Среднем Амуре уже стояло 15 казачьих станиц, что сразу снимало много проблем.

В начале июня 1858 года Н. Н. Муравьёв в Мариинске распорядился о постройке почтовых станций до Уссурийского поста «для установления почтового сообщения на тройках с колокольчиками от Балтийского моря до Восточного океана» [15, с. 60].

Таким образом, с лета 1858 года через Хабаровку пересылалась вся корреспонденция, идущая из центра России, Сибири, здесь соединились и «оказии» с пассажирами, едущими на Амур и с Амура. Проезд на почтовых «оказиях», повозках и пароходах стоил дорого, и потому в дальний путь отправлялись только по государственной службе да купеческим делам. Уже через месяц после высадки в Хабаровке солдаты батальона приступили к прокладке Амурского почтового тракта и обслуживанию почтовых станций, а позже — и телеграфной линии. Почтовые тракты от Николаевска до Благовещенска и от Хабаровки до Владивостока с дорогой до залива Посьета приобрели

административное значение. Это были комбинированные магистральные пути, опиравшиеся на речную систему. Лишь иногда трасса прокладывалась вне реки.

Н. Н. Муравьёв-Амурский по итогам экспедиции К. Ф. Будогосского по новой границе от реки Уссури и далее до моря и своего плавания в Южное Приморье в конце июля 1859 года принял предварительное решение об усилении военно-сухопутных сил в Приморье. В частности, генерал-губернатор отдал распоряжение, чтобы лёгкая почта от Читы до Благовещенска ходила каждые две недели, а тяжёлая — каждые два месяца.

Зимой 1860 года последовало распоряжение установить сухопутную связь Хабаровки с южной частью области — Посьетом и Владивостоком. Длительное время от Хабаровки до станицы Буссе на расстоянии 20–30 вёрст одна от другой действовали почтовые станции (станки), где несли службу по три солдата из Хабаровской постовой команды.

В цепи серьёзных предприятий того времени было строительство столбовой линии проволочного телеграфа между Николаевском, Хабаровкой, Посьетом и Владивостоком.

Значение телеграфа было так велико, что ради прокладки проводов приостановили даже сооружение береговых батарей в устье Амура. Солдат, занимавшихся строительством укреплений, разбили на команды и рассредоточили их в тайге цепочкой вдоль Амура, где они начали рубить просеки и заготавливать телеграфные столбы.

На первый взгляд, это самое неожиданное решение властей. Ещё не все крупные города европейской части страны и Сибири были соединены проводами, а здесь, на необъятных просторах, развернулась прокладка телеграфа. На самом деле трезво мыслящий Н. Н. Муравьёв-Амурский в письме от 16 октября 1858 года к князю А. М. Горчакову доказательно обосновывал необходимость строительства телеграфа из Санкт-Петербурга до устья Амура общей стоимостью около 5 миллионов рублей. При этом он приводил оптимальные данные о доставке почты: месяц — до Иркутска, ещё месяц — до устья Амура и столько же — до Пекина. Но главное в этом деле — сложившаяся обстановка: в Китае и Японии утвердились Англия, Франция и Америка. Н. Н. Муравьёв-Амурский предостерегал, что при существующей системе связи мы никогда не успеем упредить действия иностранных держав. Очевидно, это послание убедило царские власти.

С лета 1861 года началось строительство телеграфа из Николаевска через Софийск к Де-Кастри. Были сняты со строительства Чныррахских батарей 4-й и 5-й батальоны и отдельными командами рассредоточены по будущей линии для прорубки просеки. После возвращения из заграничной командировки (по закупке материалов

и аппаратуры) в конце марта 1862 года инженер-подполковник Д. И. Романов из Хабаровки направляется в Николаевск и возглавляет строительство телеграфа. 30 октября 1862 года вошла в строй первая на Дальнем Востоке линия протяжённостью 1,5 километра — между телеграфной станцией и штабом военного губернатора. В кабинете контр-адмирала П. В. Казакевича заработал телеграфный аппарат и была послана первая телеграмма.

К декабрю 1865 года телеграф связал Николаевск с Де-Кастри, Хабаровкой, станицами Казакевичевой, Нижнемихайловской и Буссе. Только к концу 1866 года было завершено строительство Амурско-Уссурийской телеграфной линии (1 780 вёрст) до Новгородской гавани.

Без преувеличения можно утверждать, что организация почтовой связи по Амуру и телеграфной связи в регионе стала значимым государственным событием. Теперь для распространения информации от Балтики до берегов Тихого океана образовался оптимальный и практически круглогодично действующий маршрут, который обеспечивал не только доставку казённой почты и передачу ведомственных распоряжений, но и был доступен для различных слоёв населения. Не только администрация, но и обыватели всё активнее вовлекались в систему обмена информацией. Так, Приамурье и Приморье с включением в контур российского цивилизационного ареала получили дополнительный импульс для развития.

Установление телеграфной связи в Приморской области явилось историческим событием, знаменательным со всех точек зрения, прежде всего — военно-политической и экономической. Резко ускорилось решение военно-оперативных, многих организационных и хозяйственных вопросов, прямо влияющих на безопасность дальневосточных рубежей. Таким образом, организация почтовой и телеграфной связи стала важным этапом освоения Дальнего Востока Россией. В её создании активное участие принимали офицеры и личный состав линейных батальонов, гражданское население региона [15, с. 58–64].

25 ноября 2020 года связисты Хабаровского края отметили юбилей —155 лет со дня вступления в строй тысячекилометрового участка первой на Дальнем Востоке телеграфной линии Николаевск — Хабаровка [6].

Напомним и о других проектах.

Первым важным делом инженера Д. И. Романова было проектирование дороги от бухты Де-Кастри на побережье Татарского пролива до Софийского, крупного села на берегу Амура. Путём огромных трудов военный инженер добился удачи, и дорога была проложена. При этом Романов представил проект преобразования её в железную дорогу. Это был блестящий первый проект дальневосточной железной дороги, намного опередивший своё время [4, с. 23].

Как уже было сказано выше, первой ласточкой технического прогресса на российском Дальнем Востоке был пароход «Аргунь». Очень лестно его оценил опытный мореплаватель В. А. Римский-Корсаков. В устье Амура лоцман-гиляк «...не преминул на первом же завороте фарватера посадить шхуну на мель, да так плотно, что сидели целых трое суток, — не могли вытащиться из густого вязкого [ила], составляющего грунт реки. Пришлось выгружать все дотла, и то собственная наша сила не забрала бы, если бы не помог пароход "Аргунь", на котором Муравьев спустился по Амуру. Здесь мимоходом стоит упомянуть, что пароход этот есть чисто сибирское произведение, над которым не трудилась ни одна английская голова или рука, — произведение Петровского железного завода на реке Шилке, завода, который года за три перед сим ковал лишь гвозди да шины, а теперь деятельностью и распорядительностью Муравьева, имеющего талант воспроизводить из ничего всякую всячину, работает паровые машины. Машина парохода "Аргунь" в 60 сил есть первый опыт его в большом размере, и машина эта безвредно отработала 40 дней сряду вниз по Амуру и теперь в постоянной работе. т. е. имела такую пробу, какую редко почтовым пароходам приходится выдерживать.

Как хотите, но такие несомненные и солидные результаты мер, предпринятых своими средствами и притом наскоро, говорят и сами за себя, и в пользу того человека, которого распорядительностью они достигнуты. Тут уж не одно счастье!» [11, с. 181–182].

В. А. Римский-Корсаков сообщил и другую весть. 9 сентября 1856 года в Де-Кастри американский корабль «Европа» привёз два разобранных железных речных парохода для Амура.

«Два новых речных парохода — это важное приобретение для Амура, и можно быть уверенным, что с ними здешние дела очень улучшатся. Теперь не будет так страшно сюда забираться, ибо, конечно, хоть летом здесь будет порядочное сообщение с остальным миром. Прибавьте к тому, что сюда будут ходить американские суда, навезут всякого товара. С совместничеством цены, без сомнения, уменьшатся и, следовательно, жить будет гораздо легче» [11, с. 283].

Таковы впечатляющие практические результаты деятельности тандема Муравьёв — Казакевич по развитию далёкой дальневосточной окраины России.

В должности военного губернатора Приморской области П. В. Казакевич пробыл около 10 лет, успев сделать многое: способствовал укреплению Сибирской флотилии, организовал разведку полезных ископаемых в Приморье и на Сахалине, построил первые маяки в Японском море.

Он один из инициаторов основания постов Новгородский и Владивосток [4, с. 41].

Только в 1865 году контр-адмирал Казакевич — долгожитель Дальнего Востока, переведён на Балтику. С 1871 года — он главный командир Кронштадтского порта. В 1883 году — член Военного совета и Адмиралтействсовета [7, с. 218–219].

Для сведения историков: на Дальнем Востоке работал и сын Казакевича, Дмитрий. Казакевич-младший участвовал в строительстве Уссурийской железной дороги, исполнял обязанности управляющего КВЖД в 1920–1921 годах. По воспоминаниям коллег Казакевича, он блестяще справлялся со своей должностью [4, с. 41].

Через несколько лет после перевода на Балтику П. В. Казакевичу вновь пришлось окунуться в дальневосточные дела.

Наверное, гидрографические исследования, как и сама жизнь, не могут стоять на месте. Со временем устаревают карты. Положение береговой черты и данные, наносимые на эти карты, служащие для безопасности плавания, уже не удовлетворяют мореплавателей. Сегодняшний день становится вчерашним. Сначала карты корректируют, то есть на старые карты наносят новые определения, частные съёмки, маяки и знаки. Но наступает такое время, когда возникает необходимость в новых картах, составленных с учётом требований мореплавателей и на уровне современных достижений науки и техники.

60-е – 70-е годы XIX века как раз и стали такими годами. Продажа Русской Америки, возвращение исконно русских земель на юге Дальнего Востока и в связи с этим проявление интереса к Дальнему Востоку со стороны промышленников и капиталистов России, необходимость обороны дальневосточных морей и земель, проекты организации морского плавания на Дальний Восток из европейской части страны вокруг северных берегов Сибири, а также проекты, а затем и строительство Транссибирской железнодорожной магистрали — всё это объективно влияло на производство гидрографических работ в дальневосточных водах.

21 июля 1870 года управляющий Морским министерством назначил П. В. Казакевича, недавнего приморского военного губернатора и командира портов Восточного океана, председателем комиссии «для организации управления Главного командира портов и островов Восточного океана и составления инструкций по перенесению порта из Николаевска во Владивосток» [1, с. 169]. В пункте 5 отношения Морского министерства о задачах комиссии, в которую вошли наряду с представителями Морского министерства и представители Военного министерства и Министерства внутренних дел, говорилось: «Составить подробную инструкцию по перенесению порта в навигацию 1871 года из Николаевска во Владивосток. Означить, какие

именно морския учреждения неизбежно будет оставить в Николаевске и в других пунктах прибрежья Восточного океана» [Цит. по: 1, с. 169–170]. Этим было положено начало перехода гидрографических работ преимущественно в залив Петра Великого, в Японское море.

Несмотря на то, что в 50-х – 60-х годах XIX века почти всё побережье России на Тихом океане было осмотрено и описано, положиться на многие определения при новых требованиях и уровне технических возможностей было нельзя. К тому же наряду с добросовестными и точными астрономическими определениями имелось много непроверенных, не связанных между собой определений. Такая несостоятельность большинства астрономических определений произошла главным образом вследствие недостаточных средств наблюдателей, различия и несовершенства методов наблюдений и вычислений и недостаточной точности координат исходных пунктов.

Необходимо было в первую очередь систематизировать астрономические определения, которые позволили бы производить в дальнейшем полное гидрографическое обследование, положенное на математическую основу (широты и долготы пунктов и магнитные данные). Для того чтобы дать понятие об относительной точности результатов астрономических определений долгот, полученных в разное время исследователями, приведём расхождение этих результатов по некоторым пунктам: для залива Чихачева (Де-Кастри) имелось семь определений, расходящихся на 21', для залива Владимира — четыре, расходящихся на 15', для залива Ольги — семь, расходящихся на 25', для Владивостока — три, расходящихся на 9', для Ново-Архангельска — семь, расходящихся на 16', для Петропавловска — девять, расходящихся на 11', и т. д.

В штате Сибирской флотилии была весьма скромная гидрографическая часть, предусматривавшая начальника части, его помощника, делопроизводителя, лампового и компасного мастера и четырёх смотрителей маяков. Естественно, что выполнением регулярных гидрографических работ такое гидрографическое подразделение заниматься не могло. Нужна была другая, более сильная и гибкая организация [1, с. 169–170].

С поставленной задачей П. В. Казакевич успешно справился.

Освоение востока России носило геополитический, а не колониальный характер, поэтому нынешнее геостратегическое и геополитическое значение Дальнего Востока, его роль и влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе настоятельно требуют знания и учёта особенностей его открытия и освоения.

Среди деятелей первой шеренги эпохи освоения Дальнего Востока русскими людьми в середине XIX века был контр-адмирал П. В. Казакевич.

К сожалению, его созидательная деятельность на территории Хабаровского края вообще не оценена. Нет ни мемориальной доски, ни тем более улицы в память о деятельном первом военном губернаторе Приморской области. В этой связи вновь обратим внимание на его высокие достижения.

Контр-адмирал П. В. Казакевич принимал активное участие в формировании евразийского фасада России на её тихоокеанском побережье.

Подготовил и осуществил геополитический прорыв России в Мировой океан по азиатской транспортной артерии — реке Амур. Таким образом, были реализованы вековые чаяния русских людей по выходу из Восточной Сибири и Забайкалья на мировые рынки.

Первый приморский военный губернатор и командир портов Восточного океана в течение девяти лет деятельно расширял тихоокеанские окна России путём обустройства новых портов в Приморье.

Он принимал активное участие в установлении государственной границы с цинским Китаем. После подписания П. В. Казакевичем 16 июня 1861 года протокола о размене картами и описаниями разграничений в Уссурийском крае по Пекинскому договору вскоре началась установка первых пограничных столбов на дальневосточном участке государственной границы.

Военный губернатор П. В. Казакевич по указанию генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва основал военный пост Хабаровку в стратегическом водном узле Амура.

Таковы весомые заслуги адмирала П. В. Казакевича перед Россией. На наш взгляд, его реальные достижения достойны высокой оценки. П. В. Казакевич по праву должен стоять в одном ряду с Н. Н. Муравьёвым-Амурским, так как очень многое сделал для развития дальневосточной территории. Памятник первому военному губернатору Приморской области в Хабаровске увековечил бы и вклад всех военных моряков в возвращение Приамурья и Приморья в лоно России и укрепление этой далёкой окраины.

Как известно, все сравнения относительны, но раскрученный советской пропагандой Г. И. Невельской с весьма скромными результатами деятельности увековечен в Хабаровске и крае с явным перебором. Памятник в Николаевске не вызывает особых возражений — вблизи был район исследований Амурской экспедиции. В Хабаровске он увековечен на бронзовой доске памятника графу Н. Н. Муравьёву-Амурскому как его соратник по решению «амурского вопроса», а в центре города есть набережная имени Невельского, хотя он и не был здесь. Есть также улочка и переулок в Северном округе. А недавно его имя присвоено хабаровскому аэропорту. Как участник острых дискуссий по присвоению имени выдающихся деятелей

нашему аэропорту, могу сказать, что большинство было против этого моряка. Налицо явная несуразица — воздушная стихия и моряк, который никогда не был в нашем городе! Книга Г. И. Невельского регулярно переиздаётся без критических комментариев многочисленных и разнообразных ошибок. Напомним к месту — о первом военном губернаторе Приморской области нет даже буклета!

На наш взгляд, исследователям предстоит кропотливая работа как по внимательному изучению новых документов о Г. И. Невельском, так и по критическому анализу многочисленных книг и статей о его деятельности на основе сборника документов, подготовленного в 2017 году Российским государственным архивом Военно-Морского Флота (РГАВМФ) [5].

Авторы сборника сообщают, что фонда документальных материалов Г. И. Невельского и экспедиции, которой он руководил, в архивохранилищах России не найдено. Какими документами он располагал при написании книги «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России», неизвестно. Дальневосточным исследователям эта проблема хорошо знакома из публикации А. И. Костанова [8]. Мы также это отмечали в книге об Амурской экспедиции [13, с. 282–285].

По заслугам памятник первому военному губернатору Приморской области нужно было бы устанавливать в Николаевске, но там уже давно предпочли Невельского.

Настало время достойно увековечить память государственного деятеля, адмирала П. В. Казакевича в исторической столице Дальнего Востока России — городе Хабаровске.

Список использованных источников

- 1. Алексеев, А. И. Береговая черта / А. И. Алексеев. Магадан : Кн. изд-во, 1987. — 238 с.
- 2. Амурская казачья бригада // Еврейская автономная область: энциклопедический словарь. Хабаровск, 1999. С. 41.
- 3. Венюков, М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии / М. И. Венюков. Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1970. 236 с.
- 4. Владивосток город воинской славы / авт.-сост. Г. П. Турмов, А. А. Хисамутдинов; под общей ред. В. М. Розова. — Владивосток: Изд. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. — 257 с.
- 5. Г.И.Невельской. Документы и материалы (1813–1876) / [авт.сост Т.С.Фёдорова]. — Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2017. — 502 с.
- 6. Зарождение телеграфа // Тихоокеан. звезда. 2020. 24 нояб.
- 7. Казакевич Пётр Васильевич (1814—1987) // Приморский край : крат. энцикл. справ. Владивосток, 1997. С. 218–219.
- 8. Костанов, А. И. О судьбе архива Амурской экспедиции Г. И. Невельского / А. И. Костанов // Документальная история Сибири XVII середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 259–272.
- 9. Костюченко, А. П. Вклад Уссурийской экспедиции М. И. Венюкова 1858 г. в создание условий для демаркации российско-китайской границы в Уссурийском крае / А. П. Костюченко // Актуальные проблемы изучения истории стран ATP в XIX—XXI вв. Хабаровск : XKM им. Н. И. Гродекова, 2014. Вып. 2. С. 33—39.
- 10. Петр Васильевич Казакевич (1814—1887). К 200-летию со дня рождения // Время и события : календарь-справочник по Даль-

- невосточному федеральному округу на 2014 год. Хабаровск, 2013. С. 337–340.
- 11. Римский-Корсаков, В. А. Балтика Амур: повествование в письмах о плаваниях, приключениях и размышлениях командира шхуны «Восток» / В. А. Римский-Корсаков; [сост., подгот. текста писем к изд., предисл., послесл. Б. П. Полевого. Хабаровск: Кн. изд-во. 1980. 446 с.
- 12. 160 лет Николаевску-на-Амуре и 45 лет Николаевскому району : [фотоальбом]. Жар-Птица, 2010. 125 с.
- 13. Филонов, А. М. Амурская экспедиция Г. И. Невельского. Взгляд из XXI века / А. М. Филонов. Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2013. 334 с.
- 14. Филонов, А. М. Амурский зигзаг Г. И. Невельского / А. М. Филонов // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность: сб. науч. тр. Хабаровск, 2013. Вып. 7. С. 11–15.
- 15. Филонов, А. М. Три ипостаси Якова Дьяченко: из истории освоения Приамурья и Приморья / А. М. Филонов. Хабаровск: Приамур. ведомости, 2009. 191 с.
- 16. Хисамутдинов, А. А. Владивосток. Этюды к истории старого города / А. А. Хисамутдинов. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. 327 с.
- 17. Хисамутдинов, А. А. Terra incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку / А. А. Хисамутдинов. Владивосток : Изд-во Дальневост, ун-та, 1989. 347 с.

Материал поступил в редакцию 30.01.2021.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, председатель Приамурского географического общества, почётный гражданин города Хабаровска (г. Хабаровск).

ПЁТР ВАСИЛЬЕВИЧ КАЗАКЕВИЧ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье рассматриваются биография Петра Васильевича Казакевича, одного из известнейших в регионе морских офицеров. Он первым из них исследовал устье Амура в 1849 году, первым побывал на истоке Амура в 1854 году и тогда же возглавил флотилию первого амурского сплава, пройдя весь Амур от истока до устья. Помимо военно-морской службы, Пётр Васильевич отличился и на административной, став первым военным губернатором Приморской области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, при котором территория области окончательно была закреплена за Россией и начался процесс её освоения.

Ключевые слова: географические открытия, река Амур, Приморская область, П. В. Казакевич, К. Н. Романов, Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьёв-Амурский.

Keywords: geographical discoveries, Amur river, Primorskaya Oblast, P. V. Kazakevich, K. N. Romanov, G. I. Nevelskoy, N. N. Muravyov-Amursky.

ётр Васильевич Казакевич родился в семье Василия Павловича Казакевича, происходившего из военного дворянского рода из Новгородского уезда Новгородской губернии, имевшего польские корни [5, с. XVI, 199; 6, с. 580–581; 1, с. 20]. С юных лет Пётр был связан с морем — 15 ноября 1826 года он был зачислен в «малолетнюю или резервную роту», только что сформированную тогда новым директором Морского кадетского корпуса П. М. Рожновым. Рота состояла из детей от 10 до 12 лет и находилась под «особенно нежным попечением» российского императора Николая I [3, с. 188].

В стенах этого же корпуса в Санкт-Петербурге учились и братья Петра Васильевича — Павел и Филипп [1, с. 20]. Морские кадеты с этого времени также были под непосредственным надзором императора, и каждый из произведённых в офицеры и из вновь поступавших воспитанников представлялся Николаю I.

21 декабря 1832 года выпустился из корпуса и получил чин мичмана старший брат Петра, 19-летний Павел Васильевич Казакевич, дослужившийся впоследствии до поста вице-директора Гидрографического департамента Морского министерства России [2]. В одном выпуске с Павлом учились офицеры, ставшие впоследствии известными флотоводцами и государственными деятелями. Среди них Николай Краббе, управляющий Морским министерством России с 1860 по 1874 год, и Геннадий Невельской [3, с. 95]. Через год, 31 декабря 1833 года, был произведён в чин гардемарина сам Пётр, и 21 декабря 1835 года он получил чин мичмана [9, с. 314]. Вместе с ним Морской кадетский корпус в 1835 году окончили Иван Панафидин (впоследствии дослужился до адмирала) и Степан Лесовский (впоследствии генераладъютант, адмирал, член Государственного совета и морской министр России) [3, с. 98].

С 1836 года 19-летний Пётр Казакевич был назначен на парусный 54-пушечный фрегат Российского военно-морского флота «Беллона» под командование С. И. Мофета. В то время фрегат вошёл в состав отряда контр-адмирала Ф. П. Литке, который находился в плавании по Финскому заливу для практики великого князя Константина Николаевича, 9-летнего младшего сына российского императора Николая I [1, с. 20].

Во время первого практического плавания на фрегате «Беллона» Константина и Петра в летние месяцы 1836 года состоялось знакомство и с 19-летним студентом Академии художеств Иваном Айвазовским (впоследствии знаменитым русским художником-маринистом и баталистом), который был официально командирован на корабли Балтийского флота [7, с. 36].

Такое начало службы обещало Казакевичу блестящую карьеру, так как до 1848 года он постоянно служил на тех

судах, на которых плавал великий князь Константин Николаевич (на фрегатах «Беллона» и «Аврора» и на корвете «Ингерманланд»). Неслучайно Константин Николаевич «сохранил к Казакевичу до самой его смерти полное благоволение» [9, с. 314].

Вместе с Петром Казакевичем на этих же кораблях служил и его старший товарищ и сокурсник брата Геннадий Невельской. В 1844 году, когда 18-летний Константин Николаевич совершил первое большое морское плавание на корабле «Ингерманланд» из Архангельска в Кронштадт, Невельской был помощником великого князя как старшего офицера. В конце декабря 1847 года по ходатайству великого князя Константина Николаевича капитан-лейтенант Г. И. Невельской был назначен командиром строящегося военного транспорта «Байкал». На нём приказано было отправить из Санкт-Петербурга и Кронштадта «различные комиссариатские, кораблестроительные и артиллерийские запасы и материалы» для Охотского и Петропавловского портов [8, с. 59].

Невельской пригласил на должность старшего офицера транспорта «Байкал», готовящегося под его командованием к походу на Дальний Восток, Петра Васильевича Казакевича. В начале января 1848 года транспорт был заложен на верфи Бергстрема и Сулемана в Гельсингфорсе. Здесь Казакевич наблюдал за постройкой корабля, и благодаря его энергичной деятельности транспорт был досрочно спущен на воду. 21 августа 1848 года транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Невельского и старшего офицера лейтенанта П. В. Казакевича вышел из Кронштадта в кругосветное плавание [8, с. 62, 68].

Путь от Кронштадта до Петропавловска был проделан за рекордно короткий срок — 8 месяцев и 23 дня, благодаря чему у Невельского оставалось почти три месяца для осуществления его мечты — изучения устья Амура. Вместе с ним участие в гидрографических и других исследовательских работах принял и П. В. Казакевич. 12 июня 1849 года Невельской начал обзор и опись берегов Северного Сахалина и тогда же, во время высадки на берег группы членов экипажа транспорта «Байкал», произошла первая встреча с сахалинскими туземцами. По описанию самого П. В. Казакевича, «не зная языка, старались пантомимами разузнать о береге» и «чтобы привлечь жителей в свою пользу, мы дарили разные подарки; огниво и кремни были в большом почете, табак был, кажется, дороже всего» [Цит. по: 9, с. 506].

С 24 по 28 июня офицеры корабля описали северную часть лимана Амура. 6 июля под командованием старшего офицера транспорта «Байкал» лейтенанта П. В. Казакевича был отправлен четырёхвёсельный баркас (гребно-парусная шлюпка) для осмотра правого берега лимана. Огибая все

мысы и осматривая обширные бухты, он достиг мыса Тебах (совр. мыс Табах). По воспоминаниям Г. И. Невельского, за мысом «открылась бухта, тянувшаяся к западу и из нея шло сильное течение. Эта-то бухта, говорил мне г. Козакевич. и представляет устье р. Амур» [8, с. 87]. Таким образом. Пётр Васильевич первым из русских моряков вошёл в устье Амура и, определив судоходность реки, поднялся вверх по ней до деревни Чаддах (совр. село Тнейвах). 13 июля, в 8 часов вечера он возвратился на транспорт [1, с. 33-35; 9, с. 363-365]. Тогда же он открыл фарватер, который впоследствии получил название фарватера Невельского. П. В. Казакевич проводил наблюдения за приливами и отливами, делал метеорологические измерения, промерные работы на Северном (входном) фарватере. З августа экспедиция Невельского, открыв к этому времени пролив между Сахалином и материком, вышла из Амурского лимана и начала опись материкового берега, где открыла гавань, удобную для стоянки судов у лимана Амура, — залив Счастья. 30 августа транспорт «Байкал» пошёл в Аян, а 5 сентября отправился из Аяна в Охотск [8, с. 90-91]. Здесь 10 сентября Г. И. Невельской сдал транспорт и 20 сентября вместе с П. В. Казакевичем и остальными офицерами транспорта отправился через Якутск в Иркутск, куда прибыли 22 ноября. Приведя в порядок экспедиционные журналы и карты, в конце 1849 года они возвратились в Петербург, где Пётр Васильевич был произведён в чин капитан-лейтенанта [1, c. 35-37; 8, c. 96-97; 10, c. 337].

Поступив в распоряжение «для особых поручений» к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву, уже капитан 2-го ранга П. В. Казакевич в 1851 году сделал промер рек Ингоды и Шилки и доказал возможность организации здесь пароходства [9, с. 316; 7, с. 36]. Ещё в 1850 году сибирский купец Кузнецов пожертвовал 100 тысяч рублей, на которые в 1851 году на Шилке началось строительство плоскодонного парохода, при закладке названного «Аргунь». Со строительства 60-сильной паровой машины для этого парохода на Петровском железоделательном заводе было положено начало в Восточной Сибири судостроительной промышленности. П. В. Казакевич должен был возглавить планировавшийся осенью 1852 года, но не утверждённый сплав по Амуру для укомплектования наших морских сил в устье Амура, для которого и строился пароход [1, с. 37-39; 12, c. 70-71].

В мае 1854 года капитан 2-го ранга П. В. Казакевич всё же стал одним из организаторов первого амурского сплава, имеющего огромное значение для дальнейшей судьбы Приамурья. Пётр Васильевич командовал флотилией первой экспедиции по Амуру, возглавляемой Н. Н. Муравьёвым. Она состояла из парохода «Аргунь», 6 лодок, 4 вельботов, 18 баркасов, 13 барж, 6 плашкоутов и 29 плотов [1, с. 39].

18 мая 1854 года у слияния рек Шилки и Аргуни флотилия вступила в воды Амура, а П. В. Казакевич в числе первых русских моряков оказался в тот момент уже у истоков реки Амур. 5 июня флотилия прошла устье Уссури, и Пётр Васильевич впервые увидел место, на котором позже появился город Хабаровск [1, с. 40]. 14 июня экспедиция спустилась по Амуру до озера Кизи, где в Мариинском посту П. В. Казакевич встретился с начальником Амурской экспедиции Г. И. Невельским, а затем сплавился до Николаевского поста (с 1856 г. — город Николаевск, с 1926 г. — Николаевск-на-Амуре), основанного Невельским ещё в 1850 году. По итогам успешного осуществления сплава Казакевичу был присвоен чин капитана 1-го ранга, а сам он почти полтора года провёл в США, где закупал пароходы и винтовые корветы для Сибирской флотилии, станки и оборудование для нового пароходного завода в Николаевске. По итогам этой работы в его послужном списке появилась запись: «Все выше прописанные поручения исполнены с отличным успехом и по последнему из них купленные в Америке пароходы и механическое заведение доставлены в полной исправности на устье реки Амур в Николаевск» [Цит. по: 1, с. 41-42].

В июне 1855 года вместо Амурской экспедиции в Николаевске было организовано управление камчатского губернатора контр-адмирала В. С. Завойко [8, с. 70-71]. В 1856 году П. В. Казакевич был утверждён исполняющим должности камчатского военного губернатора и командира портов Восточного океана. А в конце года был произведён в контр-адмиралы с назначением военным губернатором учреждённой с центром в Николаевске новой Приморской области, с оставлением в должностях командира Сибирской флотилии и начальника портов Восточного океана [1, с. 42]. За девять лет своего правления П. В. Казакевич посетил все административные пункты области от Камчатки до Приморья. Проживая постоянно в Николаевске, для культурного времяпровождения в устроенном ещё контр-адмиралом В. С. Завойко морском собрании организовал в 1856 году первую в области и Николаевске общественную библиотеку. Это был единственный тогда в центре области двухэтажный дом с вместительным залом и читальней, где «посетители читали такие же газеты и журналы, какие привыкли видеть в Петербурге или Кронштадте» [4, с. 13]. Казакевич выделял деньги для кружка любителей сценического искусства, устраивал чтения типа народного университета. Он организовал издание первой газеты на русском Дальнем Востоке «Восточное Поморье», первый номер которой вышел 15 июня 1865 года. Он также поощрял занятия огородничеством, сам выписывал семена, построил оранжерею и парники на ферме на реке Камат. В период его управления областью были открыты первое женское училище, первая национальная школа для «гиляжских мальчиков» в селе Больше-Михайловском, «школа грамотности» для матросов Амурского экипажа и Николаевское морское училище, которое окончил будущий адмирал С. О. Макаров. 30 октября 1862 года в Николаевске-на-Амуре была открыта первая на Дальнем Востоке телеграфная станция и школа телеграфных сигналистов. Тогда же линию Амурского телеграфа начали прокладывать вдоль Амура и уже в 1865 году была отправлена первая телеграмма в Хабаровку (ныне Хабаровск) [1, с. 43–53; 4, с. 13; 11, с. 295, 338].

В 1862 году Казакевич был представителем русского правительства при проведении нашей границы с Китаем по Пекинскому договору. В 1863 году был произведён в вице-адмиралы, в 1864-м при ратификации Пекинского договора Пётр Васильевич был назначен состоять в свите его императорского величества [7, с. 37].

В 1865 году П. В. Казакевич навсегда покидает Дальний Восток, оставляя здесь добрую о себе память [1, с. 53]. Он был переведён на Балтийский флот, где назначен главным командиром Кронштадтского порта и исполнял обязанности военного губернатора Кронштадта. В 1878 году Казакевичу была поручена морская и береговая оборона Кронштадта, он был произведён в адмиралы и пожалован генерал-адъютантом, в 1883-м назначен членом Военного и Адмиралтейств-совета. Умер он 11 декабря 1887 года и был погребён на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге [11, с. 340].

Имя Казакевича увековечено в семи географических названиях российского Дальнего Востока: бухта и пролив в Японском море, мыс в Амурском лимане севернее Николаевска-на-Амуре, гора возле посёлка Де-Кастри, протока Казакевичева на реке Амур близ устья Уссури и село Казакевичево Хабаровского района Хабаровского края.

Список использованных источников

- 1. Болгурцев, Б. Н. К неизведанным берегам / Б. Н. Болгурцев. Ленинград : Лениздат, 1990. 191 с.
- 2. Валиев, М. Т. Владимир Петрович Козакевич. 14.09.1879—14.05.1905/М.Т.Валиев. Текст: электронный // Школа Карла Мая. Общество Друзей Школы Карла Мая. Персоны. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1520 (дата обращения: 15.03.2021).
- 3. Веселаго, Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет/сост. Ф. Веселаго. Санкт-Петербург: тип. Мор. кадет. корпуса, 1852. 366 с.
- 4. Востриков, Л. А. Хабаровск и хабаровчане: очерки о прошлом / Л. А. Востриков, З. В. Востоков. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. 255 с.
- 5. Голицын, П.П. Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1-е января 1910 года, с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства 1767 года / сост. Новгор. губ. предводителем дворянства кн. П.П. Голицыным. Новгород: Губ. тип.. 1910. 360 с.
- 6. Козакевичи // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. Т. XVA (30): Коала Конкордия. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1895. С. 580–581.

- 7. Н. Н. П. Козакевич Петр Васильевич // Русский биографический словарь. Т. Кнаппе-Кюхельбекер. Санкт-Петербург,1903. С. 36–37.
- 8. Невельской, Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849—55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского / Г. И. Невельской. Санкт-Петербург: Русская Скоропечатня, 1878. 424 с.
- 9. Невельской, Г.И.Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1849—55 г.При-Амурский и При-Уссурийский край: посмертные записки адмирала Невельского: [в 2 т.]. Т. 2: Комментарий к книге Г.И.Невельского / М.С.Высоков, М.И.Ищенко.—Изд. 10-е.—Владивосток: Рубеж; Южно-Сахалинск: [б.и.], 2013.—786 с.
- 10. Петр Васильевич Казакевич (1814—1887): к 200-летию со дня рождения // Время и события: календарь-справ. по Дальневост. федер. окр. на 2014 г. / Дальневост. гос. науч. б-ка; [сост. и ред. Г. А. Бутрина; авт-сост.: Г. А. Бутрина и др.]. Хабаровск, 2013. С. 337—340.
- 11. Петров, А. И. Амурский щит (записки первостроителя Николаевска-на-Амуре) / А. И. Петров. Хабаровск: Кн. изд., 1974. 416 с.
- 12. Струве, Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. — Новосибирск, 1998. — С. 45–75.

Материал поступил в редакцию 19.03.2021.

Сведения об авторе: Шестаков Алексей Вячеславович, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск). Контактная информация: e-mail a shes@mail.ru.

ПЕРЕПЛЁТНОЕ ДЕЛО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В дореволюционной России процветало переплётное дело. Книголюбы и общественные библиотеки, покупая новые издания, несли их в переплётные мастерские, чтобы оформить приобретение в соответствии со своим вкусом и финансовыми возможностями. На Дальнем Востоке заказать переплёт книги было сложнее и дороже, чем в европейской России, к тому же не хватало хороших мастеров и материалов. Особенностям переплётного дела в регионе в 1880-х — 1910-х годах, описаниям сохранившихся образцов дальневосточного переплёта посвящена эта статья.

Ключевые слова: Дальний Восток России, переплётное дело, русский переплёт, книжный переплёт, владельческий переплёт, индивидуальный переплёт, переплётчик.

Keywords: Russian Far East, bookbinding, Russian bookbinding, custom bookbinding, bookbinder.

...Читать книгу и её переплетать — это целых два периода развития, и огромных. Сначала он [человек] помаленьку читать приучается, веками, разумеется, но треплет книгу и валяет её, считая за несерьёзную вещь. Переплёт же означает уже и уважение к книге, означает, что он не только читать полюбил, но и за дело признал.

Ф. М. Достоевский, «Бесы»

овременный читатель привык к издательскому переплёту — в книжном магазине, дома в шкафу, в публичной библиотеке чаще всего можно увидеть книгу именно в таком оформлении. Однако в дореволюционных книжных собраниях — и личных, и общественных — гораздо более обычными были переплёты индивидуальные, или владельческие. Книголюбы, приобретая для своего собрания какое-либо издание, обычно отдавали его в переплётную мастерскую. Переплётчик заменял издательский переплёт или обложку на новый, индивидуальный. Точно так же часто поступали с букинистическими изданиями: новый владелец одевал их в собственный переплёт. Такая практика была обычной настолько, что даже в руководствах по организации домашней библиотеки, которые публиковались в начале XX века, советовалось переплетать книги. «Книги должны быть все переплетены», — утверждал Н. Глухарёв в одном из таких пособий [8, с. 41]. Ему вторил Н. Анучин: «Книги непереплетённые легко портятся, и потому следует стараться иметь, по возможности, все книги в библиотеке в переплетах...» [3, с. 18]. И это несмотря на то, что к тому времени издательства в основном выпускали книги переплетёнными [2, с. 73].

Если европейский индивидуальный и издательский переплёт достаточно хорошо изучен и описан, его истории и особенностям оформления посвящено множество трудов¹, то в отношении отечественного переплёта этого сказать нельзя. Монографий по истории русского переплётного искусства как в целом, так и в какие-либо отдельные периоды не существует. Немногочисленные работы освещают различные аспекты переплётного дела в России, бегло обрисовывают основные его этапы. Наибольшее внимание отечественных исследователей привлекали переплёты древнерусские и 18-го столетия, индивидуальное же внешнее оформление книги XIX — начала XX века стало предметом изучения не так давно, хотя некоторые шаги в этом направлении пред-

принимались ещё в 1920-е годы. Так, в 1921 году вышел из печати очерк В. И. Анисимова «Книжный переплёт», в котором кратко характеризуется история переплётного дела за рубежом и в России и описывается техника и технология переплётных работ. Однако исторический раздел касается преимущественно зарубежного опыта, тогда как истории отечественного переплёта посвящено лишь две страницы. Автор очерка пренебрежительно отзывается о русском переплёте вообще и современном ему в частности: «Работы... большинства русских переплётчиков отличаются полным безвкусием и незнанием самых элементарных правил эстетики» [2, с. 45]. Замечательными он признаёт работы лишь двух отечественных переплётчиков: А. Шнеля и Э. Ро (Санкт-Петербург), а также называет сносными массовые, то есть издательские, переплёты фабрики О. Кирхнера и мастерской «Нивы» в Санкт-Петербурге и товариществ И. Н. Кушнерева и К° и А. А. Левенсона в Москве [2, с. 45]. Отдельный раздел очерка посвящён видам современных автору переплётов. В. И. Анисимов сделал попытку классифицировать их в зависимости от качества исполнения и использованных материалов. Ниже мы ещё обратимся к его классификации.

Продолжение тема отечественного переплёта получила лишь несколько десятилетий спустя — в статье С. А. Клепикова «Из истории русского художественного переплёта» [22]. Она была опубликована в сборнике «Книга. Исследования и материалы» в 1959 году и рассматривала эволюцию отечественного переплёта с XIII до начала XX века. Но внешнему оформлению книги второй половины XIX - начала XX века в ней посвящено только две страницы. При этом С. А. Клепиков ведёт речь лишь об одном типе переплёта — «буржуазном», как он его называет, а также вкратце описывает определённый вид роскошного переплёта. Дальнейшие исследования интересующей нас тематики появились лишь в конце 1970-х годов. В работах О. Л. Таракановой (О. Л. Даниловой-Нитусовой) рассматриваются особенности отечественных индивидуальных переплётов второй половины XIX – начала XX века с точки зрения их товарной оценки [9; 10; 43]. В настоящее время изучением владельческого оформления книг указанного периода занимается сотрудница Российской государственной библиотеки М. Б. Золотова. Московскому переплёту конца XIX – начала XX века посвящена её диссертация [12]. На сегодняшний день это наиболее глубокое и многостороннее исследование по данному вопросу. Автор рассматривает условия, в которых работали переплётные мастерские и фабрики в России, показывает эволюцию производства от ремесленного к фабричному, описывает технологические процессы. Для характеристики владельческих переплётов М. Б. Золотова использует собственную классификацию,

¹ См., например: Pearson D. English Bookbinding Styles, 1450–1800. London & New Castle, 2005; Bennett S. Trade Bookbinding in the British Isles 1660–1800. New Castle & London, 2004; Foot M. J. The History of Bookbinding as a Mirror of Society. London, 1998; Fogelmark S. Flemish and Related Panel-Stamped Bindings. New York, 1990; Toulet J. Introduction à l'histoire de la reliure française XV–XVIII ciècles. Paris, 1973 и др.

основаниями для которой служат качество использованных материалов, наличие или отсутствие украшений, сложность работы. В диссертации приводятся биографические справки о московских переплётчиках и переплётных заведениях, чьи изделия сохранились в фондах Российской государственной библиотеки (Москва), и характеризуются найденные образцы. Внешнему индивидуальному оформлению книги, в том числе работам различных переплётчиков и переплётных мастерских (А. В. Папковой, Т. И. Гагена, А. П. Петцмана), посвящены и многочисленные статьи М. Б. Золотовой [11; 13–19].

В 2008 году вышел альбом-каталог «Аромат книжного переплёта», составленный российским библиофилом М. В. Сеславинским. Издание, как сказано в аннотации, «отражает основные вехи истории индивидуального... переплёта в России в XIX–XX вв.» [33, с. 4]. Во вступительной статье автор прослеживает развитие переплётного дела в России с начала XIX по начало XXI века, рассказывает о судьбах переплётчиков и переплётных заведений, описывает некоторые особенности их продукции.

В последние годы также стали появляться статьи, посвящённые примечательным книжным переплётам в региональных книгохранилищах. Например, в работах Ж. А. Леденёвой [27] и И. Б. Шевченко [45] даны обзоры владельческих переплётов в редких фондах библиотек Воронежского и Оренбургского государственных университетов соответственно. Однако нужно отметить, что в основном в таких статьях рассматривается продукция столичных мастерских и достаточно редко характеризуются переплёты, изготовленные в местных заведениях. Объяснить это можно несколькими причинами: отсутствием до недавнего времени интереса к отечественному ремесленному переплёту XIX-XX веков как таковому и, как следствие, недостатком информации о переплётных предприятиях провинции и их продукции; невысокими художественными достоинствами большей части провинциальных переплётов того периода; малым количеством книг с ярлыками или штампами местных мастерских. Вообще, исследователи отмечают, что в России (Российской империи) переплётчики стали помечать собственную продукцию специальными наклейками или штампами только во второй половине XIX века [33, с. 35]. Так, М. Б. Золотова пишет: «...Только очень небольшое число московских переплётчиков отмечало свои работы клеймом или ярлыком. Даже "художественные" переплёты не всегда маркировались» [14, с. 73]. В провинции, конечно, дело обстояло не лучше.

Одним из источников информации об оформлении книг в дореволюционных собраниях России выступают обзоры и каталоги этих собраний, а также каталоги редких фондов публичных библиотек. В последние десятилетия поток таких

изданий существенно увеличился², что, казалось бы, даёт возможность более широкого изучения отечественного индивидуального переплёта. Но на самом деле в большинстве каталогов книжные переплёты или не упоминаются вовсе, или характеризуются коротко, одной строкой, без сведений о месте изготовления и переплётчике. Например, в описаниях редких ботанических изданий из фондов Дарвиновского музея в Москве информация об оформлении экземпляра в основном представлена так: «Твёрдый переплёт с кожаным корешком» [21, с. 56, № 121]. Именно так описан том «Оснований биологии» Г. Спенсера (СПб., 1870) с экслибрисом личной библиотеки предпринимателя и мецената А. И. Абрикосова, который, по-видимому, облачён во владельческий переплёт. В 2020 году вышло первое и пока единственное в России издание, посвящённое непосредственно оформлению книг в одной личной библиотеке — «Книжные переплёты генерала А. П. Ермолова» А. Марковой [28]. Но там речь идёт о собрании первой половины XIX века, уникальном по своему оформлению. Более поздние и не столь выдающиеся коллекции ещё ждут своих исследователей.

В руководствах по переплётному делу, составленных в XIX — начале XX века, приводятся сведения о существовавших типах и видах переплётов. Такие пособия начали выходить в нашей стране с середины XIX века и предназначались как для профессионалов, так и для книголюбов, желавших самостоятельно переплетать собственные книги. Их авторы нередко описывали основные виды переплётов, подразделяя их в зависимости от использовавшихся материалов, стоимости, сложности изготовления и т. п. Одной из наиболее полных и логичных классификаций можно считать приведённую в пособии К. Герцога, Ф. Пайлера и Р. Метца «Иллюстрированный переплётчик» (1899 г.).

² Как отмечает О. Н. Ильина, на современном этапе изучение личных библиотек переживает «своеобразный исследовательский бум», причём исследования личных библиотек на региональном уровне «особенно активно развиваются» [20, с. 31–33]. Сегодня в России достаточно много изданий, которые регулярно размещают материалы о личных библиотеках прошлого и настоящего. Например, существует библиофильская периодика, которая публикует статьи о старинных и современных личных библиотеках (журналы «Про книги» и «Библиофильские известия», ежегодники «Альманах библиофила» и «Библиофилы России»). Исследования личных коллекций, хранящихся в фондах публичных и ведомственных библиотек, помещаются на страницах профессиональных библиотечных и специализированных журналов: «Библиотековедение», «Библиотечное дело», «Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования» и др. Также вопросы, касающиеся истории, состава, сохранности личных книжных собраний в библиотечных и музейных фондах, освещаются на ежегодно проходящих в стране конференциях разных уровней, по результатам которых издаются сборники материалов (например, Румянцевские чтения, Павленковские чтения, конференция Российской библиотечной ассоциации и др.).

Авторы подразделяли переплёты на категории в зависимости от использовавшихся материалов и конструктивных особенностей. Они выделяли следующие виды переплётов:

- «1. Брошюры: а) обыкновенные, b) твердые.
- 2. Папки: а) обыкновенные. b) с титулом.
- 3. Холщовые переплеты: а) полухолщовые, b) цельно-холщовые.
- 4. Кожаные переплеты: a) полукожаные, b) цельнокожаные.
- 5. Французские переплеты: а) полуфранцузские, b) французские.
 - 6. Пергаментные переплеты.
 - 7. Переплеты из свиной кожи.
 - 8. Бархатные переплеты» [7, с. 164-165].
- В. И. Анисимов классифицировал переплёты, исходя не только из конструктивных особенностей и использованных материалов, но и из качества исполнения и качества самих материалов:
 - брошюра (без переплёта);
- тугая брошюра (переходная ступень от брошюры к коленкоровому переплёту);
- полуколенкоровый переплёт: 1) простой, 2) лучший,3) роскошный, или любительский;
- папочный переплёт (относится к цельным, покрывается бумагой);
 - цельный матерчатый переплёт;
 - полукожаный переплёт;
- полуфранцузский (полукожаный, или полупергаментный): 1) простой, 2) лучший, 3) роскошный, или любительский;

- цельный кожаный: 1) простой, 2) роскошный [2, с. 47-53].

- цельный пергаментный;
- Опираясь на эти и другие классификации, книговед М. Б. Золотова разработала собственную типологию переплётов XIX века [12, с. 75–76; 14, с. 80–90]. Она выделяет, опираясь на способ оформления, качество материалов и тщательность исполнения, три их класса. К переплётам I класса относятся «роскошные» (по-другому «изящные», «художественные») индивидуальные, изготовленные по особому проекту и из дорогих материалов. Это могут быть как собственно роскошные (например, подносные экземпляры изданий), так и роскошные художественные переплёты, то есть демонстрирующие знакомство заказчика с новейшими тенденциями и лучшими образцами переплётного искусства.

Переплёты II класса, по М. Б. Золотовой, — это «улучшенные» переплёты. По способу оформления они примыкают к переплётам III класса, а по тщательности отделки и используемым более дорогим материалам — к I классу. Для их изготовления использовались кожа или коленкор

Последние заказывались преимущественно библиофилами

лучшего качества, наносились сложные, но типовые украшения. Форзацы делались двойными — из белой или узорной бумаги, а обрезы украшались. Ко II классу относятся цельные переплёты из кожи, коленкора, ткани, а также полукожаные — с гладким или бинтовым («полуфранцузские») корешком, с наугольниками и без.

Переплёты III класса — «простые», выполненные из недорогих материалов и без украшений, кроме простых линеек или рамок на крышках. Форзацы в таких переплётах одинарные из белой писчей или печатной бумаги, обрезы — простые или сетчатого мрамора. По типу это могут быть как цельнокожаные, так и полукожаные и полуколенкоровые варианты (с гладким или бинтовым корешком, с наугольниками и без).

Именно в соответствии с классификацией М. Б. Золотовой в дальнейшем будет проанализирована продукция дальневосточных переплётных мастерских.

То, что в российской провинции переплётное дело было практически не развито, констатировали современники. В предисловии к самоучителю по переплёту 1856 года автор писал: «Всякому известно, что в столицах и больших городах так легко достать хорошего переплетчика, что едва ли кто-нибудь вздумает сам переплетать свои книги. Но в маленьких городках, и особливо в сельском быту, дело принимает совсем другой оборот. Здесь или вовсе нельзя достать переплетчика, или попадется такой, что только испортит книги...» [30, с. 3]. В такой ситуации автор предлагал книголюбам переплетать издания из своей библиотеки самостоятельно. Об этом же сорок лет спустя говорил Л. Н. Симонов в своём труде «Переплётное мастерство и искусство украшения переплёта»: «...Нового возрождения в переплетном искусстве нужно ждать, конечно, не от издателей, цели которых чисто коммерческие, а от любителей из публики, именно от любителей образованного среднего класса... искренних почитателей книги, так и охотников до полезного ручного труда. Ради книги, переплетное мастерство многими из них предпочитается всем другим и, вследствие этого, после фотографии, принадлежит к самым распространенным любительским ремеслам» [39, с. III].

Вообще, состояние переплётного дела в России конца XIX – начала XX века вызывало у любителей качественного и красивого оформления книги только нарекания. Так, знаток и ценитель книги В. А. Верещагин в 1905 году сокрушался: «С давно прошедших времен... русское переплетное дело не создало ничего самобытного, своеобразного и изящного. Встречаются, правда, и русские книги, особенно XVIII и начала XIX века, в разноцветных сафьянах с золотыми тиснениями, но они бесспорно представляют из себя редкие, чуть ли не единичные, явления... Этой исключительной бедностью изящных произведений русского переплетного ремесла, мы всецело обязаны полному отсутствию у нас знатоков

и для библиофилов.

и любителей. В России бывали собиратели книг, но почти не было библиофилов, в том по крайней мере смысле, в котором принято их понимать на Западе, т. е. людей, дорожащих не только содержанием, но и внешностью книги» [44, с. 7]. В. И. Анисимов был ещё более категоричен: «Что же касается современных художественных переплетов, то нужно сказать, что их можно найти у всех культурных народов, и везде техника переплетного дела шагает вперед более или менее значительными шагами, за исключением, конечно, России, где переплетное дело, наравне со всеми остальными графическими производствами, находится в чрезвычайно плачевном состоянии» [2, с. 41]. Л. Н. Симонов называет современные ему индивидуальные и издательские переплеты «нищенски убогими», «мишурными, аляповатыми и безвкусными», «уродливыми» [39, с. II].

Столь же низкого мнения об отечественных переплётах XIX века придерживался известный библиофил Р. С. Минцлов. В статье «Мысли о книгах» он пишет, что, начиная с царствования Александра II, «блеск и красота платьев книги гаснут»: «сафьян и кожа исчезли, сменились однообразной и монотонной бумагой; на книге отразилась казарма» [29, с. 4]. Совсем плохо, по мнению Минцлова, дела пошли во второй половине столетия: переплёты стали не только некрасивыми, но и существенно потеряли в качестве. «Бумага на переплетах стала хуже, но несколько разнообразней; словно железные Николаевские корешки сменились рыхлыми, из тонкой кожи. По пальцам можно перечесть собирателя, переплетавшего книгу как следует; немногие одевали ее под шагрень и в черный коленкор, остальные ставили ее на полки в одной обложке. Посмотрите, что такое большинство домашних библиотек этого периода — собрание растрепанного хлама, зачастую без начала и без конца», — сокрушался библиофил [29, с. 4]. Однако ситуация, с его точки зрения, опять изменилась в конце XIX – начале XX века — вновь появились нарядные, художественные переплёты.

Российский библиофил М. В. Сеславинский называет этот период (конец XIX — начало XX в.) «золотым веком в переплётном деле» России. Исследователь считает, что «именно в эту эпоху он [отечественный индивидуальный переплёт] был наиболее разнообразным, интересным с художественной точки зрения, качественным по технологии исполнения и максимальным в количественном выражении» [33, с. 40]. Но это касается преимущественно работ столичных мастеров. В провинции всё обстояло гораздо скромнее. Сам Сеславинский пишет про вторую половину XIX века так: «Продукция многочисленных переплётных заведений была весьма востребованной. Число личных библиотек росло и в обеих столицах, и в губернских и уездных городах, где в это время открывалось всё больше переплётных заведений.

Конечно, их продукция не такая изысканная, как работы столичных мастеров, да и заказы нередко поступали не только от частных лиц, но и казённых учреждений, библиотек образовательных заведений» [33, c. 35].

Наблюдение М. В. Сеславинского верно и для Дальнего Востока, хотя количество работавших там мастерских к концу XIX – началу XX века было относительно невелико. На протяжении второй половины XIX века найти в крае опытного переплётчика было проблематично. В воспоминаниях путешественников изредка можно встретить сетования по этому поводу. В. В. Крестовский, побывавший на Дальнем Востоке в 1880 году, в своих очерках «Посьет, Суйфун и Ольга» рассказывал, как его удивили хорошие переплёты книг в «служебно-личной» библиотеке начальника поста Святой Ольги штабс-капитана Скурского: «Все книги, к некоторому удивлению моему, оказались переплетенными и притом очень изрядно. На вопрос мой, откуда такие переплеты в Ольге, хозяин отвечал, что это дело его собственных рук. В России, в юности когда-то, от нечего делать занимался он переплетным делом, ан, здесь вот и пригодилось, — по крайней мере книжки сохранятся уже надолго» [26, с. 129]. В 1885 году в газете «Владивосток» была помещена заметка о выходе и продаже книги Д. Ф. Мертваго «Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем», в которой редактор газеты, между прочим, отмечал: «Так как в здешних краях порядочное переплетение книг невозможно, а книга без переплета не выдерживает усердного чтения, то автор высылает книгу сюда уже изящно переплетенною...» [23, с. 2].

Путешествовавший по Дальнему Востоку десять лет спустя (в 1891–1893 гг.) сотрудник газеты «Русские ведомости» Д. И. Шрейдер писал о трудностях, с которыми сталкивались люди, искавшие во Владивостоке возможность переплести книгу: «...Если вы желаете отдать её (книгу. — Н. Р.) в переплет и если вы еще не успели ориентироваться в местных условиях, то наталкиваетесь на массу препятствий, с виду почти непреодолимых. Прежде всего, вы узнаете, что никакого переплетчика, то есть лица, которое занималось бы этим делом, как профессией, в городе, вмещающем в себе до 20.000 д[уш] населения, обладающем каменным храмом, двумя газетами, одним ученым обществом, музеем и пр., — вовсе не имеется.

Только при известной настойчивости с вашей стороны вам, в конце концов, удается узнать, что среди солдат, отбывающих службу в местных войсках, расположенных частью за городом, частью на близлежащих островах, "встречаются иногда лица, знающие переплетное дело". С этого момента вы можете уже считать успех ваших розысков почти обеспеченным. Стоит только вам объездить казармы линейных батальонов, и не в одном, так в другом — я по собственному опыту это знаю — вы найдете то, что ищете» [46, с. 28].

Когда и где на Дальнем Востоке появилась первая переплётная мастерская, точно неизвестно. Из заметки в газете «Владивосток» становится ясно, что в 1890 году, в противоположность свидетельству Д. И. Шрейдера, во Владивостоке, по крайней мере, уже были переплётные мастерские: «В городе многие улицы украшены всевозможными вывесками: портных, сапожников, настройщиков, часовых дел мастеров, слесарных, кузнечных, переплетных (выделено нами. — Н. Р.) и т. п.» [32, с. 5]. Автор заметки досадует, что невозможно узнать, является ли мастер действительным профессионалом или мало что умеющим самозванцем, и пишет, что часто обыватели жалуются на низкое качество услуг и продукции. По-видимому, это относилось и к переплётчикам.

Сведения о ремесленном производстве на Дальнем Востоке и, в частности, о профессиях ремесленников публиковались в «Обзорах Амурской области» с 1892 по 1914 год и в «Обзорах Сахалинской области» за 1911–1913 годы, которые выпускались как приложения к отчётам губернаторов. По данным обзоров можно проследить динамику численности переплётчиков в Амурской области (см. таблицу 1).

Таблица 1. Численность переплётчиков в Амурской области в 1892–1914 годах.

	Всего в области	Из них:						
Год		в Бла- гове- щенске	в Зее- Приста- ни	в селе- ниях и на заимках	в округе Амурского казачьего войска			
1892	4	4 – –		_	_			
1893	5	5	1	_	_			
1894	6	6 – –		_				
1895	Нет свед.			_				
1896	10	10	_	_	_			
1897	20	20	_	_	_			
1898	18	18	_	_	_			
1899	18	18	-	_	_			
1900	12	12	-	_	_			
1901	15	15	-	_	_			
1902	17	17	-	_	_			
1903	18	18	-	_	_			
1904	10	10	_	_	_			
1905	6	6	_	_	_			
1906	18	18	_	_	_			
1907	27	25	2	_	_			
1908	16	16	_	_	_			
1909	47	43	2 1		1			
1910	27	22	2	_	3			
1911	28	20	2	1	5			
1912	43	2	25	13	5			
1913	37	3	30	2	5			
1914	46	3	34	10	2			

Как видно из таблицы, в 1897–1906 годах количество переплётчиков, работавших в Благовещенске, было достаточно стабильным (снижение в 1904-1905 гг. объясняется, вероятно. Русско-японской войной), но с 1907 года цифры сильно колеблются. С 1909 года появляются переплётчики в сельской местности: в крестьянских и казачьих селениях, на заимках. Это свидетельствует о появлении спроса на услуги таких мастеров и, на наш взгляд, указывает на увеличение количества книг у крестьянского и казачьего населения (что, однако, не означает прироста именно личных библиотек — вполне вероятно, что переплётчики в тех местностях обслуживали общественные книжные собрания: школьные, народные и тому подобные библиотеки). С другой стороны, большое количество переплётчиков в Благовещенске. как нам кажется, может свидетельствовать об увеличении числа именно личных библиотек, владельцы которых могли обеспечивать спрос на услуги этих специалистов.

Сведения о конкретных переплётных предприятиях в Амурской области рассеяны по разным источникам. Полного их списка нам составить не удалось, но некоторые заведения можно назвать. Так, в «Приамурских ведомостях» в 1894 году было размещено следующее объявление благовещенской тюрьмы: «В мастерских благовещенского тюремного замка производятся всевозможные работы: столярные, переплетные (выделено нами. — Н. Р.), шорные сбруи и обуви, выделка различных №№ гильз, постройка экипажей, шитье мужского платья и проч., и проч. значительно дешевле частных мастерских. — Образцы изделий можно видеть ежедневно в лавке, под № 17, открытой для продажи изделий арестантов, находящейся на базаре около городских весов. — Все заказы исполняются немедленно и аккуратно. — С заказами покорнейше просят обращаться к директору-казначею Тюремного комитета Александру Михайловичу Огородникову, в г. Благовещенске, по Большой улице, в доме под № 1-м, квартал 49» [31, с. 16]. По-видимому, организация переплётных мастерских при исправительных учреждениях была достаточно распространённой практикой в XIX веке. М. Б. Золотова отмечает, что существование таких заведений в тюрьмах было характерно «не только для конца XIX в., но и для его первой половины» и что изделия заключённых «не уступают по качеству работам лучших отечественных мастеров рубежа XIX-XX вв.» [13, с. 90]. Она описывает работы двух петербургских мастерских такого рода, а М. В. Сеславинский упоминает о существовании подобного заведения и в Москве [33. с. 48]. Возможно, это была политика тюремного ведомства Российской империи.

На проходившей в Хабаровске в 1899 году Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставке два переплётных заведения из Благовещенска получили похвальные отзывы комитета выставки: переплётная при

типографии «Амурской газеты» и мастерская А. В. Белевича [40, с. 12].

В справочных изданиях за 1910—1911 годы помещена информация о благовещенских переплётных Шустера и фирмы «Бутряков с сыном», в 1913 году сведений о мастерской Шустера нет, зато фигурирует переплётная при типографии «Амурский край» [38, с. 287 (5-я паг.); 37, с. 58 (8-я паг.); 34, с. 80 (6-я паг.)]. Нужно учитывать, что в коммерческих справочных изданиях информация о торговых и промышленных фирмах размещалась по желанию предпринимателей [36, с. III], поэтому там указывались далеко не все предприятия города.

Что касается Приморской области, то её обзоры, к сожалению, менее подробны, чем амурские, и статистика ремесленных рабочих в них не приводится. Однако интересные данные о переплётном деле в регионе можно почерпнуть из статистического исследования Ф. Л. Вильчинского «Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области» (Владивосток, 1904 г.). Автор приводит информацию по количеству переплётных мастерских в городах Приморской области и по числу переплётчиков, работавших как в специализированных мастерских, так и в типографиях. Цифры по преимуществу даны на 1903 год, но в анкете Приморского областного статистического комитета собраны сведения за период с 1898 по 1903 год.

Так, по данным Ф. Л. Вильчинского, в 1903 году в Приморье работало семь переплётных мастерских: шесть русских и одна китайская. Все они находились во Владивостоке. Из анкетных данных выясняется, что это были переплётные В. А. Панова, Н. К. Миронова, Т. Г. Чеботарёвой, Н. В. Ремезова, Л. П. Подпах, китайца Ван-ю и товарищества «Сущинский и К°». В других городах области специализированных предприятий не было, переплётчики работали при типографиях. В том же Владивостоке переплётчики числились в типографиях Приморского областного правления и Управления Уссурийской казённой железной дороги, а также среди военных Владивостокского гарнизона: во Владивостокской крепостной артиллерии, 1-м и 2-м Владивостокских крепостных пехотных полках. В Хабаровске, Никольске-Уссурийском и Николаевске-на-Амуре переплётчики были во всех имевшихся в 1903 году типографиях: трёх в Хабаровске и по одной в других городах. Совмещение типографии и переплётной было характерно и для частных организаций: из семи владивостокских переплётных мастерских четыре работали при печатных заведениях, но были выделены в отдельные предприятия. Например, товарищество «Сущинский и К°» владело типолитографией и переплётной, а позже ещё организовало издательство и книжный магазин.

По опубликованным Ф. Л. Вильчинским данным можно судить о квалификации работников, распределении их по национальностям и сословиям, а также об их зарплате.

В таблице 2 представлено распределение переплётчиков по национальностям и квалификации в специализированных мастерских Владивостока.

Таблица 2. Национальный состав и квалификация сотрудников в переплётных мастерских Владивостока в 1903 году.

2 1000 году.												
σ,	Количество переплётчиков (всего)	В том числе										
эрска		русских				иностранцев (ки- тайцев, японцев)						
и масте		Всего	из них по уровню ква- лификации				из них по уровню ква- лификации					
Переплётная мастерская			знающ.	посред- ствен.	плохие	Всего	знающ.	посред- ствен.	плохие			
«Сущинский и К°»	18	5	1	2	2	13	1	2	10			
В. А. Панова	18	_	_	_	_	18	1	2	15			
Т. Г. Чебо- тарёвой	2	_	_	_	_	2	1	1	_			
Н. К. Миро- нова	4	_	_	_	_	4	4	_	_			
Н. В. Реме- зова	4	1	1	_	_	3 уче- ника	-	_	_			
Л. П. Подпах	9	2	2	_	_	7	_	6	1			
Ван-ю	4	_	_	_	_	4	4	_	_			
Всего	59	8	4	2	2	51	11	11	26			

Как следует из таблицы, во владивостокских переплётных работали преимущественно китайцы (47 человек из 59), в четырёх заведениях русских сотрудников не было вовсе, а в трёх оставшихся служили восемь русских переплётчиков (в среднем соотношение русских и китайцев в этих мастерских составляло 1:3). Выделялось предприятие Н. К. Миронова, коллектив которого состоял из четырёх японцев.

Квалификация сотрудников оставляла желать лучшего. Владельцы лишь двух заведений из семи назвали всех своих работников знающими мастерами своего дела. Хозяева остальных переплётных считали профессионалами 1–2 человек в коллективе, а остальных характеризовали как посредственных либо вовсе плохих мастеров. С этим связаны и основные жалобы владельцев: «опытных мастер[овых] вообще нет», «настоящих мастеров переплетчиков в крае нет», «переплетчики плохие», «опытных мастеровых... переплетного дела встретить можно как редкость и приходится пользоваться мастеровыми изучившими дело поверхностно и лишь практически, без знакомства с теориею» и т. д. [6, с. 17–18, 31 (4-я паг.)].

При этом ведомственные типографии Приморской области в основном не жаловались на нехватку квалифицированных переплётчиков.

По анкетным данным можно установить (где-то точно, где-то приблизительно) год образования семи указанных переплётных заведений Владивостока. Так, переплётная «Сущинский и К°» действовала, по-видимому, с 1902 года (но до этого она существовала в составе паровой типографии «Товарищества на вере», организованного В. Ф. Сущинским в 1898 г. [42, с. 17]), заведения Н. К. Миронова и Ван-ю с 1901 года, мастерская Л. П. Подпах, вероятно, появилась в 1903 году. Что касается остальных трёх предприятий, то они начали работать не позднее 1898 года. Н. В. Ремезову разрешение на открытие типографии и переплётного заведения при ней было выдано в 1894 году [5, л. 669 (об.)], однако, когда оно фактически начало свою работу, установить пока не удалось. Известно, что в 1896 году предприятие уже функционировало — оно перечисляется среди городских фирм в «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре на 1897 г.», который был разрешён к печати в ноябре 1896 года [35, с. 691].

В «Спутнике по Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю» на 1906 год напечатана реклама Первой образцовой переплётной И. С. Мартынова-Якубовского во Владивостоке. Владелец объявлял, что «принимает подрядные работы, исполняет заказы роскошных переплетов со всевозможным тиснением» [41, с. [4] (4-й счёт)]. «Адрес-календарь городов Владивостока, Никольска-Уссурийского, Хабаровска и Харбина...» на лето 1908 года даёт информацию о пяти совершенно иных переплётных заведениях Владивостока: мастерских В. К. Иогансона, З. Н. Золотаревского и Недзельского, Л. И. Шамова, П. И. Золотарёва и «Товарищества братьев Синкевич» [1, с. [77]]. Две из них (Иогансона и Золотаревского и Недзельского) также были организованы при типографских предприятиях. Известные нам из более ранних источников переплётные не упомянуты вовсе. В 1910 году справочник «Сибирь» называет лишь две переплётные во Владивостоке: «Товарищества братьев Синкевич» и «Дальнего Востока» [38, с. 322 (5-я паг.)] (по-видимому, при типографском заведении Е. В. Пановой).

В целом можно сказать, что во Владивостоке постоянно действовали самостоятельные переплётные предприятия и некоторые из них работали довольно длительный период.

Как уже упоминалось, в ещё двух городах Приморской области — Хабаровске и Никольске-Уссурийском — в 1903 году отдельных переплётных не зарегистрировано, мастера работали только при типографиях. Так, в скоропечатной типографии «К. В. Минаева и К°» числились один посредственный переплётчик и один — плохой, оба русские. В типографии «Общий труд» был один посредственный переплётчик китаец. А типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора не стала давать оценку квалификации своего единственного русского переплётчика. При этом

заведение «Минаева и К°» жаловалось на нехватку сотрудников, в том числе и переплётчиков, а «Общий труд» и канцелярская типография отметили, что недостатка в рабочих не ощущают. Хватало мастеров и в типографии Ф. В. Мисюры в Никольске-Уссурийском, где числился один знающий русский переплётчик. Можно предположить, что в располагавшейся в том же городе типографии Штаба 1-го Сибирского армейского корпуса также был свой переплётчик.

Несколько позднее, по-видимому, самостоятельные переплётные заведения появляются в Хабаровске: картонажная и переплётная мастерская В. Ф. Бережного (потом — 3. Н. Бережной), 1-я картонажно-переплётная мастерская.

Были свои переплётчики и на каторжном Сахалине, но они не заводили никаких мастерских, а работали, вероятно, на дому. В данных переписи, которую провёл А. П. Чехов во время своего пребывания на острове в 1890 году, имеются сведениях о трёх людях, указавших в качестве основного занятия «переплётчик». Все они проживали в посту Александровском: двое были крестьянами из ссыльных (М. В. Кулаков и Е. П. Пилипенко), а один — ссыльнокаторжный (А. В. Марченков) [4, с. 44, 105, 475]. Последний, возможно, работал в типографии поста.

Английский антрополог и путещественник Ч. Хоуз. который побывал на Сахалине в 1901 году, в своей книге «На крайнем востоке»³ упоминает, что видел заключённых, занимавшихся переплётными работами. Он писал о своём визите к сестре милосердия Е. К. Майер, которая в 1899 году приехала на остров, чтобы помогать каторжным и ссыльнопоселенцам. Англичанин вспоминал, что его с сопровождающим «впустили в большую комнату, заполненную книгами и журналами, ремонтом которых занимались ссыльные» [47, с. 392]. Во время второго своего посещения Хоуз увидел, как ссыльные сшивали и переплетали книги. Известно, что Е. К. Майер в 1901 году организовала на Сахалине «Дом трудолюбия для ссыльнопоселенцев, которые остались без дохода после отбытия срока каторги» [25, с. 289]. Его работники среди прочего занимались переплётом книг. Заказы для «Дома трудолюбия» искала сама сестра Майер, но мы не знаем, ни для кого именно изготовлялись переплёты, ни как они выглядели. Можно предположить, что они не отличались особым изяществом, так как Ш. Коррадо пишет, что большинство ссыльных «не владели никаким ремеслом» [24, с. 19] (ссыльное население Сахалина преимущественно состояло из крестьян), то есть переплётному делу их обучали в благотворительном заведении.

³ В России эта книга вышла в 2003 году: Хоуз, Ч. Г. На восточной окраине: отчет о науч. исслед. среди корен. народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию / Ч. Г. Хоуз; [пер. с англ. В. Переславцева]. — Южно-Сахалинск: Сахал. кн. изд-во, 2003 (ГУП Сахалинская обл. тип.). — 355 с., [64] л. ил., карт, портр.: ил.

Сведений о переплётных в других местностях Приморской области нам найти не удалось. Однако можно предположить, что на Чукотке не было даже работавших на дому переплётчиков. Косвенным подтверждением этому может служить оформление книг в личной библиотеке Н. Л. Гондатти, который долгое время служил начальником Анадырской округи. Экземпляры из его собрания, приобретённые им во время пребывания на Чукотке, сохраняли издательское оформление — обложку или переплёт. Вырезки из журналов или брошюры, напечатанные без обложки, вовсе не были переплетены. При этом большинство книг, которые Н. Л. Гондатти привёз с собой на Дальний Восток из Санкт-Петербурга, облачено во владельческие переплёты.

Таким образом, в крупных городах Дальнего Востока с 1890-х годов существовали ведомственные (при ведомственных типографиях) и частные переплётные предприятия. Они выполняли заказы на переплёт книг, альбомов, документов как для организаций (различных библиотек, канцелярий), так и для частных лиц. Это означает, что горожане, владевшие личными библиотеками, могли заказывать индивидуальное оформление для своих книг у местных мастеров. Однако остаётся неясным, насколько охотно книголюбы пользовались этой возможностью.

В фонде ДВГНБ сохранились экземпляры в дальневосточных переплётах, но большинство из них было выполнено по заказу общественных и ведомственных библиотек. Книг, принадлежавших частным владельцам, в оформлении дальневосточных мастеров — единицы. Это может объясняться малопривлекательным внешним видом местной продукции. В большинстве своём такие переплёты выполнены из дешёвых, малопривлекательных материалов и имеют невзрачный вид. Встречающиеся исключения происходят как раз из личных библиотек дальневосточников.

В фондах дальневосточных библиотек выявлено 84 индивидуальных переплёта со знаками 13 местных переплётных мастерских. Подавляющее большинство экземпляров представляет продукцию заведения Н. Ф. Бережного в Хабаровске. Остальные предприятия представлены одним-двумя переплётами. Ниже приводятся описания имеющихся образцов. Частные фирмы, в которых обозначена фамилия владельца, даны в алфавите этих фамилий, следом идут частные заведения на общие названия (то есть без указания владельца), потом — ведомственные, а в конце приведены описания дальневосточных переплётов, создатели которых не установлены.

Белевич А. В., переплётчик, Благовещенск.

Знак мастерской — печатная наклейка в нижнем углу на внешнем листе форзаца (на наклейке изначально напечатано «А. В. Белевич. Переплетчик в Чите», но поверх «в Чите» от руки написано «Благовещ»).

Наклейка благовещенского переплётчика А.В.Белевича.

Имеющийся одинобразецработы этого переплётчика побывал в ремонте, поэтому некоторые элементы переплёта утрачены и не могут быть описаны.

Переплёт коленкоровый, вероят-

но, цельный, из тускло-бордового коленкора «под шагрень». Корешок утрачен (заменён современным). Крышки с фасками (скошенными краями), углы скруглены. На обеих крышках по периметру — одинарная линейная рамка блинтового тиснения. На верхней крышке серебром (и одно слово золотом) вытиснено название книги и виньетки, в нижнем правом углу — золототиснённые инициалы «Н. И. Г.» (вероятно, суперэкслибрис Николая Ивановича Гродекова). Форзацы из мраморной бумаги (бежевые пятна на салатном фоне). Обрезы фиолетового сетчатого мрамора.

Книга — конволют с двумя аллигатами: протоколы I съезда золотопромышленников Амурского округа и приложения к ним. Верхние сторонки обложек при переплёте сохранены.

Как уже упоминалось, вероятно, экземпляр происходит из личной библиотеки Н. И. Гродекова.

По классификации М. Б. Золотовой переплёт относится ко II классу, к улучшенным.

Картонажная и переплётная мастерская Н. Ф. Бережного, Хабаровск.

Знак мастерской — штамп фиолетовыми чернилами в верхнем углу на внешнем листе форзаца или (редко) нахзаца.

Образец № 1. Переплёт полутканевый. Корешок гладкий, без украшений, из грубой небелёной и неокрашенной ткани. Крышки оклеены дешёвой мраморной бумагой (коричневые с белым разводы на чёрном фоне или белые разводы на зелёном фоне). На верхнюю крышку выклеена обложка издания. Углы крышек укреплены тёмной тканью, наугольники очень мелкие. Украшения отсутствуют. Форзацы составные из очень тонкой белой бумаги, слизуры из тусклой чёрной, тёмно-коричневой или лиловой хлопчатобумажной ткани. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

Вариант. Ткань на корешке более мелкого плетения, крышки оклеены обложкой или мраморной бумагой (белые разводы на чёрном фоне с цветными вкраплениями), наугольники большего размера, чем в первом варианте.

Так переплетены журналы за 1910 и 1915 годы из библиотеки Хабаровского общественного собрания и тома «Свода морских постановлений», выпущенные в 1887–1902 годах и не несущие владельческих знаков.

Переплётов такого типа в классификации М. Б. Золотовой нет, так как это дешёвый ремесленный переплёт, который исследователь не рассматривала.

Образец № 2. Переплёт полуколенкоровый с наугольниками. Корешок гладкий, без украшений, из чёрного коленкора с тиснением под крокодиловую кожу. Наугольники маленькие из чёрного коленкора. Крышки оклеены тёмно-болотной фактурной бумагой под крокодиловую кожу. Украшения отсутствуют. Форзацы составные из очень тонкой белой бумаги, слизуры из серой хлопчатобумажной ткани. Обрезы зелёного сетчатого мрамора.

У журналов при переплёте сохранялась верхняя сторонка издательской обложки.

Такие переплёты изготовлялись для книг и журналов Николаевской публичной библиотеки в Хабаровске.

По классификации М. Б. Золотовой этот тип переплёта можно отнести к III классу, простым.

Образец № 3. Переплёт полуколенкоровый с наугольниками. Корешок гладкий, без украшений, из тускло-бордового коленкора с тиснением под шагреневую кожу. Наугольники маленькие из неокрашенного коленкора. Крышки оклеены глянцевой бордовой бумагой. Украшения отсутствуют. Форзацы составные из очень тонкой белой бумаги, слизуры из тускло-сиреневой хлопчатобумажной ткани. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

У журналов при переплёте сохранялась верхняя сторонка издательской обложки.

Такие переплёты изготовлялись для книг и журналов Николаевской публичной библиотеки в Хабаровске.

По классификации М. Б. Золотовой этот тип переплёта можно отнести к III классу, простым.

Образец № 4. Переплёт полуколенкоровый с наугольниками. Корешок гладкий, без украшений, из чёрного коленкора «под кожу». Вдоль корешка золотом вытиснено название книги. Наугольники маленькие из чёрной ткани. Крышки оклеены светлой фактурной бумагой «под ткань». Украшения на крышках отсутствуют. Форзацы составные из очень тонкой белой бумаги, слизуры из чёрной хлопчатобумажной ткани, такой же, как на наугольниках. Обрезы простые (то есть не украшены). Сохранена верхняя сторонка издательской обложки.

Переплёт на книге А. В. Тужилина «Современный Китай» (СПб., 1910 г.) из библиотеки Хабаровского реального училища.

По классификации М. Б. Золотовой — простой переплёт, III класса.

Образец № 5. Переплёт цельный из светло-бордового коленкора. На обеих крышках — угловые украшения блинтового тиснения во всех четырёх углах, на верхней крышке золотом вытиснены название журнала и номер тома и выпу-

ска (тиснение занимает всю поверхность крышки). Корешок гладкий, без украшений. Форзацы составные из фактурной (под лён) тёмно-розовой бумаги (в цвет коленкора), слизуры из синей ткани. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

В такие переплёты облачены «Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества» за 1894—1898 годы. При этом выпуски одного тома собраны в конволюты. Владельческих знаков в книгах нет.

По классификации М. Б. Золотовой этот переплёт можно отнести ко II классу, улучшенным.

Переплётная З. Н. Бережной, Хабаровск.

По всей видимости, владелица — наследница Н. Ф. Бережного.

Переплёты, выполненные в мастерской Н. Ф. Бережного в Хабаровске.

Знак мастерской — штамп фиолетовыми чернилами в верхнем углу на внешнем листе форзаца.

Переплёт полутканевый с наугольниками. Корешок гладкий из грубой небелёной и неокрашенной ткани. На корешке — тиснение чёрной краской: вдоль корешка — название книги, внизу — геометрический орнамент. Крышки оклеены мраморной бумагой с волновым рисунком⁴ (светло-бордовые разводы на «волнах» коричневых тонов). Украшения на крышках отсутствуют. Наугольники мелкие из чёрной хлопчатобумажной ткани. Форзацы составные из очень тонкой белой бумаги, слизуры из серой хлопчатобумажной ткани. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

⁴ Волновой мрамор — тип рисунка на мраморной бумаге, «характерной особенностью которого были прямо или наискось пересекающие узор плавно переходящие друг в друга темные и светлые полоски, создававшие впечатление, что цветные прожилки и пятна покачиваются на слабых волнах фонового цвета» [11, с. 213].

Штамп мастерской Н. Ф. Бережного в Хабаровске.

Переплёт на книге М. Антонова «Н. Г. Чернышевский» (М., 1910 г.) из библиотеки Хабаровского учительского института.

Дешёвый переплёт, не представленный в классификации М. Б. Золотовой.

Переплётная книжного магазина Бутрякова, Благовещенск.

Знак мастерской — штамп фиолетовыми чернилами в нижнем углу на внешнем листе форзаца.

Переплёт полуколенкоровый без наугольников. Корешок гладкий из тёмного (чёрного?) коленкора «под шагрень». Крышки оклеены чёрной бумагой «под кожу», углы под бумагой укреплены чёрной тканью. Украшений нет. Форзацы цельные из белой бумаги. Обрезы простые.

Переплёт на «Амурском народном календаре на 1900 год», составленном Н. З. Голубцовым (Благовещенск, 1900 г.). Владельческих знаков на книге нет.

Дешёвый ремесленный переплёт, вне классификации M. Б. Золотовой.

Переплётная «В. М. Бутряков и Сын», Благовещенск.

Знак мастерской — штамп фиолетовыми чернилами в нижнем углу на внешнем листе нахзаца. На штампе указывался номер заказа.

Переплёт полукожаный без наугольников. Корешок гладкий из тёмно-коричневой кожи. На корешке — золотое тиснение: поперечные двойные линии, название книги. Крышки оклеены тёмно-синим коленкором «под шагрень». Украшения на крышках отсутствуют. Форзацы составные из светло-зелёной бумаги, слизуры из тёмно-коричневой хлопчатобумажной ткани. Обрезы простые.

Переплёт на «Полном англо-русском словаре» А. Александрова (СПб., 1909 г.). На книге владельческие знаки Петра Александровича Могильникова из Благовещенска.

По классификации М. Б. Золотовой переплёт можно отнести к простым, III класса.

Переплётная мастерская книжного магазина С. А. Зензинова, Владивосток.

Знак мастерской — печатная наклейка в верхнем углу на внешнем листе форзаца.

Переплёт полуколенкоровый с наугольниками. Корешок и наугольники из светло-коричневого коленкора с тиснением «под кожу». Наугольники маленькие, клапаны корешка — узкие, крышки на 0,5–0,7 см больше блока. Крышки оклеены дешёвой мраморной бумагой светло-зелёного с коричневым (?) цветов. Украшений нет. Форзацы из тонкой белой

бумаги, вероятно, цельные (ремонтированы по фальцу). Обрезы с краплением.

Переплёт на пособии С. Гинтовта «Отрывки из римских писателей (преимущественно Цицерона и Ливия) с краткими примечаниями для классных, письменных и устных, переводов с латинского языка на русский в VI, VII и VIII классах гимназий» (СПб., 1897 г.) из ученической библиотеки Владивостокской мужской гимназии.

По классификации М. Б. Золотовой переплёт простой, III класса.

Переплётная мастерская В. К. Иогансона, Владивосток.

Знак мастерской — печатная наклейка в верхнем углу на внешнем листе форзаца.

Переплёт полукожаный с наугольниками. Корешок и наугольники из тёмно-коричневой кожи. Корешок бинтовой (З бинта), украшен тиснением: золотом вытиснено краткое название книги и суперэкслибрис «В. К.», блинтовым способом оттиснуты двойные линии в низу и верху корешка, по краю корешкового клапана, а также вдоль бинтов. На наугольниках, вдоль стыка с покровным материалом — двойные линии блинтового тиснения. Крышки оклеены тёмно-зелёным коленкором «под кожу». Украшения на крышках отсутствуют. Форзацы составные из тонкой белой бумаги, слизуры из чёрной хлопчатобумажной ткани. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

Книга — инструкция по исследованию озёр. Судя по суперэкслибрису, происходит из частного собрания.

По классификации М. Б. Золотовой переплёт простой, III класса.

Переплётная Н. (?) В. Ремезова, Владивосток.

Знак мастерской — печатная наклейка в верхнем углу на внешнем листе форзаца. (На наклейках опечатка (?): «П. В. Ремезова» вместо «Н. В. Ремезова».)

Образец № 1. Переплёт цельнотканевый из небелёной и неокрашенной льняной (?) ткани. Корешок гладкий, с двумя кожаными наклейками. На наклейках — тиснение золотом: двойные линии по верхним и нижним краям, название и номер тома на верхней наклейке, суперэкслибрис «Т.» — на нижней. В верху корешка наискосок чернилами написан автор книги.

Наклейка переплётной мастерской Н.В.Ремезова во Владивостоке.

Форзацы цельные из белой бумаги. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

Так переплетён двухтомный «Учебник частной патологии и терапии внутренних болезней» А. Штрюмпеля (СПб., 1894 г.). Книги происходят из личной библиотеки доктора П. С. Тенчинского, бывшего главным врачом Владивостока в конце XIX – начале XX века.

Дешёвый ремесленный переплёт, вне классификации M. Б. Золотовой.

Образец № 2 (?). Переплёт полуколенкоровый с наугольниками. Корешок гладкий из серого коленкора. На корешке — тиснение золотом: название, линии сплошные и пунктирные. Крышки оклеены мраморной бумагой (белые разводы с синими и красными вкраплениями на чёрном фоне). Поверх мраморной бумаги, почти полностью закрывая корешковые клапаны, выклеены сторонки обложки (на обеих крышках). Наугольники маленькие из коричневой хлопчатобумажной ткани. Форзацы составные из белой бумаги, слизуры из той же ткани, что и наугольники. Обрезы простые.

На экземпляре нет знака переплётной мастерской, но исходя из обстоятельств появления данного издания, можно предположить, что оно переплеталось при типографии, в которой печаталось, — у Н. В. Ремезова.

Книга — путевые воспоминания П. П. Хржановского и трёх его друзей «День в Пенанге» (Владивосток, 1898 г.). Она была подарена П. П. Хржановским Н. И. Гродекову.

По классификации М. Б. Золотовой переплёт, скорее, простой, III класса.

Переплётная мастерская Торгового дома братьев Синкевич, Владивосток.

Знак мастерской — фигурная цветная печатная наклейка (белый текст на коричневом фоне) или фигурный штамп фиолетовыми чернилами в верхнем углу на внешнем листе форзаца.

Образец № 1. Переплёт полутканевый без наугольников. Корешок гладкий из хлопчатобумажной ткани болотного цвета, без украшений. Крышки оклеены дешёвой мраморной бумагой (зелёные разводы на чёрном фоне). Форза-

цы цельные из тонкой белой бумаги. Обрезы простые.

Экземпляр в описанном переплёте — «Записки по методике русского языка» П. Н. Солониной (СПб., 1913 г.). Владельческих знаков в книге нет.

Дешёвый ремесленный переплёт, вне классификации Б. М. Золотовой.

Образец № 2. Переплёт полукожаный

Переплёт работы мастерской Торгового дома братьев Синкевич во Владивостоке.

без наугольников. Корешок бинтовой (3 бинта) из зеленовато-коричневой кожи. На корешке золотом вытиснено название книги; вдоль бинтов, по верху и низу корешка и по краям корешковых клапанов — двойные линии блинтового тиснения. Крышки оклеены тёмно-зелёным коленкором, на обеих крышках — имитация наугольников двойными полосами блинтового тиснения. Форзацы составные из тонкой белой бумаги, слизуры из чёрной хлопчатобумажной ткани. Обрезы красно-белого мрамора.

Переплёт изготовлен для «Памятной книжки по Главному управлению государственного коннозаводства» (СПб., 1907 г.). Книга из коллекции семьи купцов и промышленников Старцевых, принадлежала Д. А. Старцеву.

По классификации М. Б. Золотовой это простой переплёт, III класса.

Образец № 3. Переплёт полутканевый с наугольниками. Корешок из неокрашенной ткани, мелкие наугольники из тёмно-коричневой ткани. Крышки оклеены чёрной бумагой с тиснением «под кожу» или точечным. Форзацы составные из белой гладкой бумаги. Слизуры из тёмно-коричневой ткани (такой же, что и на наугольниках). На боковом обрезе сохранились следы одноцветного сетчатого мрамора.

Переплёт на 17-м выпуске «Материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове» (СПб., 1899 г.) и на втором томе «Сочинений» М. В. Ломоносова (СПб., 1893 г.) из Владивостокской публичной библиотеки имени Н. В. Гоголя.

Дешёвый ремесленный переплёт, вне классификации М. Б. Золотовой.

Образец № 4. Переплёт полукожаный с наугольниками. Корешок и большие наугольники из тёмно-коричневой кожи «под шагрень». Корешок бинтовой (3 бинта). На корешке тиснение: блинтовое — двойные линии вдоль бинтов и в верху и в низу корешка, золотое — автор, название, номера части и выпусков в трёх верхних полях (низ корешка утрачен). Вдоль краёв корешковых клапанов и наугольников вытиснены двойные блинтовые линии. Сторонки оклеены коричневым коленкором. Форзацы составные из узорчатой бело-оливковой бумаги. Слизура из чёрного коленкора. Обрезы простые. Обложки выпусков не сохранены.

Переплетены вместе три выпуска второй части сочинения Н. В. Кюнера «Новейшая история стран Дальнего Востока» (Владивосток, 1909–1910 гг.). Владельческая запись на титульном листе, по-видимому, более поздняя, чем переплёт. Заказчик переплёта не установлен.

По классификации М. Б. Золотовой это простой переплёт, III класса.

Переплётная товарищества «Сущинский и К°», Владивосток.

Знак мастерской — блинтовое тиснение на нижней переплётной крышке.

Переплёт цельный из голубого коленкора. Корешок гладкий, без украшений. На обеих крышках — узорные рамки блинтового тиснения. На верхней крышке внутри рамки золотом вытиснены сведения об издании (название журнала, автор и тема доклада, год и место издания). В центре нижней крышки блинтовым способом вытиснен медальон с морским пейзажем, в низу крышки — знак переплётной мастерской, выполненный в той же технике. Форзацы цельные из белой бумаги. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

Так переплетён номер «Записок Общества изучения Амурского края» за 1899 год. Владельческих знаков на журнале нет.

По классификации М. Б. Золотовой переплёт можно отнести ко II классу, улучшенным.

Переплётная типографии товарищества «Общий труд», Хабаровск.

Знак мастерской — печатная наклейка в верхнем углу на внешнем листе форзаца.

Образец № 1. Переплёт полутканевый без наугольников. Корешок гладкий из хлопчатобумажной ткани болотного цвета. Корешок или без украшений, или с вытисненными чёрной краской поперечными линиями и данными книги. Крышки оклеены дешёвой мраморной бумагой (белые разводы с цветными вкраплениями на чёрном фоне). Углы крышек укреплены коричневой хлопчатобумажной тканью. Форзацы составные из белой бумаги, слизуры из тускло-сиреневой хлопчатобумажной ткани или дешёвого чёрного коленкора. Обрезы синего крапления. Верхняя сторонка обложки может быть выклеена на верхнюю крышку переплёта или приплетена к книжному блоку.

Так переплетены книги общественных библиотек Хабаровска — Николаевской публичной библиотеки («Свод морских постановлений», СПб., 1910 г.) и библиотеки-читальни при Народном доме А. С. Пушкина Общества содействия народному просвещению (журналы за 1913 г.).

Дешёвый ремесленный переплёт, вне классификации М. Б. Золотовой.

Образец № 2. Переплёт полутканевый без наугольников. Корешок гладкий из небелёной и неокрашенной или из тёмно-коричневой хлопчатобумажной ткани, без украшений. Крышки оклеены рельефной чёрной бумагой «под кожу». Углы крышек укреплены тёмной хлопчатобумажной тканью. Форзацы составные из оранжевой бумаги, слизуры из дешёвого чёрного коленкора. Обрезы синего крапления или простые.

Книги в таких переплётах — из фонда Хабаровской городской библиотеки-читальни имени Н. В. Гоголя.

Дешёвый ремесленный переплёт, вне классификации M. Б. Золотовой.

1-я картонажно-переплётная мастерская, Хабаровск.

Знак мастерской — штамп фиолетовыми чернилами в верхнем углу на внешнем листе форзаца.

Переплёт полутканевый с очень маленькими наугольниками. Корешок гладкий из небелёной и неокрашенной хлопчатобумажной ткани, без украшений. Крышки оклеены дешёвой мраморной бумагой (белые разводы с цветными вкраплениями на чёрном фоне) или обложкой самого издания. Наугольники из хлопчатобумажной ткани. Форзацы составные из тонкой белой бумаги, слизуры из дешёвого чёрного коленкора. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

В такие переплёты облачены журналы за 1913 год из библиотеки Хабаровского общественного собрания и сочинение В. Семёнова «Флот и морское ведомство до Цусимы и после» (СПб., М., [1911 г.]) из библиотеки Амурской контрольной палаты.

Дешёвый ремесленный переплёт, вне классификации M. Б. Золотовой.

Переплётная типографии Приморского областного правления, Владивосток.

Знак мастерской — печатная наклейка на внешнем листе форзаца, в верхнем углу.

Переплёт цельный из светло-коричневой кожи. Корешок бинтовой (4 бинта) с тиснёнными золотом линиями в верху и в низу корешка и вдоль бинтов. На корешке — две наклейки из тёмно-красной и тёмно-зелёной кожи с серебряным тиснением: одинарными линиями вдоль верхних и нижних краёв, названием книги (на красной наклейке) и суперэкслибрисом (на зелёной наклейке). Крышки с фасками, углы закруглены. По периметру обеих крышек — тройные линейные рамки блинтового тиснения. В центре верхней крышки серебром вытиснено название книги в тройной линейной рамке. Форзацы составные, двойные. Первый форзац и нахзац из узорной бумаги, второй — из белой. Слизуры из бежевого коленкора с рисунком. Обрезы красного крапления.

Переплёт владельческий, на дальневосточном издании 1913 года: «Инструкция крестьянским и должностным лицам и обществам Приморской области...». Личность владельца не установлена, суперэкслибрис «А. И. С.».

По классификации М. Б. Золотовой переплёт можно отнести ко II классу, улучшенным.

Переплётная, брошюровальная и линовальная мастерская типолитографии канцелярии приамурского генерал-губернатора, Хабаровск.

Знак мастерской — печатная наклейка на внешнем листе форзаца, в верхнем углу.

Переплёт полуколенкоровый с маленькими наугольниками. Корешок из коленкора с тиснением (может быть

разных цветов, тиснение в виде точек или «под шагрень»). Наугольники из светлого коленкора «под шагрень». Крышки оклеены дешёвой мраморной бумагой (белые разводы с цветными вкраплениями на чёрном фоне). Форзацы цельные из белой бумаги. Обрезы с краплением. Сохранены обе сторонки издательской обложки.

Так переплетены три экземпляра «Путеводителя по Японии», составленного А. Г. Лубенцовым (Хабаровск, 1897 г.). Владельческих знаков на книгах нет, возможно, это издательский переплёт, то есть выполненный по заказу типографии Штаба Приамурского военного округа, где печаталась книга.

По классификации М. Б. Золотовой это простой переплёт, III класса.

Неустановленные переплётчики.

Экземпляр № 1. Предположительно, одна из владивостокских переплётных мастерских.

Переплёт цельный из коленкора болотного цвета. Корешок без украшений. На обеих крышках по периметру одинарные линейные рамки блинтового тиснения. На верхней крышке чёрной краской вытиснены автор, название книги и узорная линия. Форзацы составные из узорной бумаги оранжевых тонов, слизуры из тёмно-красного атласа. Обрезы простые.

Книга подарена автором Н. И. Гродекову. Издание вышло в обложке, поэтому, вероятно, переплёт изготовлен специально для подносного экземпляра.

По классификации М. Б. Золотовой переплёт, скорее, можно отнести к III классу, простым, хотя у Золотовой цельно-коленкоровые переплёты значатся как II класс, улучшенные. Но общее впечатление от работы, качество использованных материалов, украшения не позволяют атрибутировать его как улучшенный.

Экземпляр № 2. Предположительно, одна из хабаровских переплётных мастерских.

Переплёт полукожаный с наугольниками. Корешок гладкий из чёрной кожи. На корешке золотое тиснение: узкие бордюры геометрического орнамента, автор (если есть), название, номер тома (если есть) и название библиотечного отдела, к которому относится книга. Наугольники из тёмной хлопчатобумажной ткани. Крышки оклеены рельефной чёрной бумагой с точечным тиснением. Украшений на крышках нет. Форзацы составные из белой бумаги, слизуры из тёмной хлопчатобумажной ткани. Обрезы одноцветного сетчатого мрамора.

Так переплетались книги из фонда Николаевской публичной библиотеки в Хабаровске, входившие в специальный отдел имени шталмейстера Н. Л. Гондатти.

По классификации М. Б. Золотовой это простой переплёт, III класса.

В целом, как видно из приведённых описаний дальневосточных переплётов, местные мастерские могли изготовлять как самые дешёвые, так и более качественные и дорогие разновидности. Самые недорогие ремесленные переплёты заказывали, судя по всему, публичные библиотеки и библиотеки различных обществ. Это были чаще всего полутканевые варианты из дешёвых, неприглядных материалов. Владельцы личных собраний предпочитали, по-видимому, облачать свои книги в более аккуратные, долговечные и приятные на вид переплёты. Но и они зачастую относились по своему исполнению и использованным материалам к низшему, III классу. Ни одного художественного переплёта дальневосточной работы нами не обнаружено. Скромность большинства местных переплётов конца XIX – начала XX века, скорее всего, объясняется высокими ценами в регионе. В. И. Анисимов писал, что если переплёт изготовляется в одном экземпляре (а это относится ко всем владельческим переплётам из личных библиотек), то следует «воздерживаться от излишних украшений». Обильное золотое и красочное тиснение, по опыту автора, значительно увеличивает цену на переплёт [2, с. 51].

Изучение некоторых личных собраний дальневосточников конца XIX — начала XX века показывает, что они предпочитали либо заказывать переплёты в столичных мастерских (Санкт-Петербурге и Москве), либо сохранять издательское оформление — переплёт или обложку. Так, например, в книжной коллекции Н. Л. Гондатти экземпляры, которые он привёз с собой из Санкт-Петербурга, — во владельческих переплётах, а те, что были куплены им во время пребывания на Дальнем Востоке, — преимущественно в издательских обложках. То же самое можно сказать и про собрание Н. И. Гродекова. В небиблиофильской части библиотеки Старцевых преобладают владельческие переплёты работы московских мастерских и переплёты издательские.

Именно дороговизной изготовления индивидуальных переплётов в местных условиях можно объяснить такое положение. Цены в регионе на все услуги и продукты были существенно выше (иногда в несколько раз), чем в европейской России. Это было справедливо и для переплётных работ. Для примера можно сравнить зарплаты переплётчиков в Приморской области и в Москве. Так, в 1903 году, по данным Ф. Л. Вильчинского, знающий русский переплётчик во Владивостоке и Хабаровске получал от 50 до 120 руб. в месяц, если находился «на жаловании», и от 1,5 до 2 руб. в день при подённой оплате труда. Плохой переплётчик зарабатывал от 60 коп. до 1 руб. в день [5, с. 17-18 (4-я паг.), 9а-10а]. В Москве в 1907 году средняя заработная плата переплётчика составляла 28 руб. 20 коп. в месяц [11, с. 55]. Правда, цифры даны за разные годы, но разницу в оплате труда они отражают достаточно наглядно. Если ещё учесть

высокие цены на оборудование и материалы, то получается, что дальневосточному книголюбу качественный переплёт местного производства обходился как минимум в три-четыре раза дороже, чем московский и петербургский, да и в Сибири цены были несколько ниже. Поэтому общественные библиотеки Дальнего Востока заказывали самые дешёвые переплёты для своих книг, а владельцы личных библиотек

по возможности переплетали издания в других регионах. Но даже при таком оттоке заказчиков владельцы мастерских на Дальнем Востоке жаловались на нехватку переплётчиков, особенно опытных. Из этого можно сделать вывод, что их услуги были достаточно востребованы. С другой стороны, переплётное дело как искусство развития в регионе, по-видимому, не нашло.

Список использованных источников

- 1. Адрес-календарь городов Владивостока, Никольска-Уссурийскаго, Хабаровска и Харбина и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Вып. 4: Летнее движение 1908 года / сост. И. С. Кларк. — Владивосток: тип. 3. Н. Золотаревский и К. А. Недзельский, 1908. — [264], 86, [28] с.
- 2. Анисимов, В.И.Книжный переплёт: крат. конспект по истории и технике переплёт. дела, с рис. на отд. листах / В.И. Анисимов. Петербург: Гос. изд-во, 1921. 94 с., [19] л. ил.
- 3. Анучин, Н. Как устроить свою домашнюю библиотеку: практ. рук. для устройства домаш. б-ки / сост. Н. Анучин. Санкт-Петербург; Москва: Т-во М. О. Вольф, 1913. 24 с.
- «Быть может, пригодятся и мои цифры...»: материалы сахалин. переписи А. П. Чехова, 1890 год / Упр. по делам архивов Сахалин. обл. [и др.; сост.: А. И. Костанов (отв.) и др.; редкол.: гл. ред. А. И. Костанов]. — Южно-Сахалинск: Рубеж, 2005. — 599 с.
- 5. Ведомость типографиям, литографиям и металлографиям, а также заведениям, производящим и продающим принадлежности тиснения в Приморской области на 1896 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 21, ч. 1. Д. 64. Л. 669–671 (об).
- 6. Вильчинский, Ф. Л. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области: статистическое исследование / сост. Ф. Л. Вильчинский; под ред. А. М. Колюбакина. Владивосток: Примор. обл. стат. комитет, 1904. 15, 19, 54, 48, 12a, XIV, 2, 146, 11, 6, 4 с.
- 7. Герцог, К. Иллюстрированный переплётчик: практ. руководство переплёт., футляр., портфел., картонаж., конверт. и линовал. мастерства, руч. и машин. способом / сост. К. Герцог, Ф. Пайлер и Р. Метц. Изд. 2-е. Москва: [тип. В. Гатцук], 1899. 328. VIII с.
- 8. Глухарев, Н. Устройство городских, сельских и домашних библиотек / очерк Н. Глухарева. Москва : Т-во типо-лит. Владимир Чичерин, 1901. 42 с.
- 9. Данилова-Нитусова, О. Л. Внешняя форма книги в букинистической оценке: конспект лекции.../О.Л. Данилова-Нитусова; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Моск. полигр. ин-т. Москва: МПИ, 1980. 18 с.
- Данилова-Нитусова, О. Л. Русский художественный переплет антикварных книг и его букинистическая классификация / О. Л. Данилова-Нитусова // Книжная торговля. Исследования и материалы. — 1978. — Вып. 5. — С. 197–207.
- 11. Золотова, М. Б. Декоративные сорта бумаги в индивидуальных русских переплётах конца XIX начала XX в. / М. Б. Золотова // Румянцевские чтения 2008 / Рос. гос. б-ка. Москва, 2008. С. 210–216.
- 12. Золотова, М. Б. Московский индивидуальный книжный переплёт конца XIX начала XX века: дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / М. Б. Золотова. Москва, 2006. 263 с.
- 13. Золотова, М.Б. Переплётные мастерские в Петербурге и Москве при обществах социальной поддержки в XIX начале XX вв. / М.Б. Золотова // Румянцевские чтения: материалы Междунар. конф., 5–7 апр. 2005 г. / Рос. гос. б-ка. Москва, 2005. С. 88–93.

- 14. Золотова, М. Б. Переплётные мастерские Москвы конца XIX начала XX вв. и их продукция в собрании Российской государственной библиотеки / М. Б. Золотова // Книга в пространстве культуры. 2008. № 1 (4). С. 72–98.
- 15. Золотова, М. Б. Переплёты мастерских Т. И. Гагена и А. П. Петцмана в собрании Российской государственной библиотеки / М. Б. Золотова // Книга в пространстве культуры. — 2006. — № 1 (2). — С. 66–70.
- 16. Золотова, М. Б. Переплёты мастерской А. В. Папковой в фонде РГБ / М. Б. Золотова // Вивлиофика / Рос. гос. 6-ка; отв. ред. и сост. А. Ю. Самарин. Москва, 2011. Сб. 2. С. 196–202.
- 17. Золотова, М. Б. Ремесленное переплётное производство в Москве в конце XIX начале XX вв. / М. Б. Золотова // Книга в пространстве культуры. 2005. № 1 (1). С. 66–72.
- 18. Золотова, М. Б. Русский индивидуальный художественный переплёт XIX начала XX вв. / М. Б. Золотова // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2005. № 4. С. 116–125.
- 19. Золотова, М. Б. Эволюция жанра полукожаного переплёта в XIX веке: от экономности к солидарности, от заурядности к эксклюзивности / М. Б. Золотова // Румянцевские чтения 2014: материалы Междунар. науч. конф., 15—16 апр. 2014 г., Москва: в 2-х ч. / Рос. гос. б-ка. Москва, 2014. Ч. 1. С. 259—264.
- 20. Ильина, О. Н. Изучение личных библиотек в России: материалы к указ. лит. на рус. яз. за 1934—2006 гг./О. Н. Ильина; инф.-культур. центр «Русская эмиграция», Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. Санкт-Петербург: Сударыня, 2008. 502 с.
- 21. Каталог коллекции «Редкая книга». Ботаника / Департамент культуры г. Москвы ; Гос. Дарвинов. музей ; [сост. В. В. Миронова и др.]. Москва : [б. и.], 2013. 244 с.
- 22. Клепиков, С. А. Из истории русского художественного переплёта / С. А. Клепиков // Книга. Исследования и материалы. 1959. Сб. 1. С. 98–166.
- 23. [Книга Д. Ф. Мертваго «Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем»] // Владивосток. 1885. № 18. С. 2.
- 24. Коррадо, Ш. Евгения Майер и Сахалинский дом трудолюбия / Шерил Коррадо // VIII Чеховские чтения: Проблемы современного освоения творческого наследия А.П. Чехова (к 110-летию выхода книги «Остров Сахалин»), 28 янв. 2005 г. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2005. С. 17–21.
- 25. Коррадо, Ш. О евангельских христианах на каторжном Сахалине / Шерил Коррадо // Вестник Сахалинского музея. 2005. № 12. С. 285–296.
- 26. Крестовский, В. В. Посьет, Суйфун и Ольга / В. Крестовский // Русский вестник. 1883. № 1. С. 90–137.
- 27. Леденёва, Ж. А. Индивидуально-владельческий переплёт XIX начала XX века: история и особенности изготовления (на материалах фонда отдела редких книг ЗНБ ВГУ) / Ж. А. Леденёва // Книга в современном мире: диалектика вербального и визуального: материалы Всерос. науч. конф.: Воронеж, 24—26 фев. 2016 г. Воронеж, 2017. С. 63—70.

- 28. Маркова, А. И. Книжные переплёты генерала А. П. Ермолова / А. И. Маркова. Москва: [Изд. дом Руденцовых], 2020. 236 с.
- 29. Минцлов, С. Р. Мысли о книгах / С. Р. Минцлов // Русская книга. Берлин, 1921. № 7–8. С. 3–6.
- 30. Наставление как переплетать книги, не отдавая их переплётчику. Санкт-Петербург: [тип. Штаба отд. корпуса внутр. стражи], 1856. 66 с.
- 31. [Объявление Благовещенского тюремного замка] // Приамурские ведомости. 1894. № 25 (19 июня). С. 16.
- 32. По поводу отсутствия в Владивостоке ремесленного цеха // Владивосток. 1890. № 7. С. 5–6.
- 33. Сеславинский, М. В. Аромат книжного переплета: отечеств. индивидуал. переплёт XIX—XX веков: альбом-кат. / [авт.-сост.] Михаил Сеславинский. Москва: АСТРЕЛЬ, 2008. 496 с.
- 34. Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1913. Санкт-Петербург: Д. Р. Юнг, [1913]. 24, [2], XXII, [2], 128, 128, 176, 448, 8, 449–570, 20, VI с., [12] л. ил., пл.
- 35. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. Томск: Ф. П. Романов, 1897. 256, XVI, 692, 128 с., [18] л. ил., карт.
- 36. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год. Томск: Ф. П. Романов, 1895. VI, 480 с., [14] л. ил., карт, [97] л. объявлений.
- 37. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. Санкт-Петербург: тип. Э. Ф. Мекс, [1911]. [2], 96, XXXVIII, 50, 352, 50, 104, 264, 384, [2], 72, 72 с., [36] л. портр., ил., карт, пл., [18] л. реклам. объявлений.
- 38. Сибирь: спутник и адресно-справочная торгово-промышленная книга Сибири и Манчжурии. Москва: И. Е. Чураев, 1910. 48, XVI, 100, 456, 384, [2] с., [1] л. табл.
- 39. Симонов, Л. Н. Переплётное мастерство и искусство украшения переплёта. Художественные стили, чистка, исправление и хранение книг / [соч.] д-ра Л. Н. Симонова, при содействии

- переплёт. мастерской Э. Ро. Санкт-Петербург: тип. Е. Евдокимова, 1897. [2], XIV, 464 с., XII л. ил.
- 40. Список премированных экспонентов Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставки 1899 г. // Приамурские ведомости. 1899. № 299, особое добавление. 20 с.
- 41. Спутник по Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Вып. 1: Летнее движение 1906 года / сост. И. С. Кларк. Владивосток: тип. Примор. обл. правления, 1906. [30], 62, [20], 94, [6], 110, [72] с.
- 42. С-ский. [Корреспонденция из Владивостока от 1 июля] / С-ский // Приамурские ведомости. 1898. № 237 (12 июля). С. 15–17.
- 43. Тараканова, О. Л Внешняя форма книги в букинистической оценке: учеб. пособие / О. Л. Тараканова. Москва: Моск. полигр. ин-т, 1984. 31 с.
- 44. Художественные переплёты и другие мозаичные работы, исполненные ручным способом в переплётной мастерской А. Шнель, Санкт-Петербург, Морская ул. № 28 / [вступ. ст. В. А. Верещагина]. Санкт-Петербург: тип. Т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1905. [10] с., 33 л. ил.
- 45. Шевченко, И. Б. Издательский и владельческий книжный переплёт XIX начала XX века: история и особенности изготовления (на примере изданий из фонда отдела редких и ценных книг НБ ОГУ) / И. Б. Шевченко // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф., 30 янв. 1 февр. 2013 г., Оренбург. Оренбург, 2013. С. 2574—2579.
- 46. Шрейдер, Д.И.Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае)/[соч.] Д.И.Шрейдера.— Санкт-Петербург: А.Ф.Девриен, [ценз. 1897].— XI, 468 с.
- 47. Hawes, C. H. In the Uttermost East / by Charles H. Hawes. New York: Charles Scribner's Sons, 1904. 478 p.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 05.03.2021.

Сведения об авторе: Радишаускайте Наталья Витаутовна, главный библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru.

ИМПЕРИЯ ЮАНЬ И НАРОДЫ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА (по данным письменных источников)

В статье рассматриваются сведения письменных источников периода Юань (1271—1368 гг.), касающиеся отношений империи с народами, населяющими бассейн нижнего течения реки Амур и остров Сахалин, проводится их анализ в свете концепции «монгольского завоевания Сахалина», выдвинутой японским исследователем Накамура Кадзуюки, и даётся полный перевод всех выявленных сообщений.

Ключевые слова: Амур, Сахалин, Юань, айны, нивхи, монголы, крепость, поход.

Keywords: Amur, Sakhalin, Yuan, Ainu, Nivkhs, Mongols, fortress, expedition.

торжение монголов Чингисхана (1155—1227 гг.) в Китай в начале XIII века привело к череде затяжных кровопролитных войн, радикально изменивших политическую карту Дальневосточного региона. В результате в 1271 году на территории современных Китая, Монголии и российского Дальнего Востока была провозглашена власть новой империи, получившей китайское название Юань. Во главе государства оказался один из потомков Чингисхана — император Хубилай (1210—1294 гг.).

Во время правления Хубилая объединённые под его властью земли подверглись длительной административной реформе, начавшейся в 1269 году, в рамках которой в 1271 году столица была перенесена в город Ханбалык (совр. Пекин), причём её перестройка продолжалась до 1292 года.

Реформирование управления и административной системы, перенос столицы и прочие мероприятия нового режима легли тяжким бременем на разорённую войной страну.

Кроме того, империя постоянно вела длительные войны на западном, южном и восточном направлениях — в 1260—1294 годах против конкурентов Хубилая — монгольских князей-чингизидов Ариг-Буги (1219—1266 гг.) и Хайду (1236—1301 гг.), опиравшихся на Чагатайский улус, в 1270—1273 годах против восставших в Корее ополченцев корпуса Самбёльчхо¹, в 1274 и 1281 годах — против Японии, в 1282—1289 годах — против Вьетнама, в 1293 году — против Явы.

Далеко не все эти войны закончились в пользу юаньского оружия. Так, в 1289 году после ряда тяжёлых поражений юаньских войск Хубилай был вынужден заключить мир с государством Дай Вьет² на условиях признания Дай Вьетом номинальной зависимости от монголов, походы 1274 и 1281 годов против Японии оказались неудачными: встретив ожесточённое сопротивление со стороны японцев, юаньские войска попали также в страшные тайфуны, уничтожившие значительную часть войск вторжения, что заставило Хубилая отказаться от новых походов в эту страну³.

Страна находилась в состоянии постоянного экономического напряжения: помимо сбора продовольствия, строительства кораблей и изготовления вооружения, для нужд войска требовалось восстановить ирригационные сооружения, города и дороги, пострадавшие во время завоевания монголами Китая, завершившегося только в 1279 году после поражения остатков сунских войск в морской битве при Яйшане.

На фоне этих исторических событий большой важности, поглощавших основные силы империи, выделяется концепция, выдвинутая в 2005 году в ходе международной конференции во Владивостоке профессором Национального института технологии города Хакодатэ Накамурой Кадзуюки. В своём докладе «Отношения Монгольской империи с народами нижнего течения р. Амур и острова Сахалин» он, основываясь на текстах юаньских исторических сочинений, сформулировал новую историческую концепцию о затяжном военном конфликте между монголами и народами Нижнего Амура и Сахалина. Вкратце его теория звучит следующим образом:

«Проф. Казиюки Накамура из Технологического колледжа г. Хакодате (Япония) в докладе "Отношения Монгольской империи с народами нижнего течения р. Амур и острова Сахалин" попытался пролить свет на причины конфликта между жившими в XIII в. на Сахалине племенами куи (айнами), с одной стороны, и племенами илюй (тоже отнесенными им к айнам) и юаньскими войсками — с другой. Известно, что с первыми монголы воевали с 1264 по 1308 г., а с другими торговали, получая от них охотничьих соколов и меха, которые высоко ценились. Он пришел к заключению, что куи очень нуждались в товарах, предлагаемых юаньской стороной, и вступили в конфликт с илюй, которые препятствовали их контактам с монголами. Юаньские войска поддержали илюй, что и вылилось в 40-летнюю войну, в ходе которой они возвели в 2 км к югу от южной оконечности о-ва Сахалин — мыса Крильон — крепость Сирануси, известную в источниках как Куофуо (курсив наш. — А. П.). Наиболее ценной пушниной, поступавшей в то время с Сахалина, японский коллега обоснованно считает шкурки горностая. в одежде из которых традиционно изображался правящий в эти годы великий хан Хубилай» [17, с. 172].

Данная концепция длительной войны с айнами и даже покорения Сахалина монголами, получившая известную поддержку со стороны ряда отечественных учёных (М. С. Высоков, А. А. Василевский, О. Ю. Дедяхин и др.) [13; 3; 8], входит в определённое противоречие с общим историческим контекстом событий в регионе во второй половине XIII века.

Основными известными на данный момент источниками по истории действий монголов на Нижнем Амуре и, пред-

¹ Корпуса Самбёльчхо — временное воинское формирование, созданное из неслужилых простолюдинов и аристократии, в период вторжения монголов в Корею. К 1270 г. Корея капитулировала перед монголами, и монголы потребовали распустить корпус Самбёльчхо, что вызвало его восстание.

² В настоящее время территория Северного Вьетнама и юго-западные районы провинции Гуанси КНР.

³ Окончательный отказ юаньцев от возобновления походов в Японию произошёл после 1285 г., хотя формально Управление карательного похода на Восток продолжало существовать до начала XIV в.: в его компетенции осталось исключительно поддержание порядка на землях к востоку от р. Ляохэ, включая Корею, Приморье, Приамурье и сопредельные территории.

положительно, Сахалине являются династийная история «Юань ши» («История династии Юань»), составленная в 1370 году учёным-конфуцианцем Сун Лянем (1310–1381 гг.), сподвижником основателя династии Мин (1368–1644 гг.) Чжу Юаньчжана (1328–1398 гг.), сочинения юаньских учёных-конфуцианцев Хуан Цзиня (1277–1357 гг.) «Цзиньхуа Хуан-сяньшэн вэньцзи» (Собрание сочинений господина Хуана из Цзиньхуа) и Су Тяньцзюэ (1294–1352 гг.) «Юань вэньлэй» (Лучшие образцы литературы династии Юань), а также текст стелы на могиле юаньского военачальника Чжан Чэна, впервые опубликованный в 1937 году китайским археологом Ло Фуи (1905–1981 гг.).

Информация этих немногочисленных источников охватывает период с 1263 по 1309 год, она скудна, неконкретна и порой противоречива. В текстах упоминается несколько разных племён, в большей или меньшей степени уверенно отождествляемых с народами, населяющими Нижний Амур и Сахалин: гувэй / вэйгутэ (одна из племенных групп айнов), цзилими / цилебинь / цзилэминь (предки нивхов или же представители тунгусо-маньчжурских народов, предки орочонов), шуй дада (сопоставимые с позднейшими «речными чжурчжэнями» XVI—XVII вв.), а также неидентифицированные дайинь, вочжо и илиюй, упоминаемые в текстах юаньских источников всего по одному-два раза без необходимого для их надёжной идентификации контекста.

Для того чтобы восстановить ход событий и попытаться воссоздать причинно-следственные связи, мы выстроили сообщения разных источников в хронологическом порядке⁴.

Первое упоминание о племенах цзилими (в данном случае этот этноним был записан нестандартным образом как цилебинь 乞烈賓) мы встречаем в свитке 98 «Юань ши», посвящённом военной организации империи монголов. Монгольскому военачальнику Или-Буха было приказано набрать всеми возможными, вплоть до насильственных и обманных, способами 3 000 человек охранных войск. Как правило, в эпохи Цзинь (1115-1234 гг.) и Юань (1271–1368 гг.) такие отряды набирали из китайцев и в бою бросали в самые опасные места, оплачивая кровью китайцев победы чжурчжэньского и монгольского оружия. Такие отряды называли цяньцзюнь (簽軍). В данном случае было предписано набрать такие отряды в землях чжурчжэней, шуй дада и цзилими — 3 000 воинов, набранных по приказу Или-Буха, следовало передать под командование известного по последующим записям юаньских источников

военачальника по имени Тасялай / Дасила / Тасяла⁵. Прочим монгольским чиновникам из семей, посланных в северные земли *даругачи*⁶, также было приказано собрать отряды *цяньцзюнь* и отдать их под начало Или-Буха⁷. Скорее всего, это было связано с включением в сферу влияния империи Юань земель *цзилими*.

В сообщении из свитка 5 «Юань ши», посвящённого правлению императора Хубилая, говорится, что 30 ноября 1264 года был совершён поход на племя *гувэй*, на которое жаловались недавно ставшие подданными империи цзилими.

Точно установленным местом жительства *цзилими* считаются окрестности посёлка Тыр в низовьях Амура⁸, а также территории «за малым морем Сэкэ/Сайгэ», которые можно отождествить с районами Сахалина, лежащими напротив устья Амура.

Монголы унаследовали многие черты политической практики своих предшественников — инородческих империй Ляо (917–1125 гг.) и Цзинь (1115–1234 гг.), а также китайской Сун (960–1279 гг.), в том числе и систему номинального вассалитета отдалённых народов⁹.

Обращает на себя внимание использованный в тексте хроники характерный для терминологии системы номинального вассалитета термин «нэйфу» (內附 — примкнуть к правящей династии, стать вассалом правящей династии), что говорит лишь о том, что местные племена выразили покорность правящей в Китае династии, но вовсе не о том, что для присоединения *цзилими* монголам потребовалось совершить какой-либо военный поход на

- 5 Многие имена, топонимы, гидронимы и этнонимы некитайского происхождения имеют ряд вариантов иероглифической записи, встречающихся в разных источниках. Для упрощения текста статьи мы выбрали записи гувэй и цзилими, однако в цитатах из источников сохраняется то написание, которое присутствует в источнике.
- 6 Даругачи чиновник монгол, назначаемый во главе администрации на местах для контроля за действиями чиновников немонголов.
- 7 Видимо, чтобы набрать 3 000 воинов, должен был постараться не только сам Или-Буха, но и другие монгольские чиновники на местах.
- 8 На основании надписей на Тырских стелах начала XV в.
- 9 Система номинального вассалитета (кит. цзими **馬**康), выражающаяся в создании на рубежах империи многочисленных племенных владений, пользующихся определённой поддержкой со стороны имперских властей, выражающейся в присвоении племенным лидерам имперских чинов и допуске их к торговле в отведённых для этого пограничных пунктах, но находящихся в постоянной междоусобной вражде, искусно подогреваемой пограничной администрацией ради пресечения самой возможности объединения этих племён против империи, прослеживается ещё со времён династии Хань (206 г. до н. э. 220 г. н. э.). Эта же система была воспринята и сменившей монгольскую династию Юань китайской династией Мин (1368–1644 гг.), и пришедшей на смену Мин маньчжурской династией Цин (1636–1912 гг.).

⁴ Предлагаемый нами собственный перевод источников приводится в приложении к настоящей статье с указанием источника, из которого взяты отрывки. При этом цитаты из источников даются не целиком, а разделяются на отдельные фразы, в соответствии с датировками, встречающимися в их тексте. Это сделано для облегчения воссоздания хронологической сетки событий.

Амур — как правило, местные племена присылали свои посольства к представителям имперской пограничной администрации с просьбой о «принятии их капитуляции», что означало на дипломатическом языке тех лет желание жить в мире и вести взаимовыгодную торговлю, подчиняясь номинальным требованиям пограничной имперской администрации о соблюдении положенных церемоний, демонстрирующих вассальную зависимость племени от империи¹⁰.

Поскольку в официальных сочинениях феодальной китайской историографии, как правило, указывается не дата самого события, а дата его обсуждения при дворе [9, с. 72], следует отметить, что 30 ноября 1264 года ко двору всего лишь поступил доклад некого юаньского военачальника, возглавлявшего поход на *гувэй*, о его окончании¹¹. Подробности похода неизвестны¹².

Следующее сообщение «Юань ши», датированное 22 марта 1265 года, представляется имеющим логическую взаимосвязь с предыдущим. В нём говорится, что, поскольку *гувэй* убили воинов из племени *цзилими*, следует выдать семьям потерпевших казённое продовольствие и оружие.

Скорее всего, в этот день при дворе рассматривались обстоятельства похода, завершившегося в октябре-ноябре 1264 года, жалобы от пострадавших на понесённый ущерб и т. п. Вряд ли *гувэй* совершили новый набег зимой сразу после того, как карательные войска вернулись на свои базы, а информация об этом поступила в Пекин.

Таким образом, первые три записи в «Юань ши» составляют единый смысловой блок и раскрывают некоторые обстоятельства событий 1263–1265 годов: в 1263 году монгольская администрация приняла «капитуляцию» племён *цзилими*, создала отряды охранных

10 Логично, что вассалитет в этом случае был скорее номинальным, чем реальным. Обе стороны преследовали собственные цели, и до тех пор, пока эти цели совпадали, на границах царили мир и порядок.

войск и для защиты новых вассалов совершила в 1264 году карательный поход на традиционных противников цзилими — племя гувэй¹³. В начале 1265 года император приказал оказать помощь пострадавшим от набегов гувэй цзилими, чтобы поддержать престиж имперской власти среди новых вассалов. Следует отметить, что данная помощь не была очень обременительной в материальном отношении — количество цзилими, пострадавших от нападения гувэй, не могло быть очень большим, и выдача нескольких десятков луков и комплектов доспехов, а также некоторого количества зерна не могла сильно ударить по казне империи.

Далее в «Юань ши» сведений о *цзилими* и *гувэй* не встречается до самого 1273 года. Однако в нашем распоряжении имеется такой источник, как «Юань вэньлэй», составленный весьма сведущим человеком, выполнявшим роль ответственного редактора ряда исторических сочинений при дворе юаньских императоров в первой половине XIV века, — Су Тяньцзюэ, несколько расширяющий временные рамки имеющейся у нас информации.

Согласно приводимым им данным, для усмирения непокорных племён использовались административные и военные возможности Управления карательного похода на Восток (Чжэндун чжаотаосы)¹⁴, располагавшегося в Ляояне. В 1272 году юаньские войска предприняли карательный поход на племена Нижнего Амура, но дошли только до Нилухань (окрестности современного посёлка Тыр в Ульчском районе Хабаровского края) — сильное волнение на море не позволило продолжить поход и переправиться через «малое море Сэкэ» (Амурский лиман?).

¹¹ Подобное расположение материалов в династийных историях приводит порой к весьма своеобразным последствиям. Так, в «Цин ши гао» («Черновая история династии Цин»), опубликованной в 1927 г., сведения о сухопутном сражении при Пхеньяне (16—17 сентября 1894 г.) и морском сражении при Дадунгоу (17 сентября 1894 г.) не только помещены под разными датами, но и под разными месяцами: 23 сентября 1894 г. (день сюйчэнь 8-го месяца 20 года Гуансюй) — сражение при Пхеньяне, и 7 октября 1894 г. (день жэньу 9-го месяца 20 года Гуансюй) — сражение при Дадунгоу, в соответствии с тем, когда доклады об этих сражениях обсуждали при дворе.

¹² Неизвестны место выступления в поход и место, до которого дошли войска, их численность, этнический состав, вооружение, имена командиров, а также ход военных действий. Возможно, имелись в виду упомянутые в свитке 98 «Юань ши» войска цяньцзюнь, поставленные под начало Тасяла.

¹³ Поход 1264 г. является единственным карательным походом Юаней на гувэй, подтверждаемый источниками от начала (набор воинов в охранные войска) до конца (оказание помощи пострадавшим от набегов гувэй семьям цзилими).

¹⁴ Чжаотаосы — Управление по усмирению мятежей и наказанию мятежников — учреждение в системе китайской имперской пограничной администрации, созданное впервые в период Тан (618-907 гг.). Ведало сношениями с приграничными племенами, совершая на них карательные походы, оказывая помощь союзным племенам, принимая посланников и беженцев и т. д. Управления чжаотаосы существовали до прихода к власти в 1644 г. в Пекине маньчжурской династии *Цин (1636–1912 гг.).* Чжаотаосы *возглавлял* чжаотаоши — «уполномоченный по усмирению мятежей и наказанию мятежников». Это было название должности китайского происхождения. Полное наименование должности чжаотаоши традиционно состояло из двух частей: «именной» (Чжэндун) и «функциональной» (чжаотаоши), т. е. букв. «Карающий Восток уполномоченный по усмирению мятежей и наказанию мятежников». В первую, «именную», часть титула входило указание на область, в которой действовал конкретный чиновник, во вторую — указание на функции, выполняемые им. В отношении интересующего нас Чжэндун чжаотаосы, к сожалению, в «Юань вэньлэй» ничего не сказано о том, где конкретно оно располагалось.

чтобы нанести удар по непокорным племенам *цзилими*, *гувэй и дайинь* ¹⁵.

Из других данных «Юань ши» известно, что сильное волнение на море в Татарском проливе начиналось в августе-сентябре. Соответственно, карательный поход совершался по Амуру на лодках и был вынужденно завершён ориентировочно в сентябре 1272 года, о чём Чжэндун чжаотаоши Тасяла сообщил в Ляоян в 1273 году.

Даты подачи рапорта и его рассмотрения в *Чжэндун чжаотаосы* нам неизвестны. Возможно, что следующая запись в «Юань ши», датированная 4 ноября 1273 года, об отказе Тасяла в разрешении выступить походом на *гувэй* является датой принятия решения в Пекине после рассмотрения поступившего туда доклада из Ляояна. В любом случае время реакции Пекина на неудачу похода 1272 года ярко демонстрирует тот факт, что события в отдалённой местности Нилухань (Нургань) не сильно заботят юаньского императора, тем более что одновременно происходила активная подготовка к походу в Японию.

Кроме того, юаньские войска с весны 1270-го по весну 1273 года участвовали в подавлении восстания корпуса Самбёльчхо в Корее, являвшейся основной базой для проведения похода в Японию. События на Амуре в этот момент явно не являлись приоритетными для Хубилая. Поход на Японию начался только осенью 1274 года, когда Корея немного оправилась от последствий подавления восстания корпуса Самбёльчхо¹⁶.

Примечательно, что в сообщении «Юань вэньлэй» за 1272 год содержится высказывание местного жителя, рекомендовавшего юаньским войскам совершить поход на Сахалин по льду Татарского пролива, — его рекомендация свидетельствует о том, что все попытки Юаней напасть на островитян происходили летом, когда море достаточно спокойно и в Амурском лимане возможна навигация.

Изолированным выглядит следующее сообщение из «Юань ши», датированное 1 марта 1275 годом: *сюаньфу*¹⁷

Кайюаньской дороги (開元路)¹⁸, подчинявшейся администрации отдельной провинции Ляоян, было предписано оказать помощь продовольствием вновь примкнувшим к империи Юань в качестве вассала племенам *цзилими*, страдающим от голода.

Причина, по которой новые племена *цзилими* изъявили желание примкнуть к империи Юань, очевидна — голод. *Цзилими* рассчитывали на помощь сюзерена и изъявили добровольное желание покориться.

Таким образом, и на этот раз потребности в серьёзном военном присутствии в низовьях Амура у юаньской администрации не возникло. Однако возникновение более или менее регулярных контактов с местным населением потребовало создания более развитой дорожной сети — в нашем распоряжении имеется недатированное сообщение с погребальной стелы Бильге Тэмура (別里哥帖穆爾, 1268—1317 гг.) приведённое Хуан Цзинем в «Цзиньхуа Хуан-сяньшэн вэньцзи», о том, что в земли цзилими и соседнего с ним племени вочжо стараниями юаньского сановника Шодэ были проложены дороги и созданы почтовые станции, которым люди обрадовались, так как ранее могли передвигаться только по рекам: зимой — на запряжённых собаками нартах, а летом — на лодках.

Создание почтовых станций (например перед Нурганьским управлением располагался район Саньи 三驛, то есть «З почтовых станции», а всего, по сведениям, приводимым отечественным исследователем В. Ц. Головачёвым, от провинции Ляодун до Нургани в начале периода Мин имелось 45 почтовых станций) [6, с. 149] говорит о том, что это были в первую очередь пути для передачи важных, в том числе военного характера, сообщений по собачьей эстафете²⁰.

В нашем распоряжении имеется уникальный для всего комплекса письменных источников о событиях на Нижнем Амуре рассказ из надписи на погребальной стеле юаньского сановника Бильге Тэмура, повторённый в сокращённом и упрощённом виде в свитке 119 «Юань ши», о том, как юаньская администрация вела дела в этом регионе. Узнав о том,

¹⁵ Указание на планировавшийся удар по племенам цзилими говорит о том, что племена цзилими составляли большую неоднородную группу, разные представители которой по-разному относились к власти империи Юань: одни племена признавали вассалитет от империи, другие совершали набеги на её вассалов.

¹⁶ При этом в свитке 208 «Юань ши», посвящённом Японии, прямо говорится, что «правительственные войска не были приведены в порядок», что, по мнению составителей хроники, обусловило лишь частичный успех экспедиции: «только ограбили их пограничные владения и вернулись». Пострадало и снабжение: в свитке 208 отмечается, что в ходе боёв «еще и стрелы подошли к концу». Таким образом, даже давно подготавливаемый и важный для Хубилая поход на Японию был организован не лучшим образом.

¹⁷ Начальник пограничной области.

¹⁸ Согласно современным китайским энциклопедиям, территория учреждённой в 1286 г. Кайюаньской дороги на юге достигала горного массива Чанбошань, на западе — реки Ляохэ, на востоке — Японского моря, на севере — горного хребта Хинган-Алинь. В 1275 г. Кайюаньской дороги ещё не было, вместо неё действовало Кайюаньское управление сюаньфу (Кайюань сюаньфусы). В настоящее время главный город Кайюаньской дороги, носящий название Кайюань, отождествляется с Краснояровским городищем, расположенным поблизости от села Утёсного Уссурийского городского округа Приморского края.

¹⁹ Бильге Тэмур — двоюродный племянник со стороны отца (從姪) известного сановника династии Юань Токто (脱脱, 1264—1307 гг.), сподвижника императора Хубилая, участника подавления мятежей Найяня и Хадана, потомок юаньского сановника Шодэ (碩德), предпринявшего поездку на Амур по приказу императора Хубилая. 20 После разгрома монголами чжурчжэньского государства Восточное Ся в землях восточнее Уссури лошадей не было вплоть до XIX в.

что племена вочжо и цзилими периодически устраивают набеги на другие подвластные Юаньской империи племена, Хубилай собрал совет для обсуждения этого вопроса²¹. Во время совета все его участники высказались за то, что следует послать на Амур высокопоставленного родовитого сановника, который привёз бы цзилими и вочжо императорский указ и тем самым прекратил бы смуту. Выбор пал на потомка сподвижника Чингисхана Мухули (1170–1223 гг.) — Шодэ.

Родовитый энергичный царедворец прибыл на место (возможно, в сопровождении относительно многочисленной — несколько десятков или даже пара сотен человек — охраны), собрал там всех представителей племён *цзилими* и *вочжо*, имевших от юаньской администрации монгольские титулы темников, и, расставив в нужных местах воинов (возможно, как из своей охраны, так и из отрядов лояльных Юаням темников), захватил всех вождей, принимавших участие в разбоях.

Допросив их с пристрастием, Шодэ тут же публично казнил зачинщиков. Их люди, устрашённые решительной расправой, бросили оружие и повинились перед посланцем императора. Шодэ квалифицировал их в своём донесении двору как зависимых от своих вождей, ставших участниками разбоев поневоле и простил. Несомненно, такая, почти бескровная, операция не только усилила влияние империи в регионе, но и увеличила силы лояльных Юаням темников. Все участники этой операции были награждены по приказу Хубилая.

Этот рассказ, хотя и не имеет даты²², ярко демонстрирует, какими силами располагала юаньская администрация на Нижнем Амуре, — фактически это были только лишь отряды лояльных Юаням вождей, которые, получив от монголов титулы и знаки отличия, номинально входили в эфемерное Нурганьское управление, существовавшее только на бумаге²³.

Серьёзно говорить о начале подготовки Юанями широкомасштабного (естественно, по местным меркам) вторжения на Нижний Амур можно только с 1283 года, уже после провала второй экспедиции в Японию — в этом году, 29 июля, было объявлено решение отменить набор рекрутов в войска для карательного похода на *гувэй*. Данное сообщение говорит о том, что постоянных войск на Амуре у Юаней не было и для запланированного похода надо было специально вербовать новых воинов или же перебрасывать войска откуда-то издалека.

16 сентября 1284 года в Пекине было рассмотрено донесение военачальника Чжэндун чжаотаосы Негудая о том, что запланированный на этот год поход срывается в связи с опозданием к месту выступления войск известных юаньских военачальников Алихайя, Доладая и Юйдяня. Негудай выражал своё беспокойство задержкой и просил об отсрочке экспедиции, мотивируя это сложными навигационными условиям осени. Двор прислушался к мнению Негудая, и поход был отложен. Начиная с этого сообщения, мы имеем достаточно подробную информацию, описывающую перипетии подготовки похода против гувэй на протяжении целого ряда лет. Следует подчеркнуть, что все они, несмотря на особенности их записи в разных источниках, говорят об одном и том же процессе, длившемся несколько лет.

Нам неизвестны причины, заставившие юаньское правительство начать подготовку этого похода именно в 1283 году. Известно только то, что первоначально для участия в нём вызывались крупные юаньские полководцы Алихайя и Доладай, удостоенные отдельных жизнеописаний в тексте «Юань ши». Однако в их биографиях нет никаких указаний на то, что оба полководца приняли участие в походе на Амур. Скорее всего, это случилось потому, что они со своими войсками так и не добрались до места сбора войск. Биография полководца Юйдяня нам неизвестна.

Уже 25 ноября 1284 года *Чжэндун чжаотаосы* подтвердило приказ войскам о необходимости выступить в поход на *гувэй*. Новым *Чжэндун чжаотаоши* после 16 сентября 1284 года был назначен известный юаньский полководец тангутского происхождения Лай Абачи.

Были произведены некоторые перестановки в командовании, подобран новый руководящий состав планируемой экспедиции. Так, 5 марта 1285 года монгольский военачальник Янъулудай был назначен «Карающим *гувэй чжаотаош*и». В качестве знака его полномочий Янъулудаю вручили тигровую верительную бирку для ношения на поясе, украшенную двумя жемчужинами.

Однако вскоре уже успевший получить в начале 1285 года звания *Чжэндун сюаньвэйши* и *дуюаньшуай* Лай Абачи был переброшен на юг Китая, где планировалось крупно-

²¹ Несмотря на то, что текст биографии Шодэ из «Юань ши» базируется на тексте с погребальной стелы Бильге Тэмура, в трактовках обоих текстов имеются некоторые расхождения.

²² Упоминание в биографии Шодэ о том, что после этого деяния он участвовал в подавлении мятежа Найяня, позволяет дать лишь общее указание на то, что это событие имело место между 1264 и 1287 гг.

²³ В период Мин (1368–1644 гг.) Нурганьское управление было восстановлено в 1404 г. как Нурганьский вэй (военный гарнизон численностью 5 600 воинов), а в 1409 г. как Нурганьское управление (Нургань дусы) [См. 16, с. 254–256]. Состав руководства воссозданного Минами Нурганьского управления можно выяснить по данным «Ляодун чжи» («Краткое описание земель к востоку от [реки] Ляо»): «...весной 9-го года Юнлэ (1411 г.) Ишиха был вновь послан с войсками на больших лодках. Когда он прибыл в их страну, он вознаградил тех, кто явился подчиниться, и создал [Нурганьское] управление во главе с тремя высшими командующими: Кан-ваном, Дун-талаха, Ван-чжаочжоу для управления местным населением...» В «Хуан Мин сыи као» («Исследование варваров четырех сторон света при августейшей династии Мин») эта информация уточняется: «Он [Ишиха] собрал местных вождей и с помощью назначений и наград склонил их к подчинению. В связи с этим четыре вождя: Дун Ван (Дуннинский Кан-ван), Дун-талаха, Ван-чжаочжоу и Сошэнгэ подчинились вместе со своими людьми, было создано управление, четверо вождей стали высшими командирами и им были выданы бунчуки и печати» [См. 16, с. 269].

масштабное вторжение во Вьетнам²⁴. На его место 4 ноября 1285 года был назначен Янъулудай, получивший звания *Чжэндун сюаньвэйши и дуюаньшуай*. В качестве знака власти он получил новую тигровую верительную бирку для ношения на поясе, украшенную тремя жемчужинами. К участию в походе были привлечены также полководцы Татардай, назначенный *Чжэндун чжаотаоши*, и военачальники более низких рангов, среди которых нам известны по именам тысячник Юэ-гун (личное имя Юэ Сю) и сотник высшего ранга Чжан Чэн. Все эти сведения изложены в «Юань ши» и надписи на погребальной стеле Чжан Чэна.

Примечательно, что назначения нижестоящих военачальников — Юэ Сю и Чжан Чэна — происходили между 27 декабря 1285 года и 25 января 1286 года, что свидетельствует о том, что *Чжэндун чжаотаосы* не имело готовых к выступлению войск и их следовало срочно сформировать.

Также весьма любопытной деталью, отмеченной в надписи на погребальной стеле Чжан Чэна, является указание на то, что войскам, находящимся под его командованием, следовало выступить с семьями и имуществом, а прибыв на место, создать военно-земледельческое поселение. Местом назначения указывались земли шуй дада, предположительно, тунгусоязычных племён, проживавших вдоль крупных рек — Сунгари и Уссури, а не земли цзилими.

При этом следует обратить внимание и на тот факт, что вплоть до XIX века в низовьях Амура не существовало земледельческих поселений, поскольку довольно примитивная агротехника и отсутствие акклиматизированных сельскохозяйственных культур не позволяли развивать в этом регионе пашенное земледелие. Зоны рискованного, но достаточно развитого земледелия находились гораздо выше по Амуру — как минимум выше устья Уссури. Таким образом, хотя в тексте стелы Чжан Чэна и говорится о том, что вверенные ему войска прибыли «в крайние северо-восточные пределы Хэйлунцзяна (то есть Амура. — А. П.), где выстроили лагерь», нет оснований считать, что этот лагерь был построен на Амуре ниже устья Уссури, что вполне согласуется с указанием надписи на стеле Чжан Чэна, что войска были направлены не в земли *цзилими*, а в земли *шуй дада*.

Любопытно и то, что в «Юань ши» указывается, что Янъулудай и Татардай должны были выступить в поход, имея не 10 000 воинов, а 10 000 человек, — это сообщение от 4 ноября 1285 года перекликается по смыслу с надписью на стеле Чжан Чэна о том, что воины должны были выступить в поход со своими семьями. Таким образом, 10 тысяч — это может быть общее количество людей, которым следовало выступить в поход, включая и воинов, и их семьи и слуг.

Отряд Юэ Сю, в который входили и люди Чжан Чэна, прибыл к месту назначения в апреле 1286 года. Таким образом, их путь потребовал около трёх месяцев. К сожалению, нам неизвестен пункт отправления и маршрут отряда Юэ Сю.

Далее в источниках возникают расхождения. Так, согласно надписи на стеле Чжан Чэна, уже в июне 1286 года войскам Юэ Сю пришлось покинуть лагерь и двинуться к Ляояну, поскольку в Ляодуне вспыхнул мятеж против центральной власти, поддержанной монгольскими нойонами, сторонниками знатного чингизида Найяня.

Однако из династийных историй «Юань ши» и «Корё са» («История государства Корё») нам известно, что мятеж Найяня начался только в конце весны 1287 года. Возможно, в надпись на стеле вкралась ошибка. Однако в обоих случаях пребывание войск Юэ Сю в землях шуй дада «у крайних северо-восточных рубежей Хэйлунцзяна» продлилось недолго. Если в надписи на стеле всё верно с датой начала мятежа Найяня или же его сторонников, лагерь Юэ Сю существовал около двух с половиной месяцев, если же верна датировка начала мятежа Найяня из «Юань ши» и «Корё са» — то около одного года. За это время создать развитое поселение с обработанными полями, дающими стабильный урожай, было просто невозможно — воинам пришлось бы большую часть времени потратить на первичное обустройство быта и расчистку полей в тайге под пашню.

Эти обстоятельства, а также имена военачальников — Юэ Сю и Чжан Чэн — свидетельствуют о том, что их войска, по всей видимости, состояли из китайцев, а также, возможно, корейцев и чжурчжэней, умевших обрабатывать землю.

Эти же обстоятельства заставляют нас обратить внимание на вопрос снабжения войск в походе на Амур. Из донесения Негудая известно, что снабжение велось водными путями. В период Юань ежемесячная выдача воину составляла 3 доу (около 30 л) зерна, а в 1272 году монголы попробовали увеличить её даже до 4 доу (около 40 л) [2, с. 100]. Соответственно, на 10 тысяч человек в месяц было минимально необходимо 300 000 л зерна, а на год — 3 600 000 л зерна (без учёта запаса на экстренные случаи)²⁵.

²⁴ Поскольку Лай Абачи крайне недолго пробыл у должности, мы можем предположить, что он не успел осуществить серьёзных приготовлений к походу, что подтверждается дальнейшим ходом событий.

²⁵ Годовой запас зерна на 10 000 человек составляет в старинных китайских мерах объёма 36 000 дань зерна. Это количество зерна дано не только без необходимого для войск запаса на экстренный случай, но и без учёта расходов на его перевозку. Так, в 1658 г. корейский военачальник Син Ню, участвовавший в походе на Амур, указывал, что стоимость транспортировки 1 сок (180 л) зерна из северо-восточных областей Кореи до Нингуты обходился корейской администрации в 30-40 сок, которые требовалось выдать возчикам и владельцам рабочего скота в качестве платы и ежедневного рациона. Корейский сок равен одному из вариантов старого китайского дань (обычно считается, что китайский дань равен 103 л). Таким образом, для расчёта стоимости транспортировки зерна можно, с определёнными оговорками, пользоваться приводимыми Син Ню сведениями, что резко увеличивает количество необходимого зерна и требует создания ряда промежуточных складских баз на пути продвижения войск.

Это требовало создания большой флотилии лодок, которые могли бы перевезти такое большое количество зерна, а также семенное зерно, инструмент, сельскохозяйственные орудия, снаряжение, ткани и вооружение, не говоря уже о личном составе. Такие большие затраты сил и средств были несообразны предполагаемым выгодам, которые можно было получить при покорении нижнеамурских племён, что, по всей видимости, служило объективным фактором, тормозившим развитие «сахалинского проекта» на всём протяжении его существования.

В июне 1286 года, если следовать надписи на стеле Чжан Чэна, войска Юэ Сю покинули лагерь и с боями начали прорываться в Ляоян. Маршрут Юэ Сю не может быть надёжно восстановлен, однако в качестве ориентиров имеются указания таких областей, как Гучжоу²⁶, до которой дошли 24 июля 1286 года, и земель управления *Ссансон чхонгванбу* на территории Северо-Восточной Кореи. Отряд Юэ Сю прорвался в *Ссансон чхонгванбу*, а оттуда через округ Сяньпинфу²⁷ добрался 22 октября 1286 года до Ляояна, подавляя по пути выступления сторонников Найяня.

Больше этот отряд в земли *шуй дада* не возвращался. Относительно же приказа, отданного Янъулудаю покарать *гувэй*, в «Юань ши» под 3 ноября 1286 года вновь содержится упоминание об отправке 10 000 воинов (на этот раз именно воинов) на 1 000 кораблей²⁸ под командованием Янъулудая и Татардая, чтобы покарать *гувэй*²⁹.

Исходя из этой информации, мы можем сделать вывод, что, в связи с вынужденным отступлением отряда Юэ Сю,

Амур замерзает, и ледовый покров в его нижнем течении держится, как правило, до последней декады мая. Таким образом, приказ от 3 ноября 1286 года выступить с 1 000 кораблями, на которых было бы 10 000 воинов, относился уже к будущему году — реально войти в Амурский лиман на кораблях можно было только в июне 1287 года, когда устье Амура освобождается ото льда. До этого всякое выступление в поход было просто бессмысленно.

летом 1286 года поход на гувэй не состоялся. В ноябре

Однако из «Юань ши» и «Корё са» известно, что как раз в начале лета 1287 года начался мятеж Найяня, на усмирение которого отправился лично император Хубилай. В связи с этими обстоятельствами следует предположить, что поход на *гувэй* был или опять отложен на год, или же отменён вообще. После этого мы имеем провал в данных источников в целых 10 лет.

Учитывая, что сведения «Юань ши» о походах на *гувэй*, а также само упоминание *гувэй* и *цзилими* в «Юань ши» полностью исчерпываются записями за время правления Хубилая, следует констатировать, что, скорее всего, поход в 1288 году так и не состоялся и юаньская администрация продолжала вести дела в низовьях Амура по старинке, посылая туда время от времени своих эмиссаров, пользовавшихся авторитетом среди местного населения и выступавших, скорее, не в роли завоевателей и диктаторов, а в роли высших арбитров при решении споров между местными племенами.

В целом влияние Юаней на жизнь местных племён было крайне мало, пожалуй, оно ограничивалось только даннической торговлей, а также участием юаньских эмиссаров в решении местных споров. Обращает на себя внимание упоминание в надписи на погребальной стеле Бильге Тэмура, что вочжо и цзилими не знают правил приличия. Это означало, что местные племена не знали принятого в империи Юань этикета и не соблюдали юаньских установлений.

Кроме того, для ловли приморских соколов породы хайдунцин (海東青)³⁰, высоко ценившихся китайской, чжурчжэньской и монгольской аристократией, в эти земли посылались специальные промысловики-сокольничие, однако их этническая принадлежность не выяснена. Это могли быть как представители местных лояльных племён, так и прибывшие из имперского Ляодуна профессиональные ловчие.

Употребляемый в «Юань вэньлэй» термин «правительственные войска» (*гуаньцзюнь* 官軍) применительно к столкновениям на Амуре в конце XIII века не может быть удовлетворительно истолкован однозначно. Это могли быть как присылаемые из *Чжэндун чжаотаосы* отряды собственно

²⁶ Кит. 古州 (букв. «старая область»), местность не идентифицирована.

²⁷ Сяньпинфу (咸平府) — историческая административная единица, включавшая в себя земли современных Телина, Чанту и Кайюаня в провинции Ляонин.

²⁸ Известно, какими кораблями пользовались в конце XVII в. маньчжуры для переброски на Амур продовольствия для войск, идущих в поход против Албазинского острога. Это были лодки длиной 3 чжан (ок. 10 м) и шириной 1 чжан (ок. 3 м), грузоподъёмностью 100 дань зерна. Экипаж такой лодки составлял 6 человек [См. 18, с. 662–663]. Не исключено, что подобные лодки, выбор которых зависел от гидрологического режима местных рек, использовались и войсками Янъулудая. Таким образом, для перевозки минимальных продовольственных запасов было необходимо не менее 360 лодок такого типа. На них должно было быть 2 160 человек команды. На оставшихся 640 лодках должно было быть 3 840 человек команды. Остальные 4 000 человек — это пассажиры (собственно воины и члены их семей).

²⁹ Следует отметить, что для первого похода в Японию (1274 г.) империя Юань выставила 25 тыс. монгольских, китайских и чжурчжэньских воинов, а корейцы выставили 8 тыс. воинов и 6,7 тыс. матросов. Для второго похода (1281 г.) империя Юань выставила около 100 тыс. монгольских, китайских и чжурчжэньских воинов и матросов, а корейцы — 10 тыс. воинов и 15 тыс. матросов. Сравнительно с этими силами выставление войска в 10 тыс. воинов против разрозненных племён Сахалина и Нижнего Амура кажется нецелесообразным.

³⁰ В современных словарях этот вид хищной птицы определяется как кречет (Falco rusticolus).

юаньских войск, набранных из монголов, чжурчжэней и китайцев, так и местные ополчения, собиравшиеся лояльными Юаням темниками и тысячниками — ведь они считались военными чиновниками империи Юань и их вооружённые силы, по логике вещей, могли также называться «правительственными войсками»³¹.

В надписи на стеле Бильге Тэмура есть ещё одно заслуживающее внимания упоминание: «...и охраняющие их управляют неподобающим образом/нарушая закон, что приводит к разбою/нарушению границ», то есть власть на местах была доверена людям, которые не знали, как управлять в соответствии с юаньским законодательством. Иными словами, фактически власть была доверена местным вождям, пользовавшимся обычным правом и племенными традициями при управлении, что вело к постоянным «разбоям/нарушению границ», то есть к взаимным набегам и междоусобицам.

При этом крайне важно отметить, что в речи Шодэ, обращённой к туземцам, говорится конкретно: юаньский император не собирался «перевоспитывать» местные племена, он лишь собирался воздействовать на них дипломатическим путём — Шодэ угрожал от имени императора местному населению большим военным походом и поголовным истреблением в случае неповиновения, но не имел при себе войска. Особенно важно, что Шодэ называл в своей речи собранных им аборигенов словом «юаньжэнь» (遠人), то есть «люди далёкой земли/иностранцы/чужаки», и об этом нам говорит текст стелы, созданной по высочайшему повелению в 1341 году ещё при правлении монгольской династии.

Скорее всего, в описываемое в надписи на погребальной стеле Бильге Тэмура время влияние Юаней на племена цзилими, убедившиеся, что большая военная экспедиция в их земли так и не состоится, ослабло. Об этом свидетельствуют данные «Юань вэньлэй», согласно которым в 1297 году приходили «покориться» те представители племенной знати цзилими, которые уже имели звания сотников, а некоторые из сотников даже бежали в земли, населённые гувэй, и вместе с ними совершали набеги на земли лояльных юаньской администрации цзилими.

В 1297 году произошло несколько набегов *гувэй* на материковых *цзилими*. В них принимали участие некоторые сотники *цзилими*, бежавшие к *гувэй*. В двух случаях говорится, что «правительственные войска» разбили нападавших.

Обращает на себя внимание факт, что, когда до лояльных Юаням темников дошли слухи о том, что *гувэй* и мятежные сотники *цзилими* собираются устроить нападение на ловчих, добывавших соколов для имперской аристократии, они послали в Ляоян гонца с просьбой разрешить совершить карательный поход на *гувэй*, то есть местные вожди не располагали нужными силами и просили Ляоян разрешить собрать войско и, возможно, затребовать подкрепления для похода на *гувэй*.

Дальнейшие события в освещении «Юань вэньлэй» говорят, что отправка юаньских войск даже в этом случае, когда возникла угроза срыва поставки соколов хайдунцин к императорскому двору, была непростым делом: вместо войск в 1298 году на Амур прислали императорский эдикт, целью которого было внести раскол в стан противника, вновь переманив бывших юаньских сотников на сторону империи. Однако влиятельный местный вождь, темник Баясы, рассмотрев дело, высказал мнение, что, поскольку мятежные сотники уже принимали участие в набегах, попытка заманить их обратно не имеет смысла. К его совету прислушались, и на этом всё закончилось — войска из Ляояна не прибыли, и, по всей видимости, дело каким-то неизвестным нам образом разрешилось само собой.

Далее в источниках вновь возникает провал в восемь лет. Лишь в 1305 году говорится о нападении *гувэй* на *цзилими* и о том, что «правительственные войска» не догнали разбойников, уходящих с добычей.

Последнее известное нам сообщение о *гувэй* и *цзилими* содержится в «Юань вэньлэй» под 1308 годом, когда некоторые вожди *гувэй*, известные по своим набегам в 1297 году, собрались «перейти на сторону» Юань и даже принесли клятву. Говоря иными словами, это означало, что они решили, что регулярная торговля с Китаем через лояльные Юаням племена *цзилими* более выгодна для них, чем непостоянное военное счастье.

Примечательно, что для этого *гувэй* прислали своего представителя в Нургань, а в Ляояне узнали об этом через гонца от сотника из племени *цзилими*, что свидетельствует о том, что постоянных представителей юаньской администрации в Нургани не было, их роль выполняли наиболее влиятельные и сильные из представителей местной племенной знати, лояльной Юаням. После этого упоминания о народах *гувэй*, *цзилими*, *вочжо*, *илиюй* и *дайинь* исчезают со страниц известных нам на данный момент юаньских источников по данной теме.

Произведённый анализ доступных сведений письменных источников даёт понять, что цели юаньской администрации на Амуре были не вполне ясны — чёткой политики в отношении местных племён не существовало. Следуя традициям своих предшественников на

³¹ К аналогичному выводу пришёл В. Ц. Головачёв, правда, в отношении системы вэев и тысяч начала периода Мин (1368–1644 гг.): «Внешняя зона состояла из туземных вэев и постов, которые представляли собой не столько военные единицы, сколько наследственные владения местных правящих кланов. Войска этих вэев редко участвовали в военных кампаниях, но формально подчинялись высшему армейскому руководству империи и были неким придатком военной системы Мин» [См. 6, с. 140].

китайском престоле, юаньские императоры продолжали политику *цзими*, в результате которой на границах империи возникали очаги постоянной контролируемой нестабильности: разъединённые племена варварской периферии, умело науськиваемые имперской пограничной администрацией друг на друга, не представляли собой опасности для владений империи. Действия Юаней определялись в первую очередь соображениями выгоды и целесообразности в данный конкретный момент. Общим основанием в действиях администрации было недопущение ослабления авторитета имперской власти и сокращение расходов на управление этим регионом при постоянном поддержании товарообмена с туземными племенами³².

В связи с этим следует отметить, что устойчивого военного присутствия на Нижнем Амуре, а тем более на Сахалине, юаньская администрация так и не создала, предпочитая беспроигрышно применять китайскую стратагему и и чжи и (以夷治夷), то есть управлять варварами при помощи варваров.

Попытка совершить крупный военный поход на Сахалин в 1283—1287 годах сорвалась сначала по причине объективных обстоятельств, а затем стало ясно, что поход не имеет долгосрочной экономической перспективы, и от него в конечном итоге отказались — империя вела затяжную войну во Вьетнаме (1282—1289 гг.), сопровождавшуюся непрекращающейся с 1260-х годов междоусобицей между Хубилаем и Хайду. Эти гораздо более важные для государства события не давали империи Юань разбрасываться на решение мелких, но дорогостоящих задач, не имевших практического значения.

Таким образом, предположения Накамуры Кадзуюки и поддерживающих его взгляды исследователей о длительной войне между Юанями и племенами Нижнего Амура и Сахалина, завершившейся в результате крупномасштабного похода Юаней краткосрочным покорением Сахалина и созданием на его территории опорных пунктов юаньской администрации, занятых юаньскими имперскими войсками, представляются недостаточно обоснованными. Безусловно, пограничные столкновения имели место, но, судя по проанализированным письменным источникам периода Юань, ни по своему масштабу, ни по последствиям они не достигали результатов, предполагаемых Накамурой Кадзуюки. И,

как очевидно из текста источников, также не имеется ни одного свидетельства о переносе широкомасштабных военных действий на территорию Сахалина, и о строительстве на острове опорных пунктов.

В связи с вышеизложенным перед исследователями возникает новая научная проблема: какие причины вызвали отмеченное в «Юань ши» решение Хубилая провести столь крупномасштабный поход в низовья Амура и на Сахалин в 1283–1287 годах?

Высказываемое некоторыми отечественными учёными мнение о том, что это было своеобразной местью Японии за поражения 1274 и 1281 годов, а также попыткой Юаней создать морскую базу для атаки Японии с севера [6, с. 141] и «перехватить северную торговлю Японии» [13, с. 247], не кажутся убедительными — в XIII веке даже остров Хоккайдо не входил в состав собственно японских земель, а объёмы торговли японцев с «северными варварами» эмиси и эдзо (различные группы айнов) были слишком незначительными по имперским меркам, чтобы пускаться в авантюрные предприятия ради эфемерной выгоды.

Более того, затратив на привлечение племенной верхушки туземных племён всего 1/10 зерна, требующегося для снабжения 10-тысячного войска в походе, Юани могли добиться гораздо большего, чем просто карательными действиями. Увидев реальную выгоду от торговли с империей, местные вожди сами удерживали бы своих единоплеменников от рискованных набегов и предпринимали бы все усилия для того, чтобы максимально расширить масштабы торговли.

К сожалению, в рассмотренных нами источниках мы не смогли обнаружить данных, проливающих свет на столь неординарное решение Хубилая. Надеемся, что в будущем соответствующие источники будут выявлены и новая информация по данному вопросу — введена в научный оборот и позволит решить эту проблему.

Приложение.

Сведения юаньских источников по теме, изложенные в хронологическом порядке

• «Юань ши»

Свиток 98, 1263 год

11-й месяц 4-го года [эры правления под девизом] Чжэнтун [государя] Шицзу (3.12.1263 – 31.12.1263). В землях нюйчжэнь, шуй дада и цилебинь следует принудительно собрать охранные войска. Приказали Или-Бухуа собрать 3 000 человек и поручили Тасяла возглавить [их]. Также сыновьям даругачи и остальным высокопоставленным членам [их] семей тоже приказали собрать войска и повиноваться приказам Или-Бухуа.

³² Ряд местных экзотических товаров (речной жемчуг, редкие виды пушнины, лекарственные травы и другие снадобья, ловчие соколы хайдунцин, перья орлана и т. д.) был востребован при императорском дворе. Целью ведения даннической торговли было бесперебойное получение этих товаров, которые нельзя было приобрести другими способами в иных местах.

Свиток 5, 1264 год

[День под циклическими знаками] *синьсы* [11-го месяца начального года Чжиюань] (30.11.1264), покарали *гувэй*. До этого *цзилими* покорились и сообщили, что к востоку от их владения есть два племени — *гувэй* и *илиюй*. Ежегодно приходят, чтобы грабить на границах, поэтому ходили [на них] карательным походом.

Свиток 6, 1265 год

[День под циклическими знаками] *гуйю* [3-го месяца 2 года Чжиюань] (22.03.1265), люди владения *гувэй* совершили набег и убили воинов племени *цзилими*. Указали, чтобы выдали [потерпевшим] казенный хлеб, а также луки и латы.

• «Юань вэньлэй»

Свиток 41, 1272 год

В прошлом (1272) году [правительственные войска] выступили в карательный поход и дошли до земель Нилухань.

Свиток 41, 1273 год

В 10-м году [эры правления под девизом] Чжиюань (1273) Чжэндун чжаотаоши Дасила³³ доложил наверх, что ранее, по причине сильного ветра и волн на море было тяжело осуществить переправу и совершить карательный поход на земли дайинь, цзилэминь, вэйгутэ и т. д.

• «Юань ши»

Свиток 8, 1273 год

[День под циклическими знаками] жэньянь [9-го месяца 10 года Чжиюань] (4.11.1273) <...> Чжэндун чжаотаоши Тасяла просил разрешения покарать племя гувэй, [но ему] не разрешили.

Свиток 8, 1275 год

В [день под циклическими знаками] *цзячэнь* [2-го месяца 12 года Чжиюань] (1.03.1275) <...> Приказали управлению *сюаньфу Кайюаня* оказать помощь голодающим людям из вновь примкнувших [к нам] *цзилими*.

Свиток 12, 1283 год

Осень, [день под циклическими знаками] *бинчэнь* 7-го месяца [20 года Чжиюань] (29.07.1283), отменили набор войска в карательный поход на *гувэй*³⁴.

Свиток 13, 1284 год

[День под циклическими знаками] *синьхай* [8-го месяца 21 года Чжиюань] (16.09.1284), Негудай из управления

33 К сожалению, в источниках не содержится биографических данных этого военачальника.

Чжэндун чжаотаосы сказал: «Имею указ выступить, чтобы покарать *гувэй*, а войска [военачальников] Алихайя, Даладая и Юйдяня — все опоздали. После 7-го месяца обычно усиливаются морские ветра, а суда с провиантом и оружием очень тяжелые, очень боюсь несчастья. По этой причине следует немного отложить [поход]». Сделано по сему.

Свиток 13, 1284 год

В [день под циклическими знаками] *синью* [10-го месяца 21 года Чжиюань] (25.11.1284) управление *Чжэндун* чжаотаосы послало войско на *гувэй*.

Свиток 13, 1285 год

В [день под циклическими знаками] *синьчоу* [начального месяца 22 года Чжиюань] (5.03.1285) Янъулудай назначен «Карающим *гувэй чжаотаоши*» с тигровой биркой, [украшенной] двумя жемчужинами, на поясе.

• «Чжунго сяошу миньцзу гу цзацзи чэн (хань вэньбань)», стела Чжан Чэна, конец 1285 – начало 1286 года³⁵

В 12-м месяце 22-го года [эры правления под девизом Чжиюань] (27.12.1285 – 25.01.1286) пожаловали [Чжан Чэна] титулом *цзюнь*³⁶, назначили *Дуньу сяовэй гуаньцзюнь шан боху*³⁷. Высочайшим указом одарили [его] 50 лян серебра, банкнотами на 2 500 связок монет, 2 [штуками] шелка³⁸. Повелели возглавить вверенные ему войска и, взяв жен, детей, легкие и тяжелые [вещи], последовать за тысячником Юэ-гуном³⁹, подчиняющимся *сюаньвэйши*⁴⁰ *дуюаньшуай*⁴¹ [Лай] Абачи⁴², направиться в

38 В тексте употреблено слово бибо (币帛), которое можно перевести разными способами: «шелка для подношения императору», «деньги и шелка», «шелка для проведения поминальных жертвоприношений». В связи с многозначностью термина мы оставляем наиболее общее его значение — «шёлк».

39 Личное имя Юэ Сю (岳琇).

40 Уполномоченный по умиротворению.

41 Букв. «главнокомандующий».

42 Лай Абачи был назначен в 1284 г. Чжэндун чжаотаоши (уполномоченный по усмирению мятежей и наказанию мятежников), а в 1285 г. Чжэндун сюаньвэйши (уполномоченный по умиротворению, карающий Восток) и дуюаньшуай. Но уже в сентябре 1285 г. он был переведён на должность правого канцлера походной канцелярии в Хугуане (наместничество на территории современных провинций Хунань и Хубэй) и прочих местах в связи с принятием 21 августа 1285 г. решения о начале очередного похода на Вьетнам. Таким образом, подчинение Юэ-гуна Абачи оказалось чисто номинальным.

³⁴ Поскольку гувэй не несли никаких повинностей в пользу имперского правительства, то буквальный перевод «отменили воинские повинности гувэй» представляется абсурдным. В данном случае мы расчленяем слово мяньчжэн 免征— «освобождать от уплаты чего-либо» на два самостоятельных слова: мянь 免— «освобождать, отпустить» и чжэн 征— «карательный поход». Сочетание цзюньфу 軍賦 в данном случае можно перевести как «набор рекрутов в войска» в соответствии со значениями входящих в его состав иероглифов.

³⁵ Надпись составлена в 1315 г.

³⁶ Цзюнь — аристократический титул, обычно переводимый как «князь». В период Юань существовал аристократический титул цзюньван (郡王) ранга 1В.

³⁷ Увещевающий и воинственный полководец, руководящий войсками сотник высшего ранга. В период Юань темники, тысячники и сотники, в зависимости от реального количества людей, находившихся в их подчинении, делились на ранги — высший, средний и низший. Так, темник высшего ранга имел в своём распоряжении 7 000 дворов, среднего — 5 000 дворов, низшего — 3 000 дворов. Соответственно распределялись ранги и у тысячников и сотников [См. 4, с. 61].

земли *шуй дада*⁴³, где обрабатывать земли силами своих войск и нести охрану.

• «Юань ши»

Свиток 13, 1285 год

[День под циклическими знаками] исы [10-го месяца 22 года Чжиюань] (4.11.1285), <...>. Приказано Чжэндун чжаотаоши Татаэрдаю и Янъулудаю с 10 000 человек покарать гувэй. Соответственно, выдали Янъулудаю тигровую бирку с 3 жемчужинами на пояс, сделав Чжэндун сюаньвэйши и дуюаньшуай.

• «Чжунго сяошу миньцзу гу цзацзи чэн (хань вэньбань)», стела Чжан Чэна, март-апрель 1286 года

На следующий год в 3-м месяце [его войска] (26.03.1286 – 24.04.1286) добрались до крайних северо-восточных пределов [земель] Хэйлунцзян⁴⁴ и встали лагерем⁴⁵.

В 5-м месяце 23 года [эры правления под девизом Чжиюань] (25.05.1286 — 22.06.1286) все князья, [поддерживавшие] Найяня, взбунтовались⁴⁶. [Чжан Чэн]

43 В период Юань шуй дада называли племена предположительно тунгусо-маньчжурского происхождения, проживавшие вдоль рек на северо-востоке Китая. В буквальном переводе означает «водяные татары». Ср. с «су-монгал» у Плано Карпини и «су-моал» у Рубрука. В тексте «Юань ши» шуй дада упоминаются раздельно от чжурчжэней. Указания в тексте хроники о том, что 12 июня 1285 г. «приказали нюйчжэнь (чжурчжэням. — А. П.) и шуй дада построить 200 кораблей, а также построить инфэнчуань (вид быстроходной парусной джонки) для карательного похода на Японию», свидетельствуют о том, что шуй дада жили в районах, откуда было возможно перебросить построенные ими корабли в Корею, где собирался флот для нового похода на Японию. В современных китайских энциклопедиях этнонимом шуй дада называют племена, жившие по Амуру, Уссури, Сунгари, а также в Приморье, у северо-восточных рубежей Кореи, что делает этот этноним весьма аморфным по содержанию.

44 Река Амур и прилегающие к ней земли

45 В связи с отсутствием чётких описаний границ земель Хэйлунцзяна в «Юань ши» сложно определить, где находились его самые дальние северо-восточные рубежи. Соответственно, местность, куда прибыли люди Чжан Чэна, сложно идентифицировать. Можно предположить, что, поскольку в 1658 г. корейский военачальник Син Ню упоминал, что место слияния Сунгари и Амура называется «устьем Амура» и что Амур впадает в Сунгари и дальше до моря течёт уже не Амур, а Сунгари, то и в XIII в. устьем Амура, то есть его крайним северо-восточным пределом, является район устья Сунгари. В таком случае снимаются все противоречия текста: вдоль Сунгари проживали племена шуй дада, в земли которых был послан Чжан Чэн, место слияния Сунгари и Амура может считаться крайним северо-восточным рубежом Хэйлунцзяна, где возможно земледелие, уничтоженное только во второй половине XVII в. в результате действий русских и маньчжурских военных отрядов.

46 В конце весны 1286 г. начались приготовления к мятежу управляющего Ляодуном знатного князя-чингизида Найяня (1256—1287 гг.) против власти императора Хубилая. Широкомасштабные военные действия начались весной 1287 г., а летом 1287 г. Найянь был разбит, взят в плен и казнён. Поддерживавшие Найяня монгольские князья, имевшие владения в Ляодуне, продолжали сопротивление в Ляодуне до 1290 г., после чего ушли в Корею, где в 1291 г. были разгромлены корейскими войсками при поддержке присланного из Китая 13-тысячного корпуса юаньских войск [См. 2, с. 104—105]. Существуют и иные датировки начала мятежа Найяня: 1277 [См. 7, с. 49], 1289 [См. 12, с. 109].

последовал за тысячником Юэ-гуном, поведшим войска с их семьями 47 на юг, [пришлось] и сражаться, и [много] идти 48 .

На 2-й день 7-го месяца [23 года эры правления под девизом Чжиюань] (24.07.1286) дошли до Гучжоу. Враги преградили им [путь] вперед, нельзя было идти дальше. Решили напасть на лагерь врага ночью, нарушив их пути [сообщения]. На рассвете, сойдясь с врагом, бились мечами. Враг был разбит.

Таким образом, встречаясь с врагом, сражались с ним. Шли 4 месяца, и дошли до двух корейских крепостей⁴⁹.

В 4-й [день] 10-го месяца [23 года эры правления под девизом Чжиюань] (22.10.1286) дошли до Ляояна. И еще усмирили Сяньпинфу 50 .

• «Юань ши»

Свиток 14, 1286 год

В [день под циклическими знаками] *цзию* [10-го месяца 23 года Чжиюань] (3.11.1286) послали Татардая, Янъулудая с 10 000 воинов и 1 000 кораблей покарать *гувэй*.

47 Имеются в виду войска, переброшенные с Чжан Чэном на Амур. 48 Фрагмент надписи со стелы Чжан Чэна в переводе известного отечественного исследователя-востоковеда А. Л. Ивлиева неполон. А. Л. Ивлиев опускает эту и следующую фразы, позволяющие более подробно определить маршруты передвижения Чжан Чэна и его людей, что создаёт ложное впечатление, что военно-земледельческое поселение юаньских войск «на крайних северо-восточных рубежах Хэйлунцзяна» просуществовало долгое время [См. 8, с. 70]. Поскольку пребывание Чжан Чэна в землях Хэйлунцзяна продолжалось всего около трёх месяцев (или, если датировка начала мятежа Найяня, указанная на стеле, неверна, около одного года), сомнительно, чтобы его войска успели и построить лагерь, и серьёзно заняться земледелием. Уход Чжан Чэна вместе с войсками и их семьями говорит о недолговечности собственно юаньского военного присутствия на Нижнем Амуре.

49 Главное управление двух крепостей (кор. Ссансон чхонгванбу, в тексте — Гаоли шуанчэн, букв. «две крепости Корё») — в 1258—1356 гг. область в южной части современной корейской провинции Хамгён, севернее перевала Чхоллён, отторгнутая у Корё монголами и поставленная под власть оппозиционно настроенных по отношению к правящей в Корё династии Ван феодалов из родов Чо и Тхак. Установить маршрут отряда Чжан Чэна по территории Ссансон чхонгванбу не представляется возможным. Однако выход отряда Чжан Чэна в северо-восточную часть Кореи свидетельствует о том, что, скорее всего, его отряд был дислоцирован намного южнее устья Амура, в зоне, более благоприятной для создания военно-земледельческого поселения.

50 Следуя тексту стелы, получается, что отступающий отряд Чжан Чэна способствовал усмирению мятежа Найяня в Сяньпинфу. Следующая дата на стеле относится к 25-му году эры правления под девизом Чжиюань (1288 г.). Таким образом, в данном случае мы имеем полный перевод пассажа из текста стелы с описанием похода Чжан Чэна на Амур и его последствий в свете реальной политической обстановки тех лет.

Свиток 119, между 1264 и 1287 годом

Как-то [при дворе] было сказано, что два ляодунских племени — вочжо и цзилеми⁵¹ — несколько раз совершили разбои, и следует послать высокопоставленного сановника, чтобы довести [указ государя о прекращении разбоев] до их сведения.

Государь тут же спросил о таком человеке, и все [придворные] сказали:

«Только Шодэ — заслуженный герой, представитель старой знати, его можно послать [исполнить это поручение]».

Государь полностью согласился и обратился к Шодэ, тот отвечал:

«Государев покойный слуга следовал за Тайцзу при покорении Поднебесной, не убоялся опасностей и трудностей, и совершил подвиги⁵². Ваш раб годами молод, разумом глуп и наивен, [но] хотел бы просить [о приказе] выступить».

Государь сильно возрадовался, пожаловал ему императорское облачение и устроил пир перед [его] отправлением.

Шодэ прибыл [на место], созвал всех темников⁵³, расставил воинов в важных местах, с пристрастием допросил атаманов шаек мятежников и казнил их. Вынужденно примкнувшие [к ним] участники [разбоев] все сдались⁵⁴. Государь пришел в великую радость и наградил всех соответственно [заслугам].

• «Цзиньхуа Хуан-сяньшэн вэньцзи», свиток 25, стела Бильге Тэмура, без даты⁵⁵

- 51 В данном случае под Ляодуном понимаются все земли к востоку от реки Ляохэ, в том числе Приморье и Приамурье. Проживавшее по соседству с цзилими племя вочжо упоминается в источниках крайне редко и не имеет надёжного отождествления.
- 52 Имеется в виду Мухули, один из ближайших сподвижников юаньского Тайцзу, то есть Чингисхана.
- 53 В данном случае под темниками, скорее всего, понимаются представители местной племенной знати, удостоенные юаньской администрацией различных титулов и званий, в том числе сотников, тысячников и темников. В самих племенах цзилими, вочжо и других племенах Нижнего Амура и Сахалина ещё не существовало социальных и политических предпосылок для возникновения подобных званий.
- 54 Обращают на себя внимание детали этого редкого для «Юань ши» описания действий юаньской администрации на Нижнем Амуре и Сахалине. По нашему мнению, это конкретное описание раскрывает механизм воздействия юаньской администрации на местные племена, где основной военной силой являлись воины племён, лояльных Юаням. Аналогичные ситуации не раз возникали на протяжении долгой истории Китая, когда представители имперской администрации опирались в своих военных акциях на войска, предоставленные иноплеменными вассалами (например, поход Гань Яньшоу и Чэнь Тана на Чжичжи-шаньюя в 36 г. до н. э., отражение цинским юцзи (чин, примерно соответствующий майору) Фань Чжишэнем набега джунгар на Хами в 1715 г. и т. д.). Источником для написания этой части свитка 119 «Юань ши», очевидно, послужила включённая в «Цзиньхуа Хуан-сяньшэн вэньцзи» надпись с погребальной стелы Бильге Тэмура.
- 55 Надпись на стеле составлена в 1341 г. или начале 1342 г. Её открывают слова «В начальный год [эры правления под девизом] Чжичжэн ныне царствующего государя указом даровали покойному чаоле-дафу...» (今上皇帝至正元年韶贈故朝列大夫). Начальный год эры правления под девизом Чжичжэн соответствует 18.01.1341 5.02.1342.

...Поэтому, когда сказали, что 2 народа — вочжо и цзилеме — живущие к востоку от чжурчжэней Ляояна, в многолюдстве вторглись и грабили внутренние земли, и следует послать государева ближнего сановника, чтобы устроить там почтовые станции для сообщения с теми местами, государь спросил о таком человеке.

По общему мнению, Шодэ являлся заслуженным [героем династии] Юань, родовитым, мудрым и глубокомысленным, [и его] можно было послать [на это дело].

Государь опасался, что тот испугается выступить в соответствии с государевым указом, спросил [его] и услышал в ответ: «Ваш прежний слуга при создании этого государства пренебрегал смертельной опасностью от острых клинков, жертвуя собой. Ваше величество [еще] не посылал своего подданного, годами молодого, разумом наивного, чтобы тот проявил себя. Ваш подданный просит [разрешения] выступить».

Государь возрадовался, удостоил его императорским банкетом, одарил одеянием и послал [исполнять поручение].

В старых землях чжурчжэней было темничество *шуй дада*, [где] воинам и народу не хватало продовольствия. При дворе было решено оказать [им] помощь одеждой и продовольствием, но [местные] власти преступно задерживали исполнение высочайшего повеления. Народ жаловался. И в прошлом неоднократно приказывали расследовать злоупотребления и растраты, чтобы помочь людям. Тех, которые зависели [от этих выдач], было очень много.

Дороги в ставку главнокомандующего карательным походом на Восток (東征元帥府) очень опасные и трудные, в беспорядке высится множество скал и утесов. Летом вода возвращается к жизни и можно ехать на лодке. Зимой же, как правило, едут по льду на запряженных собаками нартах.

В той земле нет проса и чумизы, и рыбой заменяют [зерновую] пищу. Тогда, учитывая расположение гор и рек, [Шодэ] проложил дорогу, чтобы людям можно было ходить туда-сюда, и это оказалось удобным.

Вочжо и цзилеме живут в захолустье на морском острове и не знают правил приличия. Да еще охраняющие их при управлении поступают самовольно/нарушают закон, что доводит до разбоя.

Тогда [Шодэ] приказал всем темникам отгородить внутренние земли стенами, занять [караулами] все важные места и послал растолковать [туземцам], говоря:

«Двор не касается перевоспитания вас, чужаков/ жителей далеких [земель]. Вы сами творите беспорядки. Поэтому [двор] направил посланца сделать суровое внушение властям, а вас утешить и окружить заботой. Приказываем вернуться к обычным занятиям и раскаяться, обратившись к добру, как делают добропорядочные люди при нынешнем мудром правлении. А если не [раскаетесь] — истребим вас подчистую, никого не простим».

После чего вынужденные соучастники [разбоев] все покорились, а к тем, кто спрятался на острове, [Шодэ] послал привлечь [их на сторону империи]. Только отрубил головы их вожакам.

Были еще не осужденные сунские придворные чины, которые могли управлять, ссылаясь на положения классической литературы ⁵⁶. Они [временно] оставались в столице. И тех [из них], кто не согласился изменить платье и головные уборы, привлекли к ответственности и выслали в Кайюань⁵⁷. [Шодэ] как раз встретился с ними, сказав:

«Завоевав расположение государя, сможете устроиться, а после, смотря на [вашу] службу, получить повышение».

И так заставил образованных литераторов-свитских вернуться ко двору.

Государь поощрил его, говоря:

«Шодэ без крови, одним ударом меча привел к спокойствию окраину, не обманув мое доверие. Жалую ему жемчужные бусы на княжеский головной убор и парадное одеяние для аудиенций...»

• «Юань вэньлэй»

Свиток 41, 1297 год

5-го числа 3-го месяца [начального года эры правления под девизом Дадэ] (28.03.1297) сотник [из племени] *цзилэминь* [по имени] Укуньцзи и прочие прибыли изъявить покорность. В [управлении] выдали им рыбу, зерно⁵⁸, подборы⁵⁹ и веера, окружив вниманием и заботой, рассадили [при аудиенции] по рангам⁶⁰, [после чего] послали официальное письмо управлению темника, управляющему *уцзи*⁶¹ и *цзилэминь* (гуань уцзи цзилэминь ваньхуфу) взять [их] под свое попечение.

- 56 Упоминание в тексте стелы пленённых монголами членов свиты последнего сунского императора, чья судьба ещё не была окончательно решена, позволяет предположить, что события, описанные в надписи, происходили после окончательного разгрома империи Сун в сражении при Яйшане 19 марта 1279 г. и до начала мятежа Найяня летом 1287 г.
- 57 То есть не признали власть юаньского императора. Внешне признание власти новой династии выражалось в смене головных уборов, одеяний и причёсок в соответствии с образцами, принятыми при дворе нового императора.
- 58 Возможный вариант перевода— не «рыбу и зерно», а «рыбный паек», то есть рыбу (возможно, юколу) из расчёта на количество прибывших.
- 59 Верёвки для вытягивания сетей.
- 60 Видимо, при аудиенции учли либо внутренние взаимоотношения между прибывшими, либо ранги, пожалованные местным жителям от имени династии Юань ранее.
- 61 Видимо, уцзи в данном случае имеет то же значение, что и воги у Н. Я. Бичурина [См. 1, с. 225] «лесные [народы]». Нижнеамурские племена вальга (кит. юэцзя, ср. воги) упоминаются в 1658 г. корейским военачальником Син Ню.

В 5-м месяце начального года [эры правления под девизом] Дадэ (22.05.1297 – 19.06.1297) разбойник [из племени] вэйгутэ [по имени] Улин сел на построенное [людьми из племени] цзилэминь судно хуанвоэр⁶², пересек море, достиг Чжилимуцзуйцзы⁶³ и учинил беспорядки.

В 5-й день 6-го месяца [начального года эры правления под девизом Дадэ] (25.06.1297) правительственные войска разгромили разбойников в Силахэтунь.

В 8-й день 7-го месяца [начального года эры правления под девизом Дадэ] (28.07.1297) разбойник [из племени] вэйгутэ [по имени] Ванболингу переправился через море из Гогуань, вошел в [реку] Фулихэ, [но] был разбит правительственными войсками⁶⁴.

В 8-м месяце [начального года эры правления под девизом Дадэ] (19.08.1297 — 16.09.1297) человек [из племени] цзилэминь [по имени] Номуци пересек море, прибыв в Усэчжай⁶⁵, и встретился с людьми из Нэйхотунь, говорившими, что человек [из племени] цзилэминь [по имени] Яцичжаму сказал, что вэйгутэ совместно с Бохэли и прочими собираются в этом году, когда море замерзнет⁶⁶, перейти в Гогань⁶⁷ грабить и хватать [пленных], побить сокольничих⁶⁸. Просил совершить карательный поход. Сразу после этого был направлен официальный запрос в провинцию Ляоян⁶⁹.

- 62 Букв. «жёлтое судно-лачуга». Тип судна надёжно не идентифицируется.
- 63 В состав названия места входит формант «-цзуйзцы» (букв. «клюв»), обычно использующийся для обозначения далеко выдающегося в реку или море мыса.
- 64 Возможен вариант перевода «правительственные войска потерпели поражение», поскольку использованный в тексте иероглиф «бай» (敗) может переводиться и как «нанести поражение», и как «потерпеть поражение». Перевод зависит от контекста, отсутствующего в данном случае.
- 65 В состав топонима входит формант «-чжай», обозначающий обнесённое частоколом поселение.
- 66 Возможен вариант перевода «до того, как море замерзнёт». Исходя из конкретных географических условий, гувэй могли планировать как набег на кораблях, так и набег по льду.
- 67 В 1658 г. корейский военачальник Син Ню упоминал о местности Кольган в низовьях Амура. В китайской транскрипции этот топоним звучит как Гуцзянь. Видимо, это одно и то же место.
- 68 Видимо, речь идёт о ловчих, посланных от покорных Юань племён за соколами местной породы хайдунцин, пользовавшимися огромным спросом у аристократии кочевых народов и Китая. Ловля и поставка ко двору правящих в Китае монархов живых соколов хайдунцин была очень важной статьёй в международной торговле на Дальнем Востоке в Средние века. Для доставки соколов в Китай функционировала так называемая соколиная дорога, проходящая от Ляояна по рекам на Сунгари, а оттуда в низовья Амура.
- 69 Использованный в тексте иероглиф «цзы» (答) имеет значения либо «справляться, делать официальный запрос», либо «письмо при сношениях между равными инстанциями», но не «сообщать», как указано в переводе А. Л. Ивлиева [См. 8, с. 71]. Очевидно, что в данном случае был послан запрос в Ляоян о разрешении провести карательную экспедицию.

Свиток 41, 1298 год

В начальном месяце 2-го года [эры правления под девизом] Дадэ (12.02.1298 – 12.03.1298) [управление] *Чжаотаосы* официально сообщило:

«Сотники⁷⁰ [племени] *цзилэминь* [по имени] Хафэнь, Бохэли и прочие, ранее бежавшие в Нэйхэтунь, примкнули к мятежникам и покорились *вэйгутэ*, учинив беспорядки. Получив высочайший эдикт о призвании [варваров к покорности], тысячник Баясы счел, что Хафэнь и прочие уже приняли участие в мятеже и нельзя призывать их покориться. После чего [дело] было прекращено».

Свиток 41, 1305 год

В 6-м месяце 9-го года [эры правления под девизом Дадэ] (23.06.1305 – 21.07.1305) человек [из племени] цзилэминь [по имени] Цзиэрку сообщил, что разбойники вэйгутэ ограбили Намука и прочих⁷¹. Правительственные войска гнались за ними, но не догнали. [Тем временем разбойники], переправившись [через реку] Цзаэрмахэ, учинили грабежи и насилия.

- 70 Сотники, тысячники, темники у местных племён появились не в связи с наличием у них соответствующих военных и административных структур, а были пожалованы юаньской администрацией родовым старейшинам и племенным вождям, чтобы привлечь их на свою сторону.
- 71 В тексте нет слова, указывающего, что Намука это название местности, а не имя. Поэтому можно предположить, что это мог быть вождь одного из местных племён.

Свиток 41, 1308 год

В начальном году [эры правления под девизом] Чжида (24.01.1308 – 9.02.1309) сотник [из племени] цзилэминь [по имени] Цзичэцзина сообщил, что человек [из племени] вэйгутэ [по имени] Юэсонуху хочет покориться и прислал [своего представителя по имени] Дахацзаса в Нилухань⁷².

Также люди [из племени] *цзилэминь* [по имени] Дошэньну и Эцина прибыли [в управление] и каждый из них сказал, что Юэсонуху, Улин и прочие просят о том, чтобы сдаться и перейти [на сторону Юань], держа мечи и доспехи⁷³, вместе с вождем Буцзецзе. К тому же сказали, что вернутся с ежегодной данью разными мехами, когда в летнюю пору пойдет рыба *далабу*⁷⁴ и т. д.

- 72 Важное указание на характер юаньской администрации в Нургане: она, судя по упоминанию сообщившего о приезде посланцев от гувэй сотника из племени цзилэминь, состояла из представителей местной племенной верхушки, получившей чины от представителей юаньской администрации, временами посещавших эти места.
- 73 Возможно, имеется в виду принесение клятвы на оружии или же символическая передача оружия юаньской администрации в знак добрых намерений вэйгутэ.
- 74 Имеется в виду ежегодная путина важный временной ориентир в жизни местных племён. Рыба далабу не идентифицирована, что не даёт установить точный срок, объявленный приехавшими, так как разные породы лососевых нерестятся в разное время.

Список использованных источников

- 1. Бичурин, Н. Я. [Иакинф]. Статистическое описание Китайской империи: в 2 ч. / Н. Я. Бичурин. Москва: Вост. дом, 2002. 463 с.
- 2. Ванин, Ю. В. Феодальная Корея в XIII—XIV веках / Ю. В. Ванин; Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии. — Москва: Изд-во вост. лит., 1962. — 198 с.
- 3. Василевский, А. А. Очерки истории Курильских островов. Т. 1. История Курильского архипелага с древнейших времен до Санкт-Петербургского договора 1875 года / А. А. Василевский, Н. В. Потапова. Южно-Сахалинск: [б. и.], 2017. 413 с.
- 4. Волков, С. В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке / С. В. Волков. Москва: Вост. лит., 1999. 310 с.
- 5. Воробьёв, М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь : (X в. 1234 г.) : Ист. очерк / М. В. Воробьёв. Москва : Наука, 1975. 444 с.
- 6. Головачёв, В. Ц. «Страна Нургань» и внешняя политика династии Мин в XIV–XV вв. / В. Ц. Головачёв // Общество и государство в Китае. XLII н. к. Москва, 2012. Ч. 3. С. 130–152.
- 7. Далай, Ч. Монголия в XIII—XIV веках / Ч. Далай. Москва : Наука, 1983. 232 с.
- 8. Дедяхин, О. Ю. Известия о народах Нижнего Амура и Сахалина в исторических документах XIII—XIV вв. / О. Ю. Дедяхин // Учён. зап. Сахал. гос. ун-та. 2003. Вып. 3. С. 65–77.
- 9. Доронин, Б. Г. Историография императорского Китая XVII– XVIII вв.: отеч. исслед. / Б. Г. Доронин. — Санкт-Петербург: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. — 287 с.
- 10. История и культура нанайцев: ист.-этногр. очерки/[С.В.Березницкий, Е.А.Гаер, С.Ф. Карабанова и др.]; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. — Санкт-Петербург: Наука, 2003. — 194 с.

- 11. История и культура орочей: ист.-этногр. очерки / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 169 с.
- 12. История Монгольской Народной Республики / [гл. ред. Б. Д. Греков, Р. Б. Ширендыб и др.]. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 423 с.
- 13. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времён до начала XXI столетия / А. А. Василевский, М. С. Высоков, А. И. Костанов, М. И. Ищенко. Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2008. 711 с.
- 14. История стран Азии и Африки в средние века. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 496 с.
- 15. Карпини, Дж. дель Плано. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини; Путешествия в восточные страны / Г. де Рубрук; Книга Марко Поло / М. Поло. — Москва: Мысль, 1997. — 464 с.
- 16. Мелихов, Г. В. Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402–1413 гг.) / Г. В. Мелихов // Китай и соседи в древности и средневековье. — Москва, 1970. — С. 251–274.
- 17. Ришко, Е. Ю. Международный симпозиум «Динамизм людей, вещей и технологий на северо-востоке Азии в Средние века» / Е. Ю. Ришко // Вестник ДВО РАН. 2005. № 5. С. 171–176.
- 18. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы: в 2 т. Т. II: 1686–1691. Москва: Наука, 1972. 835 с.
- 19. Су Тяньцзюэ Юань вэньлэй (Лучшие образцы литературы династии Юань). Текст : электронный. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=862961.
- 20. Сун Лянь Юань ши (История династии Юань). Текст: электронный. URL: https://zh.wikisource.org/wiki/元史.

- 21. Хуан Цзинь Цзиньхуа Хуан-сяньшэн вэньцзи (Собрание сочинений господина Хуана из Цзиньхуа). Текст: электронный. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=334515.
- 22. Чжунго сяошу миньцзу гу цзацзи чэн (хань вэньбань) =

Собрание китайских ксилографов. Полная подборка древних записей о малочисленных народностях Китая. — Чэнду: Сычуань миньцзу чубаньшэ, 2002, т. 31. — 700 с.

Материал поступил в редакцию 14.12.2020.

Сведения об авторе: Пастухов Алексей Михайлович, член Российской ассоциации университетского корееведения (PAVK), научный консультант Фонда «Петропавловск», инженер лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, автор более 50 статей по истории военного дела стран Дальнего Востока, соавтор книг на военно-историческую тематику «Золотой блеск эпохи. Крепости и вооружение Азии» (Москва, «Бук-Хаус», 2006 г.), «Очерки истории российского Дальнего Востока XVII—XVIII вв.» (Хабаровск, ДВАГС, 2009 г.), «Побеждённый дракон. Китайский флот в войне против Японии (1894—1895 гг.)» (Москва, «Яуза-Эксмо», 2016 г.), автор китайской части раздела каталога Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) «Смертельная красота. Оружие Индии и Китая» (Москва, 2015 г.), (г. Москва). Контактные данные: e-mail: chinesewarfare@inbox.ru.

ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ

Статья посвящена выдающемуся руководителю Хабаровского края Алексею Клементьевичу Чёрному (1921—2002 гг.) и подготовлена к 100-летию со дня его рождения. Публикация основана на документах фонда личного происхождения, хранящегося в Государственном архиве Хабаровского края (г. Хабаровск). В статье имеются факты биографии, отражена роль А. К. Чёрного как труженика тыла, награждённого медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а также освещены основные события, происходившие в Хабаровском крае в 60-е — 80-е годы XX века: пребывание известных людей в крае, строительство предприятий, развитие сельского хозяйства и транспортной инфраструктуры, развитие социально-культурного облика Хабаровска.

Ключевые слова: личный фонд А. К. Чёрного, дневники, Великая Отечественная война, Эльбанский завод, председатель Хабаровского крайисполкома, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС, рост экономики, промышленное строительство, почётный гражданин города Хабаровска.

Keywords: A. K. Cherny's personal fund, diaries, Great Patriotic War (Eastern Front), Elban plant, chairman of the Khabarovsk regional executive committee, First Secretary of the Khabarovsk Regional Committee CPSU, economic growth, industrial engineering, honorary citizen of the Khabarovsk.

нициативный растущий товарищ. Такими словами характеризовали А. К. Чёрного (1921—2002 гг.), руководители завода, на котором он работал в годы Великой Отечественной войны.

23 февраля исполнилось 100 лет со дня рождения Алексея Клементьевича Чёрного, выдающегося хозяйственного, советского и партийного руководителя Хабаровского края, в котором он прожил более 45 лет. Большие организаторские способности А. К. Чёрного, широкая эрудиция и колоссальная работоспособность позволили ему внести большой вклад в развитие края.

Более 2 000 тысяч документов и фотографий хранится в Государственном архиве Хабаровского края, в личном фонде Алексея Клементьевича Чёрного, первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС (1970–1988 гг.), почётного гражданина г. Хабаровска (1994 г.). В них запечатлена его биография, руководящая хозяйственная и партийная работа.

Алексей Клементьевич Чёрный родился в Черниговской губернии на Украине. После окончания школы поступил в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева, где в ноябре 1942 года защитил на отлично дипломный проект. Получив профессию инженера-технолога и направление на завод № 637 посёлка Эльбан Хабаровского края, он приехал на Дальний Восток. Здесь и началась дальневосточная биография будущего руководителя Хабаровского края. Начав трудовую деятельность на предприятии оборонного значения, А. К. Чёрный проявил себя энергичным и способным инженером, прошёл путь от мастера до заместителя директора. Среди личных документов, которые Алексей Клементьевич передал в Государственный архив Хабаровского края на хранение, есть его личные рукописные дневники 1941-1943 годов, где он честно и без прикрас описал происходящие с ним события.

«20 декабря 1942 год. Вот уже второй день, как мы находимся на заводе. Хотя я себе и рисовал мрачные картины приезда и жизни на заводе, но то, что получил, превосходит все мои ожидания. С жилищем дело — дрянь — холодно, но это еще перенести можно. Хуже то, что со жратвой дела обстоят чрезвычайной скверно. Дают 800 гр. хлеба и это все, ибо те обеды, которые здесь преподносят, ужины и завтраки вообще нельзя назвать питанием. А работать придется с 8-ми до 8-ми, что означает, что на ногах будешь находиться минимум 15-16 часов. Из всех тех преимуществ, которые мне иметь здесь, остаётся одно — большой спрос в людях... Итак, судьба занесла меня за 9 000 километров, а зачем, я и сам не знаю.

25 декабря 1942 г. Ну что за жизнь распроклятая! Хоть бы уже скорее наметился конец войне! Удивительно все же,

насколько русский народ вынослив и терпелив. Да! Этим он может гордиться перед всеми народами мира!

1 января 1943 г. Итак, плюнем на питание, забудем про голод пока, вспомним штурмовые дипломные работы и возьмемся за работу. Наряду с этим завтра же, совместно с ребятами необходимо получить комнату, затратить еще определенную, может быть, одну из последних порцию энергии и все-таки устроиться по-человечески. Вперед, вперед моя история! Для тебя Алексей Клементьевич начался 1943 год, должно решить многое, если не все!» [3].

В цехах завода № 637 выпускали мины «М-120», «М-82», авиабомбу «ФАБ-100», гранаты «Ф-1», снаряды «Ф-76», готовили взрывчатые сухие смеси, которые были исходным материалом для снаряжения мин, снарядов и гранат, так необходимых фронту. Эльбанский завод стал первой рабочей площадкой молодого специалиста, первым жизненным стартом.

Документальное подтверждение этим фактам нашлось и в ведомственном архиве АО «Дальневосточное производственное объединение "Восход"» в посёлке Эльбан Амурского района. Сегодня это предприятие является единственным производителем промышленных взрывчатых веществ на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. А начиналась история завода вместе с началом Великой Отечественной войны. Создание на базе артиллерийского склада в Эльбане завода боеприпасов — один из пунктов плана командования Дальневосточного фронта по организации поставки оружия и боеприпасов с дальневосточных заводов для вновь создаваемых соединений. Первую продукцию завод выпустил в декабре 1941 года.

Благодаря совместным действиям архивных работников и сотрудников АО «Дальневосточное производственное объединение "Восход"» архивный фонд Российской Федерации пополнился документами, отражающими жизнь не только отдельно взятого человека, но и историю военных лет. 30 страниц личного дела А. К. Чёрного содержат уникальные кадровые документы знаменитого дальневосточника, заполненные им лично 19 декабря 1942 года — с первого дня прибытия на завод: автобиография, анкета, подписка о хранении строгой тайны, касающейся производства завода.

«...За период работы на заводе А. К. Черный показал себя с исключительно положительной стороны, как хороший организатор рабочего коллектива на выполнение производственного плана» [2], — так характеризовали работу А. К. Чёрного руководители предприятия. 26 февраля 1946 года указом Президиума Верховного Совета СССР он был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Удостоверение к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В 1946 году Алексей Клементьевич Чёрный вступил в члены ВКП(б). Он принимал активное участие в работе заводской партийной организации, а затем проявил себя и на партийной работе в Комсомольске-на-Амуре, в районе имени Лазо, в Еврейской автономной области.

В мае 1962 года он был избран председателем Хабаровского крайисполкома. Первые дни его работы в крайисполкоме совпали с радостным событием края: в мае 1962 года в Хабаровск прибыли Юрий Гагарин с супругой Валентиной. Весть о прибытии в город первого космонавта планеты распространилась среди хабаровчан с быстротой молнии. Встречать дорогих гостей было поручено А. К. Чёрному. На сохранившихся в архиве снимках — счастливые лица 28-летнего Ю. А. Гагарина, нового руководителя Хабаровского края А. К. Чёрного, первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС А. П. Шитикова, других официальных лиц и жителей города, которые одними из первых стали свидетелями исторического события.

Позже А. К. Чёрному приходилось встречать и провожать многих высокопоставленных лиц и различные иностранные делегации. Хабаровск стал транзитным городом между Западом и Востоком. Совершая визиты в

страны Азиатско-Тихоокеанского региона, чаще всего в Японию, они останавливались в Хабаровске. В личном фонде А. К. Чёрного хранятся поистине уникальные фотодокументы, запечатлевшие события и людей большой исторической эпохи: президента Югославии Иосифа Броз Тито, первого секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии Тодора Живкова, президента Социалистической Республики Румынии Николае Чаушеску, руководителя Германской Демократической Республики Эрика Хоннекера, президента КНДР Ким Ир Сена и других.

Возглавив край, Алексей Клементьевич Чёрный взял на себя и возложил на своих подчинённых всю ответственность за развитие одного из Дальневосточных регионов. Не было в крае такого уголка, где бы он ни побывал: он лично курировал строительство новых предприятий, посещал заводы, фабрики, сельскохозяйственные комплексы. Хабаровский край успешно выполнил семилетний план (1959–1965 гг.), строители ввели в эксплуатацию 60 новых предприятий, среди которых — горнообогатительный комбинат «Солнечный». В 1967 году была принята в эксплуатацию первая очередь Амурского целлюлозно-картонного комбината. Неотъемле-

Во время визита первого космонавта в Хабаровск. На первом плане— А. К. Чёрный и Ю. А. Гагарин. Май 1962 года (ГАХК. Ф. Р-1036. Оп. 8. Д. 26).

Пребывание в Хабаровске председателя Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцева. Слева направо: председатель Хабаровского крайисполкома Г. Е. Подгаев, М. С. Соломенцев, А. К. Чёрный. 1976 год (ГАХК. Ф. Р-2002. Оп. 1. Д. 49).

мой частью перемен в больших городах и малых посёлках стало новоселье. Только в 1967—1968 годах было построено и введено в эксплуатацию 606 тысяч м² жилой площади, около 86 тысяч человек получили новые квартиры. Многое успел сделать А. К. Чёрный на посту председателя край-

исполкома. За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 декабря 1965 года Хабаровский край был награждён орденом Ленина. Для вручения награды в Хабаровск прибыл член Политбюро ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный, который и прикрепил к алому полотнищу орден Ленина. Этот день Алексей Клементьевич всегда вспоминал как самый счастливый и торжественный день в своей жизни.

В июле 1970 года Алексей Клементьевич Чёрный возглавил краевую партийную организацию крупного промышленного региона с развитым производством. Но проблем по устройству, развитию, улучшению жизнедеятельности края было ещё

витие сельского хозяйства. По инициативе А. К. Чёрного в крае была осуществлена программа комплексного развития сельских территорий. Ударными темпами были построены в пригородной зоне Хабаровска птицеводческие и животноводческие комплексы, созданы десятки новых совхозов. Введены в строй Чернореченский молочный комбинат, Краснореченский, Веренский, Комсомольский молочные комплексы. В декабре 1972 года на территории села Некрасовка было начато строительство двух крупных в крае сельскохозяйственных агропромышленных комплексов — Дальневосточной птицефабрики на 550 тысяч кур-несушек и Хабаровского комбината по

немало. Одна из них — раз-

выращиванию и откорму 54 тысяч свиней в год. Все эти сельскохозяйственные объекты были гордостью А. К. Чёрного.

Вопросы строительства новых объектов в регионе помогала решать и Москва. Многолетние деловые взаимоотношения связывали А. К. Чёрного с депутатом Вер-

А. К. Чёрный во время посещения совхоза «Котиковский» Вяземского района. 1983 год (ГАХК. Ф. Р-2002. Оп. 2. Д. 10).

ховного Совета СССР по Хабаровскому краю Вениамином Эммануиловичем Дымшицом, хабаровское руководство поддерживала министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева. В памяти хабаровчан в эти годы остались и такие события, как пребывание министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, министра обороны СССР А. А. Гречко, генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, секретаря ЦК КПСС по вопросам строительства Б. Н. Ельцина.

1970-е — 1980-е годы были характерны для Хабаровского края высокими и устойчивыми темпами роста экономики и промышленного строительства. Крупным шагом в развитии региона стало усовершенствование транспортной инфраструктуры. Под личным контролем Алексея Клементьевича Чёрного в крае были построены важнейшие объекты энергетики и транспорта. Бурный рост грузопотока на Крайний Север, развитие экспортных перевозок потребовали расширения мощностей порта Ванино. В 1973 году вступил в строй уникальный транспортный комплекс — морская железнодорожная переправа «Ванино — Холмск», сдан в эксплуатацию железнодорожный мост через реку Амур у Комсомольска-на-Амуре. Наиболее крупным достижением стало завершение строительства железной дороги на Восточном участке Байкало-Амурской магистрали.

В 1970-е годы большое внимание уделялось развитию краевого центра, который стал современным промышленным, культурным и научным центром. Во многом благодаря Алек-

сею Клементьевичу Чёрному Хабаровск стал международной плошадкой XIV Тихоокеанского научного конгресса в 1979 году и XII чемпионата мира по хоккею с мячом в 1981 году. Мемориал на площади Славы, гостиница «Интурист», Дом радио, театр музыкальной комедии, краевая больница — всё это создавало неповторимый облик города. «Волей партии,

Первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А. К. Чёрный в рабочем кабинете (ГАХК. Ф. Р-2009. Оп. 2. Д. 62).

трудом и энергией советских людей Хабаровск превращен в современный промышленный, культурный и научный центр обширного края», — говорил А. К. Чёрный [1].

В начале 1980-х годов Хабаровский край находился в рейтинге успешных регионов Российской Федерации. Амбициозные задачи по наращиванию темпов строительства промышленных и социальных объектов стояли на контроле первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС

А. К. Чёрного.

В 1985 году в стране был провозглашён курс на перестройку и ускорение социально-экономического развития. Сначала изредка, потом всё чаще это слово внедрялось в обиход, символизируя будущие глобальные преобразования в стране.

В 1988 году А. К. Чёрный подал заявление об уходе на пенсию. Переехав в Москву, он продолжал поддерживать активные связи с дальневосточниками. О своей работе в крае он написал воспоминания «Остаюсь дальневосточником», рукопись которой и свои личные документы передал в Государственный архив Хабаровского края.

Алексей Клементьевич Чёрный заслужил глубокое и искреннее уважение жителей

А. К. Чёрный во время беседы с министром культуры СССР Е. А. Фурцевой. Хабаровск, 1974 год (ГАХК. Ф. Р-2002. Оп. 2. Д. 55).

края. 19 мая 1994 года Хабаровская городская дума присвоила ему звание «Почётный гражданин города Хабаровска».

В 2005 году на здании Законодательной думы Хабаровского края (ул. Муравьёва-Амурского, 19) ему установлена мемориальная доска.

«...Уезжая в 1942 году из Москвы, я мечтал о том, что закончится война, — писал А. К. Чёрный, — я отработаю на Дальнем Востоке положенное время и вернусь в родные места, буду восстанавливать то, что разрушено войной. Кому приходилось испытывать на себе тягу к родным местам,

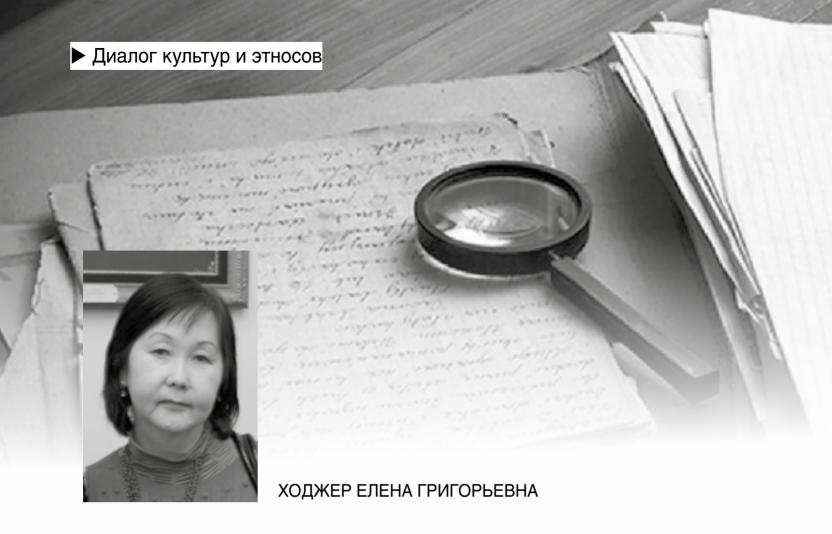
тот согласится, что тоска по родине — сильное чувство. Нужны годы и годы, чтобы она постепенно утихла, чтобы у человека появилась любовь, привязанность к новому месту. Да, я думал, что проработаю на Дальнем Востоке только несколько лет. А оказалось почти полвека. Постепенно росла привязанность к краю, где я жил, обзавелся семьей, где появилась забота о детях и стремление к тому, чтобы хорошела эта земля. Хабаровский край становился для меня все роднее и ближе. Прекрасная земля, на которой жить бы да жить...» [4, с. 461].

Список использованных источников

- 1. [Выступление Чёрного А. К. на торжественном собрании, посвящённом вручению ордена Октябрьской революции. Ноябрь 1971 год] // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 99, Д. 9. Л. 3.
- 2. [Характеристика на А. К. Чёрного, подписанная начальником завода № 637 МКСМ инженером-майором Сергеевым, парторгом
- ЦК ВКП(б) на заводе Шалимовым] // Личное дело А. К. Чёрного. ГАХК. Ф. Р-2002. Оп. 1.
- 3. Чёрный, А. К. Дневниковые записи за 1941–1943 годы // Личное дело А. К. Чёрного. ГАХК. Ф. Р-2002. Оп. 1. Д. 55. Л. 48–55.
- 4. Чёрный, А. К. Остаюсь дальневосточником / А. К. Чёрный. Хабаровск : Этнос-ДВ, 1998. 479 с.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 15.03.2021.

Сведения об авторе: Салеева Лариса Владимировна, заведующий сектором научного использования документов Центра доступа к архивным ресурсам Государственного архива Хабаровского края, заслуженный работник культуры РФ (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: saleeva@archiv.khv.ru; тел.: 8-914-157-60-44, (4212) 30-53-00.

У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья рассказывает о формировании сети учебных и культурно-просветительных учреждений образования коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока в 1920-е — 1930-е годы, о становлении системы подготовки кадров национальной интеллигенции, о Ленинградском институте народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера и Дальнего Востока, образование, просвещение, школы, педагогический техникум, Ленинградский институт народов Севера, Хабаровский край.

Keywords: indigenous small-numbered peoples of the North and the Far East, education, enlightenment, schools, pedagogical college, Leningrad Institute of the Peoples of the North, Khabarovsk Krai.

дной из актуальных тем в истории Дальнего Востока является тема просвещения коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. В Государственном архиве Хабаровского края (г. Хабаровск) собраны документы, которые рассказывают о работе по формированию сети учебных и культурно-просветительных учреждений, по ликвидации неграмотности среди коренного населения Дальневосточного края, о формировании национальной интеллигенции, зарождении нового самосознания в 1920-х – 1930-х годах.

История развития народного образования коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока берёт начало с середины XIX века, со времени заселения Приамурья русскими переселенцами. Первая церковноприходская школа была открыта в 1867 году в стойбище Болонь. Всего в Приамурье было открыто три школы, в канун Октябрьской революции оставалась только Найхинская миссионерская школа.

Новый этап в развитии системы образования начался после окончания Гражданской войны. Декрет Совета народных комиссаров «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 года постановил, что всё население в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать и писать, должно было учиться грамоте на своём родном или русском языке. Ранее, в октябре 1918 года, было принято постановление Народного комиссариата просвещения «О школах национальных меньшинств», которое гарантировало право всех национальностей на обучение на родном языке, для чего создавались государственные единые трудовые школы. До революции национальные школы существовали у ряда наиболее развитых национальностей (например, немцев, эстонцев, латышей, финнов). Но число таких национальностей было невелико. Большая же часть национальных меньшинств, преимущественно восточной группы, не только не имела своих школ, кадров учителей, но даже письменности и литературного языка.

По всей стране стали открываться образовательные и культурно-просветительные учреждения. Одним из важнейших аспектов формирования новой образовательной системы была необходимость выравнивания уровня образования и культуры разных народов, проживавших на огромных просторах государства, в том числе и коренных народов Севера и Дальнего Востока, которых было определено 26 народов.

Первой на Нижнем Амуре была открыта семилетняя школа в селе Кальма, в ней учились нивхи, негидальцы, ульчи, русские. В охотоморском селении Аян красноармейцы открыли национальную школу, в которой обучалось 50 эскимосских детей на их родном языке, учитель Ткачук в это же

время собирал эвенкийский словарь. На 1926/27 учебный год действовали Аянская, Охотская, Тугурская туземные школы с интернатами на 40 человек [5].

Согласно статистическим данным, в 1927/28 учебном году в Дальневосточном крае было открыто 43 так называемые туземные школы с числом учащихся 1 219 человек, работало в них учителями 58 человек [10, л. 98–99]. Все школы были четырёхлетними, при некоторых из них были открыты интернаты.

В 1932 году Дальневосточным крайисполкомом было принято решение о всеобщем начальном обучении народов дальневосточного Севера, в соответствии с ним к 1936/37 учебному году было необходимо охватить всех детей народов Севера всеобучем, включая детей кочевников. К началу 1936/37 учебного года было охвачено 92,5%, или 7 470 человек [1, л. 23]. При исполнении данного решения возникли серьёзные проблемы, о чём рассказал инспектор крайОНО по северным школам В. Ф. Григорьев в беседе со старшим научным сотрудником Ленинградского института народов Севера А. Г. Базановым. Самые большие проблемы были связаны со школьными помещениями: в крае вообще не было зданий для организации школ, приходилось приспосабливать жилые помещения. В итоге первые школы располагались в юртах, чумах, землянках, бывших церквях, то есть не соответствовали элементарным требованиям советской школы. К середине 1930-х годов начали строить первые типовые школьные здания, в 1936 году было построено здание школы в селе Найхин Нанайского района (по тем временам большая школа, рассчитанная на 280 учеников) [1, л. 26]. Найхинская неполная средняя школа была признана одной из лучших северных школ, а директор школы Лац Александр Яковлевич завоевал большой авторитет среди населения, а также учителей и учеников и его неоднократно премировали за отличную работу [2]. Неполные средние школы действовали в Чумиканском районе — в селе Тугур, в Аяно-Майском — в селе Нелькан, в Охотском районе — в Охотске и Арке, в Хабаровской области — в Болони и Найхине, в Буреинском районе — в Чекунде, в Ульчском районе — Кальминская школа.

Особое внимание в статистических данных отводилось педагогическим кадрам, особенно преподавателям из числа коренных народов, на огромный Дальневосточный край их насчитывалось лишь 78 человек [1, л. 28].

Постепенное, но неуклонное развитие школьного дела в районах Крайнего Севера Сибири и Дальнего Востока настойчиво потребовало организации системы подготовки педагогических, медицинских и хозяйственных кадров из среды северных народов.

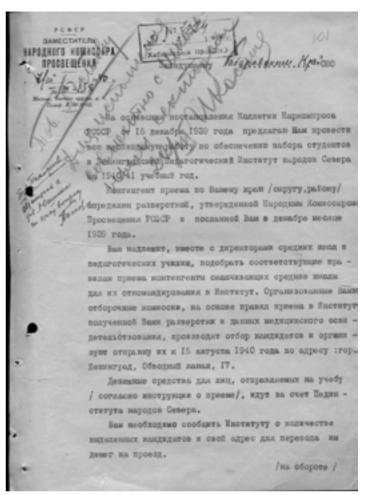
В 1926 году при Ленинградском государственном университете был создан рабочий факультет (рабфак) северных народов. Набор студентов на рабфак проходил невероятно

сложно, потому что было крайне мало грамотных людей. В 1926 году в Ленинград прибыло 26 человек, представителей 11 народностей Севера. На следующий учебный год на Северном факультете обучалось уже 136 студентов.

В фонде исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов хранится протокол заседания бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИК № 72 от 15 февраля 1929 года, на котором был заслушан доклад правления Ленинградского восточного института (ЛВИ) о работе Северного факультета. Докладывал декан Северного факультета ЛВИ Лозовский. В целом доклад приняли и отметили ряд достижений. Например, об обучении студентов из самых отдалённых «туземных» районов, что свидетельствовало о росте авторитета Северного факультета. Следующим серьёзным достижением стало усиление краеведческо-этнографического подхода к подборке и трактовке учебного материала, а также немного укрепилось материально-техническое обеспечение факультета. Но недостатков было значительно больше, в первую очередь указывалось на безответственное отношение руководителей на местах к отбору и отправке будущих студентов в Ленинград, когда направляли на учёбу больных людей или не соответствующих по возрасту. Руководство Ленинградского восточного института недостаточно серьёзно и ответственно относилось к Северному факультету, что заключалось в большой текучке административного персонала, финансовых затруднениях, сокращении учебных часов, плохом оборудовании учебных кабинетов и мастерских (для преподавания промысловых дисциплин). Большим минусом была перегруженность учебных групп (до 27 человек) и при этом небольшой штат воспитателей, что крайне затрудняло организацию учёбы, воспитательной работы и в целом адаптацию молодых северян к жизни в большом городе и другое.

По итогам совещания Комитет Севера принял решение поставить перед Учёным комитетом ЦИК СССР вопрос о необходимости выделения Северного факультета Ленинградского восточного института в самостоятельное учебное заведение с непосредственным подчинением Учёному комитету и с предоставлением Комитету Севера права наблюдения и контроля над работой нового учебного заведения [6].

Северный факультет был преобразован в Институт народов Севера 1 января 1930 года, так в Ленинграде был создан «чудесный чум» — Ленинградский институт народов Севера (ЛИНС), как его ласково называли многие студенты-северяне. Осенью 1930 года по развёрстке Дальневосточный край командировал в Ленинградский институт народов Севера 56 представителей коренных народов [9]. В 1931 году состоялся первый выпуск, 15 выпускников разъехались в национальные округа и районы. Им было поручено изучать языки народностей, среди которых они будут работать, и составлять буквари на их родном языке.

Письмо заместителя народного комиссара просвещения Сергеенкова заведующему Хабаровским крайОНО об обеспечении набора студентов в Ленинградский институт народов Севера (ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 54. Л. 101).

На шестом расширенном пленуме Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, состоявшемся в конце марта 1929 года, особенно настойчиво в работе пока ещё Северного факультета Ленинградского восточного института указывали на то, что в обучении студентов необходимо больше внимания обращать на производственное и промысловое направления и на сохранение тесной связи студентов со своими родными местами, что давало бы гарантии их возвращения после учёбы на работу среди своих народностей [7]. При формировании преподавательского состава так же возникали проблемы, поэтому предложено было более тщательно отбирать людей, знакомых с положением на Крайнем Севере, и тем «гарантировать постановку воспитательного и образовательного дела в направлении, соответствующем нуждам малых народов Севера» [8].

Учебные заведения начали открываться и на Дальнем Востоке. Одним из первых в 1926 году было организовано так называемое туземное отделение при Хабаровском педагогическом техникуме в составе трёх групп, в том числе двух подготовительных и одной основной [10, л. 79].

В 1929/30 учебном году в Хабаровске был открыт техникум народностей Севера, который выделился из Хабаровского педтехникума в самостоятельное учебное заведение, став школой подготовки учителей, кооперативных и советских работников. Первый выпуск состоялся в 1930/31 учебном году, его очень ждали, потому что вопрос кадров стоял остро, большинство учителей-практиков не имели ни специальной педагогической подготовки, ни достаточного общего уровня образования. Затем техникум был переведён в Николаевск-на-Амуре.

Студенты как Ленинградского института народов Севера, так и первых учебных заведений на Дальнем Востоке стали первыми учителями, учёными, писателями, поэтами среди своих народов, словом, национальной интеллигенцией.

В документах Государственного архива Хабаровского края имеется личный фонд Сулунгу Николаевича Оненко, одного из первых учёных из числа представителей коренных малочисленных народов. Сулунгу Николаевич был направлен на учёбу в Ленинградский институт народов Севера в 1935 году, в 1939-м он окончил педагогическое отделение ЛИНС, получив среднее образование и специальность «учитель начальных классов».

Во время учёбы в Ленинграде С. Н. Оненко работал в издательстве Главсеморпути, затем в Ленинградском отделении издательства «Учпедгиз», занимался переводами с русского на нанайский язык детской, художественной и общественно-политической литературы, в том числе и сказок А. С. Пушкина.

С. Н. Оненко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сибирского отделения Академии наук СССР, участник Великой Отечественной войны. 1964 год (ГАХК. Ф. Р-1036. Оп. 8. Д. 836).

В 1939 году он был призван в ряды Красной армии, прошёл всю Великую Отечественную войну. Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За оборону Кавказа».

После войны С. Н. Оненко окончил Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, факультет народов Севера, а затем аспирантуру при Институте языкознания АН СССР, успешно защитил диссертацию по теме

Джанси Батович Кимонко, удэгейский писатель.

«Развитие словарного состава нанайского языка в советскую эпоху». Сулунгу Николаевич — один из первых учёных-языковедов среди коренных малочисленных народов Севера. Им создан большой нанайско-русский словарь академического типа, написано более 50 научных работ, посвящённых вопросам лексики, фонетики. морфологии нанайского языка, а также истории нанайского народа [3].

В фонде известной дальневосточной писательницы Юлии Алексеевны Шестаковой имеются документы Джанси Батовича Кимонко, первого удэгейского писателя, который в 1934—1936 годах учился в Ленинградском институте народов Севера. Именно в институте под руководством известного этнографа Е. Р. Шнейдера он работал над первыми учебниками на удэгейском языке, увлёкся изучением народного фольклора. В Ленинграде Джанси Батович написал свои первые литературные произведения: стихотворения и рассказ «Бата», позже вошедший в повесть «Зарево над лесами». Затем он был направлен на курсы советского строительства и, вернувшись в родное село Гвасюги района имени Лазо, работал председателем сельского совета. Джанси Батович Кимонко трагически погиб на охоте в 1949 году.

Ю. А. Шестакова в годы Великой Отечественной войны была в командировке в хорской тайге, где знакомилась с жизнью удэгейцев, изучала удэгейский язык, тогда же она заочно познакомилась с первыми произведениями Джанси Кимонко. После окончания войны с милитаристской Японией Д. Б. Кимонко вернулся на родину, и Ю. А. Шестакова помогала ему в работе над повестью «Там, где бежит Сукпай», затем отредактировала и перевела на русский язык это первое произведение удэгейской литературы [4].

Выступление Ю. А. Шестаковой перед школьниками и жителями села Гвасюги района имени Лазо на открытии памятника удэгейскому писателю Джанси Батовичу Кимонко. 1975 год [4, оп. 2, д. 23].

Документов первого нанайского писателя Акима Дмитриевича Самара в нашем архиве, к сожалению, нет, но сохранились документы о первом руководителе Нанайского района Богдане Ивановиче Ходжере.

Б. И. Ходжер родился в селе Верхнем Нергене, был участником Гражданской войны. Богдан Иванович учился в Ленинградском институте народов Севера в 1928—1930 и 1931—1934 годах [11]. Приезжая на родину, он помогал осваивать грамоту, рассказывал о Ленинграде. Доучиться ему не дали, вызвали на родину, необходимо было создавать Нанайский район. В июне 1934 года Б. И. Ходжер был утверждён председателем оргкомитета по организации Нанайского района, на I съезде Советов Нанайского района 15 октября 1934 года был избран председателем Нанайского райисполкома.

Справка Б. И. Ходжера [11].

Известно, что в годы учёбы в Ленинграде Богдан написал воспоминания «Как я партизанил», они были опубликованы в журнале «Тайга и тундра». В трилогии Г. Г. Ходжера «Амур широкий» прообразом главного героя является именно Б. И. Ходжер. В своей статье «Талант, закопанный в землю» Г. Г. Ходжер предположил, что, возможно, в институте Богдан Иванович начал писать прозу и продолжил своё творчество на Амуре [12].

Наряду с первыми экономическими мероприятиями: созданием интегральной смешанной кооперации, укреплением традиционного промыслового хозяйства, предпринимались меры по сохранению традиционных культур народов, «включению» их в единую многонациональную культуру страны. В результате была ликвидирована неграмотность, созданы письменности для ряда северных народов, возникла национальная литература, музыкальные, хореографические ансамбли, театры, открыты специализированные учебные заведения, началось издание литературы, в том числе букварей и книг на родном языке, и многое другое.

Список использованных источников

- 1. Беседа инспектора КрайОНО ДВК по северным школам тов. Григорьева В. Ф. со старшим научным сотрудником Ленинградского института народов Севера тов. Базановым А. Г. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 36.
- 2. Докладная записка о школах дальневосточного Севера // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 36. Л. 48, 59.
- 3. Личный фонд С. Н. Оненко // ГАХК. Ф. Р-696.
- 4. Личный фонд Ю. А. Шестаковой // ГАХК. Ф. Р-2101.
- 5. Проект штатов учреждений, подведомственных Дальневосточному краевому отделу народного образования, состоящих на госбюджете на 1926/27 года // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
- 6. Протокол заседания бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИК // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 2. Д. 10. Л. 10, 10 (об.).

- 7. Протокол заседания VI-го расширенного пленума Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 2. Д. 10. Л. 61, 69, 69 (об.).
- 8. Резолюция по отчетному докладу Комитета Севера при Президиуме ВЦИК и докладам местных комитетов // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 2. Д. 10. Л. 127.
- 9. Сводный отчет Дальневосточного краевого отдела народного образования за 1929/30 уч. год // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 28. Л. 18–19.
- 10. Сводный отчет Хабаровского краевого отдела народного образования о работе за 1927/28 учебный год // ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 11.
- 11. Справка [Б. И. Ходжера] // ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 538. Л. 89.
- 12. Ходжер, Г. Г. Талант, закопанный в землю: из дневника писателя / Г. Г. Ходжер // Тихоокеан. звезда. 2001. 24 апр. С. 3.

Фотографии и цифровые копии документов предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 02.02.2021.

Сведения об авторе: Ходжер Елена Григорьевна, ведущий архивист сектора по работе с пользователями архивной информации Государственного архива Хабаровского края (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: oip@archiv.khv.ru; тел. (4212) 32-66-97.

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассматривается представленная в «Словаре русских говоров Приамурья», «Фразеологическом словаре русских говоров Приамурья», «Частушках, собранных Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области» диалектная лексика и фразеология, отражающие языковую картину мира переселенцев, относящиеся к концепту «война», к темам и смыслам, входящим в данный концепт. Диалектизмы исследуются с точки зрения эмоционального и оценочного восприятия собирательной диалектной личности — жителя Приамурья XIX—XX веков. Материал представлен в диахронном аспекте.

Ключевые слова: диалектная лексика, фразеологизм, диалектизм, диалектная личность, устойчивые сочетания.

Keywords: dialect vocabulary, phraseme, dialecticism, dialect personality, stable combinations.

од языковой картиной мира в данной статье понимается совокупность представлений о мире в обыденном сознании языкового коллектива, конкретно — жителей Приамурья XIX—XX веков. Языковая картина мира — это отражённый

в языке специфический способ восприятия диалектоносителями устройства мира; концептуализация окружающего пространства, исторически сложившаяся в сознании и понимании диалектоносителей.

Концепт — это совокупность понятий об идее, смысловое и тематическое отражение реальной действительности в каком-либо представлении диалектоносителей.

Цель статьи — описание концепта «война» в языковой картине мира жителей Приамурья в аспекте рассмотрения тем, мотивов, значений, входящих в концепт.

Концепт «война» в языковой картине мира жителей Приамурья неразрывно связан с темой горя (несчастья), что наиболее часто фиксируется в «Словаре русских говоров Приамурья», «Фразеологическом словаре русских говоров Приамурья», «Частушках, собранных Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области».

На долю жителей Приамурья выпало много испытаний: революции, войны. Информанты говорили, что часто приходилось войны отводить. Проводить жизнь в боях, походах, воевать. Казаки только воевали, войны отводили, а крестьяне не воевали. Войны отводили, а крестьянствовать некогда было [1, с. 292].

Тема войны в источниках совмещается с мотивом внезапности войны. Ср.: Тут война нас перестигла, всё хозяйство осталось (застала врасплох) [1, с. 311]. Ему на службу идти строк пришёл, тут война началась [1, с. 116]. Тут война нас подстигла, сын у меня погиб [1, с. 326]. А потом война поднялась, меня цапэ [1, с. 471].

Самое частое воспоминание у жителей Приамурья о войне — это **непосильная работа**, которая занимала практически всё жизненное пространство переселенцев в эти нелёгкие годы. Жителями Приамурья они назывались заворушенными годами. Беспокойные годы — это заворушенные годы. Чижало было всем [1, с. 138]. Колотное время. Тада, в войну-то, было время больно колотное (трудное, беспокойное). Да, помыкались мы в военные годы... [1, с. 188].

Об интенсивности, чрезмерности работы в войну свидетельствуют выявленные обширные синонимические ряды экспрессивных глаголов со значением «наработаться» (чрезмерно) — намантулиться, набучкаться, напластаться; «отработать» (длительный срок) — отбухать, отдюбать, отбуцкать и другое. До того доработаюсь, что концы видятся. Думаю, всё, скоро помирать [1, с. 63]. В войну нас как запятят (отправят в отдалённое место) на лес, так всю зиму в тайге работать [1, с. 151]. ЗАГРОХАТЬСЯ. Упасть, сильно

ударившись. Катала вагонетки с кирпичом, старалась не загрохаться, за битый кирпич вычитали с зарплаты [1, с. 140].

Диалектное слово «передюжить» синонимично общерусским выражениям перенести много горя, выдержать все беды, пережить все горести. Ср.: ПЕРЕДЮЖИТЬ. Перенести, выдержать. Как еле передюжили голод-то раньше. Счас-то хорошо все живём. Я всё передюжила в войну, чё только не было [1, с. 309].

Респонденты постоянно затрагивали **тему смерти**, говоря о войне. Ср.: *Во время войны много погинули, и дочь погинула двадцати семи лет.* Четвёртый сынаха погинул. Погинули в войну мужики. Сколько людей в ту войну погинуло [1, с. 320].

Война в сознании диалектоносителей всегда сопряжена с голодом. Ср.: Почапываемся от голоду, кое-как дошли до дому [1, с. 343]. Картошка, перезимовавшая в земле, из которой в голодные годы войны пекли лепешки. Гнилушка заколебала в детстве [1, с. 87]. До 51 году народ сильно голодовал [1, с. 343]. Голодяшка в лесу заставляла и медвежатину есть. Раньше голод был, так мы дикушу мололи и ели. Дикуша цветёт беленьким, розовым, она вьется, как вьюнчик, все заплетат. Трава (какая?), которую в голодное время давали на корм скоту. Пучки в войну собирали, привозили домой, обваривали их кипятком и кормили ими скот. В голодный год лебеду ели, потом кака-то скрипучка, ее тоже ели. Цыганка в огороде растет. Красненька така, сверху зелёна. Ели мы цыганку от голода [1, с, 113]. По контрактации мы должны были сдавать масло государству, мясо и яйца. В военные годы была контрактация, ну, вроде налога, сдавать нужно было обязательно. Сам не съел, а государству отдай [1, с. 191].

Холод также в военные годы приводил дальневосточников в бедственное состояние. В результате появился в употреблении диалектоносителей фразеологизм за шпоры зайти. Замерзнуть. Погода холодна, ноги замерзнут, аж за шпоры зайдут, юбкой закроешь да погреешь. [1, с. 143]. Холод также называли клящим. Вероятно, от слова «клясть». Ср.: КЛЯЩИЙ. Очень сильный, лютый (о морозе). Кляшшие морозы в декабре. Кляшшие? Дак это сильные морозы так зовут [1, с. 182]. Зубы вылетают. О состоянии сильного переохлаждения организма. Сидишь на санях на холодных, аж зубы вылетают [1, с. 67]. Хордом трясти. Лихорадить, морозить. Его прям хордом трясет [1, с. 138].

Затем в списке изводящих человека бед во время войны, приносящих большое горе, следуют:

- эпидемии, болезни: *ПОХОРОНЬЕ*, собир. Похороны. Корь пошла, тода сплошное похоронье, дифтерия пошла, опеть похоронье, по сорок гробов утаскивали [1, с. 342];
- **большая смертность детей**: вытаскала ребёнка девять месяцев, а он помер [1, с. 80];

- потеря сбережений, имущества: прахом ушло. Экспр. Пропало. Че было нажито, все прахом ушло в первые дни войны. Я ребятишек кормила, все меняла на продукты [1, с. 141]. Мать нужду большую с нами несла. В войну ребятишек одевать трудно было: деньги-то туги были [1, с. 110];
- бедность: быть голяка. Быть разутым, раздетым. Обуваться не в чего было, и одёжи не было, был я голяка всегда [2, с. 24]. Г О́Л-ГОЛ О́М, нареч. Бедно. Жили гол-голом: ничего нету [1, с. 88]. Лохмотами трясти. Пренебр. Жить в нужде и бедности. Всю жись лохмотами трясли, то война, то после войны. А че я одна могла сделать? Счас только и стали жить, а раньше больше лохмотами трясли [2, с. 138]. Ремками трясти. Экспр. То же что лохмотами трясти. А мы че видели, особенно в войну, ремками трясли. Одна куфайка на всех была [2, с. 138].

Особое место в перечисленном ряду занимает **сиротство**. Тема сиротства как особого состояния горя во время войны отражена в «Словаре русских говоров Приамурья». Ср.: **В сиротстве жить.** Быть сиротой. Мы тоже в сиротстве жили, без отца, без матери — горя хватили [1, с. 133].

Часто респонденты затрагивали **темы вдовства, потери близких:** Пришла гумага, сколь с ею похоронных гумаг приходило. Кода похоронка-то пришла, я неделю дурниной орала [2, с. 93]. **Дурниной реветь.** Экспр. То же, что орать дурниной. Ой, кода похоронка пришла нам, я месяц дурниной ревела. Вся деревня голосила. Нам ведь третьим пришла похоронка [3, с. 114]; На берег выскакали, ревели все, плачем [1, с. 79]; **ОБГОЛОСИТЬСЯ.** Наплакаться, причитая. Я там, на могилках, обголошусь, обплачусь вся. Маруся обголосилась вся, ведь сына потеряла [1, с. 273]. **ОБПЛАКАТЬСЯ.** Наплакаться чрезмерно. Я там обголошусь, обплачусь на могилках [1, с. 277].

Смех и юмор в годы войны помогали поднять бодрость духа воинов и работников тыла. Так, военная частушка стала переделкой песни «Если завтра война, если завтра в поход» и высмеивала ничем не обоснованную браваду популярной довоенной песни:

Если завтра война,

Мы убьем кабана,

Ж... порохом набьем,

Всех фашистов перебьем [3, с. 68].

«Я не знаю, как у вас, а у нас в Америке»:

Лексема «эрзатка», зафиксированная в «Словаре русских говоров Приамурья», является ироничным прозвищем девушек в военной форме, созвучно слову «солдатка». Ср.: ЭРЗА́ТКА. Ирон. Солдатка. Девки все в военной одёже, мы их эрзатками звали [1, с. 504]. Отношение у дальневосточников к женщине в форме и на войне — недоверчивое и насмешливое. Ср. частушку с традиционным насмешливым зачином по типу «Я не знаю, как у вас, а у нас в Италии», Я не знаю, как у вас,

А у нас в Киргизии

Девяносто лет старуха —

Командир дивизии [4, с. 111].

Здесь уточнение местности «Киргизия», как и в подобных частушках, где употребляется «Италия», «Америка», а не Приамурье, подчёркивает нелепость небывальщины. Ср. также:

Баба пьяна напилась,

Во солдаты подалась.

Не берут ее в солдаты —

У ей волосы косматы,

Не берут ее туды —

У ей волосы седы [4, с. 91].

Чтобы поддержать боевой дух дальневосточников во время войны, власти вели идеологическую работу, например, показывали кино о войне. Ср.: **ставить кино**. Показывать фильм. *Баржи ходили, военные кино ставили на баржах* [1, с. 418].

В частушках военных лет фиксируется тема любовной тоски о возлюбленном:

Далеко он далеко,

Во самой Германии,

Где советские герои

Берлин-город заняли [3, с. 68];

Коля мой, Коля мой,

Коля маленький,

А у Коли на груди

Орден аленький [3, с. 69].

Любовная тема, безусловно, входит в концепт «война» в русских говорах Приамурья:

Ой, подружка дорогая,

Наши милые в бою

Проливают кровь горячую

За Родину свою [3, с. 68].

Тема **помощи и поддержки фронту** также встречается в обозначенных источниках:

Свой батистовый платочек

Не буду повязывать,

Отошлю бойцу на фронт.

Раны перевязывать [3, с. 68].

Письма на фронт любимому — ещё один штрих, дополняющий концепт «война»:

Стой, машина,

Стой, вагон,

Пошлю милому поклон [4, с. 19].

Отношение к врагу фиксируется резко негативное: Ой, во время войны-то сколько пережили. Лихоимцы фашисты всех губили: и детей, и стариков [1, с. 225]. Вот они-

то, фашисты, несут зло. Зло несли фашисты, ой, како зло несли! Ой, чё немцы делали. Сколько молодёжи поупало [1, с. 342]. Много нас фашист поклал, но и мы их тожить. Как понужнули их (фашистов. — В. П.), и голова полетела, и ноги — всё полетело [1, с. 335].

Итак, концепт «война» представлен в «Словаре русских говоров Приамурья», «Фразеологическом словаре русских говоров Приамурья», в «Частушках, собранных Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области» как нечто внезапное, несущее горе, беду, разруху (бедность), голод, холод, непосильную работу, вдовство, потерю близких, смерти, болезни, сиротство. Наряду с этим в концепт входит любовная тематика: тоска в разлуке по любимому, письма на

передовую, помощь и поддержка фронту, интенсивный труд во имя победы, чтобы мужья и сыновья одержали победу и вернулись домой. Отношение к врагу — резко бескомпромиссное, а к женшине в форме — ироничное и насмешливое.

Ирония и юмор — поддержка боевого духа и настроя — наиболее проявлены в частушках жителей Приамурья.

Таким образом, война прошла красной нитью через жизнь дальневосточников, оставила глубокий след в сознании народа и отразилась в языке. Источники зафиксировали и сохранили народную речь жителей Приамурья, они на сегодняшний день не просто явились собранием слов и выражений, а стали отражением непростой жизни народа, его концептосферы и языковой картины мира.

Список использованных источников

- 1. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
- 2. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.сост. Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2009. — 155 с.
- 3. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области. Ч. 1 / сост.: Б. В. Блохин. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. 136 с.
- 4. Частушки, собранные Г. С. Новиковым-Даурским в Забайкалье и Амурской области. Ч. 2 / сост.: Б. В. Блохин. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. 192 с.

Материал поступил в редакцию 01.03.2021.

Сведения об авторе: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: 680000, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. П. Комарова, д. 2, кв. 21; e-mail: ulius-viktori@mail.ru; тел. (4212) 22-73-80.

Григорий Гибивич Ходжер

ой литературы

Создание и популяризация основоположник нанайской курса проектов социальноий Хабаровского края.

оганизацией «Лаборатория

ФИЛАТКИНА ИРИНА ВИКТОРОВНА

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГРИГОРИЯ ХОДЖЕРА СТАЛО ЕЩЁ ДОСТУПНЕЕ

В статье рассказывается о проекте «Создание и популяризация электронного ресурса "Г. Г. Ходжер — основоположник нанайской литературы"», поддержанном главным управлением внутренней политики правительства Хабаровского края.

Ключевые слова: Ходжер Григорий Гибивич, нанайская литература, документы личного происхождения, проектная деятельность.

Keywords: Khodzher Grigorii Gibivich, Nanai literature, personal documents, project activities.

2019-2020 годах Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ) выступила партнёром социально значимого проекта «Создание и популяризация электронного ресурса "Г. Г. Ходжер — основоположник нанайской литературы"». Проект стал победителем краевого конкурса, проводимого главным управлением внутренней политики правительства Хабаровского края, и был реализован автономной некоммерческой научно-образовательной культурно-просветительной организацией «Лаборатория идей». Партнёрами также стали Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) и Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова (ХКМ имени Н. И. Гродекова). Об идее этого проекта и начале его реализации мы уже писали в статье, опубликованной в журнале «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки» [10].

Проект начал свою жизнь 1 декабря 2019 года. Целью его стало обеспечение физической доступности произведений нанайского писателя Григория Гибивича Ходжера и документов об истории и о культуре нанайского народа из библиотечных, архивных и музейных фондов для молодёжи в целях укрепления российской гражданской идентичности. Работа была завершена 31 октября 2020 года. Проект успешно реализован. В ходе его осуществления решены две поставленные задачи. Во-первых, создан и размещён на сайте Дальневосточной государственной научной библиотеки электронный ресурс «Г. Г. Ходжер — основоположник нанайской литературы» [2]. Во-вторых, проведён цикл мероприятий по его популяризации.

Остановимся подробнее на первой задаче. Документы, связанные с жизнью Г. Г. Ходжера, рассредоточены по разным учреждениям, часть их продолжает храниться в семейном архиве писателя. Эта децентрализация не давала возможности представить весь массив документов. Однако, когда возникла идея собрать основные из них в единый ресурс, её реализация не была затруднена какими-либо организационными моментами. Все учреждения — держатели документов — и представители семьи выразили понимание идеи создания единого ресурса и приняли активное участие в проекте. Созданный электронный ресурс включил в себя более 300 различных документов, хранящихся в Дальневосточной государственной научной библиотеке, Государственном архиве Хабаровского края, Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова.

Документы Г. Г. Ходжера были переданы в архив и музей частично ещё при жизни писателя, большая часть после его смерти, в 2009 году. Фонд Г. Г. Ходжера в ГАХК (Р-2213) включает 166 дел, в которых хранятся документы с 1944 по 2014 год. Фонд был создан в 2012 году.

Документы из фонда Г.Г.Ходжера, хранящиеся в ГАХК.

Общепризнано, что личные фонды имеют большое культурное и научное значение. Они являются ценными историческими источниками для изучения истории родного края, так как обычно формируются из документов людей, чья жизнь и деятельность связаны с этим краем. Г. Г. Ходжер — известный писатель и общественный деятель. Его творческая и общественная деятельность способствовала развитию культурной жизни региона. Он был свидетелем и участником важных исторических событий и процессов, происходящих не только в Хабаровском крае, но и на Дальнем Востоке, в России. Личный фонд Г. Г. Ходжера в ГАХК и документы, связанные с его жизнью и деятельностью, хранящиеся в ХКМ имени Н. И. Гродекова, отличаются разнообразным видовым составом. Это и творческие документы (рукописи литературных произведений, заметки, рецензии), документы служебной и общественной деятельности, переписка, фотографии, портреты. Многие из них являются уникальными. Все эти документы в совокупности позволяют увидеть не только конкретного человека, но и развитие событий через его жизнь, личные переживания и отношение к этим событиям [3].

Расскажем о структуре ресурса. Она формировалась в соответствии с имеющимися документами. Разработчики следовали системе принципов, составляющих основу современного архивоведения. Основное меню включает шесть разделов: «Произведения», «О писателе», «О творчестве», «Медиагалерея», «Иллюстративные материалы», «Память». Остановимся подробнее на каждом из них.

В раздел «Произведения» включено семь книг, изданных Хабаровским книжным издательством. Представление полных текстов произведений в ресурсе планировалось сразу. Г. Г. Ходжер является автором значительного количества художественных произведений, изданных в разные годы в разных издательствах на русском и иностранных языках.

Было заключено лицензионное соглашение с правопреемником Хабаровского книжного издательства — АО «Хабаровское книжное издательство». В разделе представлена трилогия «Амур широкий» (книга 1 «Конец большого дома». первый нанайский роман, действие в котором происходит в дореволюционные годы; книга 2 «Белая тишина», роман, в котором описаны события начала XX века: Октябрьская революция и Гражданская война; книга 3 «Амур широкий». завершающая книга трилогии о жизни нанайского народа в советский период), а также «Повесть о матери», лирическая повесть «Эморон-озеро» (о первой учительнице Капитолине Павловне Худановой (Ходжер), документальные повести «Найхинцы» (о ратных подвигах нанайцев на фронтах Великой Отечественной войны) и «Я родился на Неве» (здесь писатель рассказывает о собственной жизни, пути в литературу, своих учителях, коллегах и друзьях).

Второй раздел «О писателе» раскрывает многогранную деятельность Григория Гибивича как человека, гражданина и писателя. Выделен подраздел «Автобиография», включивший текст, в котором Г. Г. Ходжер сам описывает свою жизнь, рассказывает об учёбе в Ленинграде, о своём становлении как писателя. В подразделе «Основные даты» («Летопись жизни Г. Г. Ходжера») зафиксировано 76 основных событий из жизни Григория Гибивича, начиная от рождения до его ухода из жизни. Многие важные события жизни писателя тесно связаны с событиями прошлого, с литературной жизнью страны, например такими знаковыми, как VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве, III Всесоюзное совещание молодых писателей, Всероссийский семинар молодых прозаиков в Ленинграде, Ташкентская конференция писателей стран Азии и Африки, Первая конференция писателей Севера в посёлке Комарово Ленинградской области, конференция солидарности стран Азии и Африки в г. Баку, Третий съезд писателей РСФСР и другие.

В специальном подразделе «Семья» приведены сведения о близких родственниках — родителях, братьях, сёстрах, детях и внуках. Здесь размещено 25 документов — фотографий разных лет, а также документы, характеризующие трудовую деятельность отца писателя — Чеби Николаевича Ходжера: приказ о назначении его директором нанайского национального театра в селе Найхин и грамота о присвоении почётного звания «Мать-героиня» матери Г. Г. Ходжера — Деньке Мизовне, родившей и воспитавшей десять детей. Особое внимание уделено супруге — Таисье Леонтьевне, которая всю свою жизнь посвятила мужу, его творчеству, детям и внукам, была другом, советчиком, музой и самой большой любовью Г. Г. Ходжера. На протяжении долгой творческой жизни писателя именно супруга была первым читателем и литературным критиком всех его произведе-

ний. Хорошо зная особенности сложного почерка супруга, она многократно перепечатывала на пишущей машинке все произведения писателя. Благодаря Таисье Леонтьевне тщательно собран и сохранён писательский архив. Все рукописи, машинописи, переписка, фотографии и другие документы в большинстве своём подписаны, собраны по папкам. Григорий Гибивич всегда честно и справедливо оценивал помощь жены и уважительно относился к её замечаниям, предложениям и советам. В домашней библиотеке сохранились все издания писателя, первый из авторских экземпляров обязательно подписывался жене с любовью, благодарностью и просьбой прощения за все тяготы и трудности совместной жизни [13].

Значительный интерес представляют документы в подразделе «Места». Это небольшие тексты и фотографии, связанные с местами пребывания Г. Г. Ходжера в различные периоды его жизни. Материал расположен в алфавитном порядке. Включена информация о месте рождения — селе Верхний Нерген, о местах, связанных с длительным периодом жизни и учёбы, — Хабаровске и Ленинграде, о местах, в которых он побывал в связи со своей литературной и общественной деятельностью. Это такие города, как Комсомольск-на-Амуре, Киев, Магадан, Москва, Николаевск-на-Амуре, Новосибирск, Ташкент, Рига, Якутск; сёла и посёлки Хабаровского края: Богородское, Гвасюги, Де-Кастри, Джуен, Малмыж, Найхин, Нижние Халбы, Сукпай, Троицкое, Ягодное и некоторые другие. В раздел включено 73 фотографии, запечатлевшие писателя на фоне исторических и природных достопримечательностей, с друзьями и коллегами. Также приведены краткие сведения о населённых пунктах, информация о том, как с этим местом была связана жизнь Г. Г. Ходжера.

В качестве примера приведём отрывки из текста о селе Джуен в Амурском районе Хабаровского края, расположенном на западном берегу озера Болонь. В 1945-1947 годах Г. Г. Ходжер жил в селе Джуен, работал секретарём сельсовета. В своей автобиографии он вспоминал: «Джуен понравился мне с первого дня. День и ночь над селом летели огромные стаи гусей, а вскоре на озере Болонь началось икрометание карасей, сазанов. <...> Влюбился я в джуенцев, милых, наивных, отзывчивых людей, во многом отличавшихся от амурских нанайцев. <...> Поэтому я отправил своих любимых героев романа "Конец большого дома" Поту и Идари на Харпи. Здесь, на горной реке, они познакомятся с озерскими жителями, здесь родится их сын Богдан во время эпидемии оспы. В Джуене они останутся до конца трилогии. Я и теперь часто бываю в этом селе, где провёл лучшие юношеские годы, работал секретарем сельского Совета» [12, с. 374]. «В Джуене я принял окончательное решение — герои моей трилогии должны жить в трёх населённых пунктах — Верхний Нерген, Болонь, Джуен» [12, с. 394]. Г. Г. Ходжер посетил Джуен после окончания института и возвращения из Ленинграда летом 1957 года, впоследствии бывал здесь неоднократно.

Достаточно объёмный текст сопровождает фотографии, сделанные в Ленинграде. С этим городом у писателя было очень много связано. Ленинград, по воспоминаниям дочери Г. Г. Ходжера Елены, всегда был для отца городом мечты. Своим детям и внукам Григорий Гибивич и его супруга Таисья Леонтьевна передали своё уважение и поклонение перед этим городом [13]. В 1949—1951 годах Г. Г. Ходжер обучался на подготовительном отделении Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, в 1951—1953 годах — на историческом факультете Ленинградского государственного университета, в 1953—1955 годах — в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена. В Ленинграде он познакомился со своей будущей супругой Таисьей Леонтьевной. В Ленинграде в 1952 году родился старший сын Г. Г. Ходжера Андрей.

Особое место в электронном ресурсе отведено личным документам Г. Г. Ходжера (35 единиц). Среди них свидетельство о рождении, документы, связанные с его общественной деятельностью в молодые годы, — билет и учётная карточка члена ВЛКСМ, членский билет Всесоюзного добровольного общества содействия армии, билет члена профессионального союза работников начальных и средних школ Севера. Документы, связанные с периодом обучения в Ленинграде, — студенческие билеты, диплом об окончании Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, пропуск в общежитие. Интерес представляют квалификационные билеты спортсмена (шахматно-шашечная секция, стрельба, лыжи), удостоверение к значку ГТО второй ступени, билет члена Всесоюзного добровольного спортивного общества «Искра». Все они свидетельствуют об активном занятии спортом в годы учёбы, характеризуют облик молодого человека — советского студента тех лет.

Представлены документы, относящиеся к трудовой деятельности: трудовая книжка, личное дело, а также документы, связанные с писательской и активной общественной деятельностью, — пакет документов о приёме в члены Союза писателей СССР, билет члена Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, депутатский билет районного Совета депутатов трудящихся Центрального района г. Хабаровска, билет члена КПСС.

Известно, что Г. Г. Ходжер много читал, изучал литературу по этнографии [14, с. 175–176]. Как свидетельство этого представлены пропуск в отдел Сибири и библиотеку Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая (г. Ленинград), читательский билет Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Представлены документы, свидетельствующие о заслугах Г. Г. Ходжера: орденские книжки и удостоверения к орденам Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, медалям «За доблестный труд», «Ветеран труда», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «К 100-летию М. А. Шолохова», удостоверение «Почётный гражданин Нанайского района», грамота о присвоении звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», свидетельство о присуждении пожизненной стипендии за значительный вклад в дело развития культуры и искусства Хабаровского края, другие документы.

В подразделе «Деятельность» представлены протоколы Хабаровской краевой писательской организации, документы о выдвижении на соискание республиканской премии имени А. М. Горького и диплом лауреата премии, рукописный текст выступления на Шестом съезде писателей РСФСР и другие (всего 16 документов). Ряд документов является своего рода продуктом тех явлений общественной жизни, которые происходили, а также средством их запечатления.

Важной частью электронного ресурса является подраздел «Письма» (15 единиц). Известно, что эпистолярные источники выступают важными историческими документами. В качестве примера представлены деловые письма, иллюстрирующие официальные отношения между Г. Г. Ходжером и издательствами (редакции журналов «Советская литература» и «Огонёк», Бурятское книжное издательство), письма частным лицам, представляющие собой акты личного и научного общения. Среди них письма писателя известным учёным-филологам, своим педагогам и В. А. Аврорину (копия), М. Г. Воскобойникову (черновик), два письма А. П. Путинцевой (1971 и 1984 гг.), черновики писем писателям И. А. Ефремову и Ю. М. Нагибину, письмо В. А. Аврорина Г. Г. Ходжеру (1961 г.). В этих письмах обсуждаются деловые вопросы, упоминаются события, происходившие в это время в стране (40-летие полного освобождения Ленинграда от блокады, 60-летие Нанайского района, о работе музея 40-й школы г. Комсомольска-на-Амуре). Это также письменный обмен мыслями и впечатлениями о важных для адресанта и адресата событиях своей и общественной жизни [7]. Например, представленные письма содержат интересную информацию об издании газеты на нанайском языке, о фольклоре народов Севера, развитии нанайского языка. Приведём цитату из письма В. А. Аврорина, уже в эти годы бывшего доктором филологических наук, профессором, крупным специалистом в области тунгусо-маньчжурских языков, североведения и алтаистики: «Жестоко ошибается тот, кто думает, что заботиться о развитии и использовании родных языков значит закреплять национальную обособленность. Ведь язык никогда не был и не может быть целью человеческой жизни и деятельности. Он является средством

общения людей, получения знаний, культурного развития. А средства нужно выбирать такие, которые дают наиболее быстрые и верные результаты. Естественно, что для любого человека лучшим средством будет родной язык, т. е. тот язык, на котором он обычно не только говорит, но и думает» [1].

Особый интерес представляет письмо прозаика, литературоведа, критика, кандидата филологических наук, члена Союза писателей России Афиногена Ивановича Кузьмина председателю Хабаровского краевого отделения Союза писателей России Михаилу Феофановичу Асламову (2012 г.). Письмо это ныне хранится в ХКМ имени Н. И. Гродекова. В электронном ресурсе приведён его полный текст. Содержание письма свидетельствует о том, что А. И. Кузьмин работал над книгой, посвящённой жизни и творчеству Г. Г. Ходжера [5]. В надежде найти черновой вариант этой книги мы решили найти родственников А. И. Кузьмина, так как сам он ушёл из жизни в 2016 году. А. И. Кузьмин родился в Чувашии, работал на Дальнем Востоке старшим преподавателем кафедры русского языка и литературы Камчатского педагогического института, редактором Камчатского областного комитета по радиовещанию и телевидению, преподавателем кафедры литературы Магаданского педагогического института. Значительную часть своей жизни Афиноген Иванович прожил в Чувашии. Он был заслуженным работником культуры Чувашской Республики, почётным гражданином Ядринского района Чувашской Республики [6]. В поисках родственников мы обратились с письмом в отдел национальной литературы и библиографии Национальной библиотеки Чувашской Республики, рассказали о своём проекте и об известных нам фактах творческих контактов между А. И. Кузьминым и Г. Г. Ходжером. Буквально через несколько дней нам пришёл ответ от заведующего отделом национальной литературы и библиографии Галины Павловны Соловьёвой. Наши коллеги нашли родственников А. И. Кузьмина и прислали нам информацию о том, как с ними можно связаться, а также список статей о творчестве Г. Ходжера, имеющихся в фонде Национальной библиотеки Чувашской Республики¹. Телефонный разговор с вдовой писателя Розой Ивановной, которая находилась в Чувашии, подтвердил факт, что её супруг действительно работал над рукописью

книги о жизни и творчестве Г. Г. Ходжера, которого считал «величайшим и талантливейшим писателем современной России, гениальным сыном нанайского народа» [5]. Она обещала провести поиск рукописи в домашнем архиве А. И. Кузьмина по возвращении в Москву. Надеемся, что эти поиски увенчаются успехом.

Значительный массив документов включён в раздел «О творчестве». Это обширный библиографический список литературы, подготовленный специалистами ДВГНБ и включающий 430 названий отдельных изданий произведений Г. Г. Ходжера, публикаций в периодических изданиях и сборниках, статей, интервью, воспоминаний, публикаций о жизни и деятельности, рецензий на произведения.

В этом разделе представлены как опубликованные, так и неопубликованные рецензии (8 единиц) на произведения Г. Г. Ходжера, среди них рецензия Ю. А. Шестаковой на роман «Конец большого дома», Н. М. Рогаля на роман «Белая тишина», В. Пановой на повесть «Чайки собираются над морем». Вера Панова даёт подробную характеристику героям повести, литературного языка, отмечает достоинства и недостатки художественного произведения. «Кухню»

Портрет Г. Г. Ходжера. Художник В. Ф. Бабуров. Семейный архив В. Ф. Бабурова.

¹ Кузьмин, А. И. Женские образы в трилогии Гр. Ходжера «Амур широкий»: [рецензия на трилогию нанайского писателя Гр. Ходжера] / А. И. Кузьмин // Проблемы эволюции русской литературы XX века. — 2001. — Вып. 7. — С. 138–144. — С. 132–138; Кузьмин, А. И. Летописец из Амура: [о писателе Григории Ходжере] / А. И. Кузьмин // Литератур. Россия. — 1999. — 13 авг.; Кузьмин, А. И. Пейзаж в трилогии Гр. Ходжера «Амур широкий»: [рецензия на трилогию нанайского писателя Гр. Ходжера] / А. И. Кузьмин // Проблемы эволюции русской литературы XX века. — 2000. — Вып. 6. — С. 97–101.

писательского труда позволяют представить рабочие заметки к трилогии «Амур широкий», материалы к написанию документальной повести об участии нанайцев в Великой Отечественной войне. Заметка о Малмыжском утёсе из записной книжки и рукопись эссе «Краткая история моего народа в писательском изложении» содержат сокровенные мысли писателя о месте, где он родился и вырос, о своём народе, его истории и культуре [8].

Фонд личного происхождения Г. Г. Ходжера в ГАХК содержит интересную коллекцию фотографий, часть из них включена в раздел «Медиагалерея». Всего здесь представлено 14 фотопортретов. Это фотографии разных лет начиная с 1956 по 1996 год. Интерес также представляют 9 графических портретов, созданных разными людьми, как профессиональными художниками, так и друзьями, коллегами Г. Г. Ходжера. Среди них портрет-набросок, сделанный писателем Павлом Васильевичем Халовым, с надписью «С вниманием внимаю»; портрет, нарисованный академиком Российской академии космонавтики имени К. Э. Циолковского, выдающимся представителем калмыцкого народа Джангаром Бадмаевичем Пюрвеевым; портрет, созданный художником Владимиром Филипповичем Бабуровым; портрет Г. Г. Ходжера, хранящийся в ДВГНБ и представленный на постоянной экспозиции в Тигровом читальном зале библиотеки наряду с портретами других известных дальневосточных писателей². Интересно увидеть портрет Г. Г. Ходжера среди других писателей, возглавляемых Н. М. Рогалем, запечатлённых художником В. Строковым³ в дружеском шарже «Ба! Знакомые все лица...», опубликованном в газете «Литературное Приамурье»⁴.

В «Медиагалерее», в подразделе «Деятельность», представлено 30 фотографий, запечатлевших Г. Г. Ходжера во время командировок, конференций, совещаний, встреч с читателями. На многих фотографиях можно увидеть известных людей, среди них космонавт, дважды Герой Советского Союза Г. М. Гречко, писатели В. Санги, А. Немтушкин, Д. Батожабай, члены Хабаровской писательской организации В. Александровский, Вс. Иванов, Н. Рогаль, Н. Наволочкин, П. Халов, А. Пассар, В. Ефименко, Б. Копалыгин, Ю. Шестакова, Р. Агишев, С. Смоляков, М. Белов и многие другие, представители творческой интеллигенции: художник А. Бельды, поэты В. Еращенко и Анна Ходжер, педагог В. Дигор, краевед С. Реутов.

Шарж «Ба! Знакомые все лица...». Рисунок В. Строкова. Опубликован в газете «Литературное Приамурье» за 28 июня 1974 года.

Некоторые фотодокументы содержат информацию об их создателях. Среди них известные фотокорреспонденты Н. Суровцев, Г. Хренов, В. Беловолов, В. Пильгуев. Благодаря их деятельности запечатлены многие события из жизни края, в том числе визиты сюда известных людей.

В подразделе «Видеоматериалы» даны ссылки на видеоматериалы, представленные в Интернете, на кадрах которых запечатлён Г. Г. Ходжер.

Особый интерес представляет раздел «Иллюстративные материалы». Здесь размещено 13 уникальных фотографий из фондов ДВГНБ, о которых мы уже подробно писали на страницах журнала «Культура и наука Дальнего Востока» [4]. В «Этнографическом фотословаре» помещены фотографии 62 предметов, относящихся к нанайской культуре, из фондов ХКМ имени Н. И. Гродекова, с указанием даты изготовления, автора, кратким научным описанием. Все они сопровождаются цитатами из романа Г. Г. Ходжера «Конец большого дома».

В завершающем разделе основного меню «Память» представлена информация о музеях, хранящих документы, связанные с жизнью и творчеством Григория Гибивича; о школе в селе Верхний Нерген, носящей его имя; о мемориальной доске, установленной на здании по адресу: Хабаровск, ул. Запарина, 90, в котором писатель прожил со своей семьёй значительную часть жизни, материалы о юбилеях писателя.

Представленные документы и тексты, их комментирующие, в комплексе дают достаточно полное представление о жизни, творческой и общественной деятельности Григория Гибивича Ходжера.

Второй важной задачей проекта было проведение цикла информационно-просветительных мероприятий по популяризации ресурса. Была разработана онлайн-викторина,

² Художник не известен.

³ По всей вероятности, это Вячеслав Петрович Строков, выпускник художественно-графического факультета Хабаровского педагогического института, преподаватель, заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства.

⁴ Выпуск газеты за 28 июня 1974 г., хранится в семейном архиве Г. Г. Ходжера.

посвящённая жизни и творчеству Г. Г. Ходжера. Викторина размещена на сайте ДВГНБ (https://fessl.ru/online-viktorina-zhizn-i-tvorchestvo-pisatelya-g-g-khodzhera). Она включает 12 вопросов с тремя вариантами ответов. И хотя итоги викторины подведены и награждены её победители и активные участники, она доступна в Интернете и сейчас.

Первое информационно-просветительное мероприятие было проведено 11 сентября 2020 года в Доме культуры села Верхний Нерген. Это место было выбрано не случайно. Верхний Нерген — родина писателя Григория Ходжера. Здесь он родился 5 апреля 1929 года, окончил семь классов семилетней школы, трудился в рыболовецкой и водолазной бригадах, на сельскохозяйственных работах. Рядом с Верхним Нергеном расположено село Малмыж, где в годы Великой Отечественной войны Григорий Ходжер работал на консервном заводе. Рядом находится знаменитый Малмыжский утёс. Жители села, директор Дома культуры Татьяна Иннокентьевна Заксор, библиотекарь библиотеки Верхненергенского сельского поселения Раиса Почевна Киле гостеприимно встретили представителей краевых учреждений культуры и архивного дела: Дальневосточной государственной научной библиотеки, Государственного архива Хабаровского края, Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, организаторов мероприятия представителей АНО «Лаборатория идей», родственников писателя — сестру Лидию Чебивну и дочь Елену Григорьевну.

Участниками мероприятия стали учащиеся основной

общеобразовательной школы имени Григория Ходжера села Верхний Нерген, которые пришли в Дом культуры вместе с учителем Светланой Алексеевной Бельды. К мероприятию также присоединились взрослые жители села. Программа встречи была насыщенной и разнообразной. Её открыли концертные номера, подготовленные фольклорным ансамблем «Солой Нярги» (рук. Т. И. Заксор) и детскими коллективами «Таоса» и «Лучик» (рук. М. С. Заксор). С рассказом о жизни и деятельности Григория Гибивича Ходжера выступила его дочь, сотрудник ГАХК Елена Григорьевна Ходжер. Старший научный сотрудник ДВГНБ, руководитель АНО «Лаборатория идей»

И. В. Филаткина рассказала о созданном в ходе реализации проекта электронном ресурсе. Участники мероприятия с интересом рассматривали фотографию учеников верхненергенской школы, представленную в электронном ресурсе. На ней среди других учащихся — ученик 1 класса Гриша Ходжер. Это фотография 1936 или 1937 года, единственная фотография того периода, сохранившаяся в семье писателя. Сотрудники ДВГНБ Лада Тимкова и Юлия Скачкова провели занимательную викторину, посвящённую жизни и творчеству Григория Ходжера. Наиболее активные участники получили призы. Дизайнер ХКМ имени Н. И. Гродекова Анна Ершова представила недавно изданный музеем и прекрасно иллюстрированный каталог «Нанайцы», который был подарен принимающей стороне.

В своей книге «Амур — река родственников» Г. Г. Ходжер писал: «В селе Верхний Нерген, где я родился и учился, больше половины села Ходжеры, все девушки Ходжеры — мои сестры, все мужчины — мои братья, а старшие — тёти и дяди, бабушки и дедушки. Другая часть жителей села — тоже мои родственники, потому что они породнились с Ходжерами. Всё село родня!» [11, с. 4]. Мы в этом убедились: из 39 участников мероприятия 13 имели знаменитую фамилию Ходжер.

После окончания встречи в Доме культуры хабаровская делегация, сопровождаемая учащимися школы, поднялась на ближайшую сопку, чтобы с высоты взглянуть на село, имеющее интересную историю, и полюбоваться на прекрасную

Участники мероприятия в с. Верхний Нерген. 11 сентября 2020 года.

природу этих мест. Перед нами раскинулись безбрежные водные просторы. Весь берег был усыпан лодками. Местные жители готовились к путине. Мы сделали фотографии на память и с чувством выполненного долга отправились в обратную дорогу домой, а путь предстоял долгий — больше пяти часов. Мы получили приглашение посетить это село ещё раз. Надо обязательно будет воспользоваться гостеприимством верхненергенцев — особенных, по словам начальника отдела культуры Нанайского муниципального района Галины Александровны Кудрявцевой, людей.

Презентация ресурса также была проведена в

Участники мероприятия у обелиска односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, в селе Дада. 16 октября 2020 года.

Межпоселенческом центре нанайской культуры села Джари Нанайского муниципального района для участников форума «У старых корней новые ветви», организованном отделом культуры администрации Нанайского муниципального района, АНКПО «Грани культуры» и Районным межпоселенческим централизованным клубным объединением На-

найского муници-

В рамках проекта состоялась также поездка в село Дада Нанайского муниципального района. В Доме культуры села собрались учащиеся местной школы, жители села, представители села Найхин. Организаторов и партнёров проекта гостеприимно встретила директор Дома культуры Алла Даниловна Бельды. В програм-

THE SHORE TO THE SHORE THE

Дочь Г.Г.Ходжера Е.Г.Ходжер передаёт афишу спектакля в краеведческий музей нанайского муниципального района. Село Дада, 16 октября 2020 года.

ме мероприятия был рассказ дочери Г. Г. Ходжера Елены Григорьевны о жизни и деятельности своего знаменитого отца. Она показала участникам мероприятия афишу бенефиса солиста Новосибирского академического театра оперы и балета Анатолия Жукова — выпускника Найхинской школы, участника Великой Отечественной войны, которому в повести «Найхинцы» уделена не одна страница. Афиша передана в краеведческий музей Нанайского муниципального района. Также собравшимся был представлен электронный ресурс «Г. Г. Ходжер — основоположник нанайской литературы», рассказано о его структуре, особенностях, информационных возможностях. Особое внимание было уделено документальной повести «Найхинцы» о ратных подвигах воинов-нанайцев на фронтах Великой Отечественной войны, полный текст которой теперь стал доступен всем желающим. Проведена также занимательная викторина. Сотрудник ГАХК Ольга Михайловна Седина рассказала о документах личного происхождения, о том, как важно собирать и сохранять документы в семье. Всем участникам мероприятия была подарена книга Г. Г. Ходжера «Унесённые войной» с автографом автора. Участники мероприятия оставили свои отзывы: «Было познавательно, интересно и просто было замечательно», «Я бы хотела, чтобы такие мероприятия проводились по всей стране, чтобы люди знали о нашем народе».

После окончания встречи в Доме культуры хабаровская делегация посетила обелиск односельчанам, погибшим

в годы Великой Отечественной войны, установленный в центре села. Мы побывали в школе, где в одном из классов организован музейный уголок, в котором представлены предметы культуры нанайского народа. На здании школы установлена мемориальная доска в память о её бывшем ученике, бывшем председателе Нанайского райисполкома, председателе правления общественной организации народов Севера Нанайского района, почётном гражданине района Валерии Михайловиче Бельды. Завершили мы своё знакомство с селом на берегу Гассинской протоки, запечатлев на фото эти красивые места.

В связи с непростыми эпидемиологическими условиями и ограничениями на проведение массовых мероприятий в селе Сикачи-Алян Хабаровского муниципального района было проведено информационное мероприятие только для работников культуры и образования села, в котором также приняла участие глава сельской администрации Нина Игнатьевна Дружинина. Для участников встречи был подготовлен пакет методических материалов для проведения мероприятия, связанного с творчеством Г. Г. Ходжера, представлен созданный электронный ресурс, дана консультация по вопросам использования материалов о жизни и деятельности Г. Г. Ходжера в образовательном процессе и культурно-досуговой деятельности. Состоялся методический разбор материалов игры «Путешествие в мир героев Г. Г. Ходжера».

8 сентября 2020 года презентация ресурса была также проведена для участников II региональной научно-практической конференции «Современная библиотека в едином информационном и культурном пространстве региона», организованной министерством культуры Хабаровского края и Дальневосточной государственной научной библиотекой.

В ней приняли участие 184 человека, в том числе 164 — в режиме онлайн.

А 23 октября 2020 года состоялось заключительное мероприятие проекта — на телеканале «6ТВ» проведена презентация ресурса с рассказом о жизни и деятельности Г. Г. Ходжера. Охват зрительской аудитории составил 19 194 человека. Запись мероприятия представлена также на YouTube-канале ДВГНБ.

Созданный в ходе реализации проекта ресурс даёт возможность познакомиться с жизнью и деятельностью выдающегося дальневосточника, достойного представителя нанайского народа Григория Гибивича Ходжера. Ресурс можно использовать в исследовательской деятельности школьников и студентов. Проект продолжает жить: ресурс представлен в Интернете, викторина доступна для пытливого читателя. Работа может быть продолжена. Так, возможно включение дополнительных документов: рукописей, иллюстративных материалов. Хотелось бы верить, что откликнутся люди, хорошо знавшие Г. Г. Ходжера и сохранившие в своих семейных архивах свидетельства дружбы, творческого и профессионального общения с этим замечательным человеком. Созданный ресурс является также примером того, как важно в семье собирать и хранить документы, которые по прошествии даже небольшого периода времени становятся свидетелями целой эпохи. Реализация проекта стала возможной благодаря партнёрскому сотрудничеству государственных учреждений культуры и архивного дела и некоммерческой организации, оказанной поддержке со стороны органов власти. Полученный результат будет способствовать сохранению и приумножению культурного наследия нанайского народа.

Список использованных источников

- 1. Аврорин В. А. Г. Г. Ходжеру, А. Бельды и А. Пассару. 14.11.1961. Текст: электронный // Григорий Гибивич Ходжер. Основоположник нанайской литературы. О писателе. Письма. [Хабаровск]. URL: https://fessl.ru/khodzher/book/letters.html (дата обращения: 01.04.2021).
- 2. Григорий Гибивич Ходжер. Основоположник нанайской литературы / Автоном. некоммер. науч.-образоват. культурно-просветит. орг. «Лаборатория идей», Дальневост. гос. науч. б-ка, Гос. арх. Хабар. края, Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. [Хабаровск]. URL: https://fessl.ru/khodzher (дата обращения: 01.04.2021).
- 3. Дорофеева, Л. Фонды личного происхождения как источник познания духовных ценностей поколения при проведении генеалогических и краеведческих исследований / Л. Дорофеева. Текст: электронный // PANDIA.RU: [интернет-издание]. Союзная мысль: сб. летописей городов, сёл и деревень Урала и Зауралья. URL: https://pandia.ru/text/77/474/73013.php (дата обращения: 01.04.2021).
- 4. Загородняя, К. А. Этнографические фотографии в составе электронного ресурса «Г. Г. Ходжер основоположник нанайской

- литературы» / К. А. Загородняя, И. В. Филаткина // Культура и наука Дальнего Востока. 2020. № 2 (29). С. 118–123; То же. Текст: электронный. URL: http://kulturanaukadv.ru/pdf/29/118-123.pdf.
- 5. Кузьмин, А. И. [литературовед, член-корреспондент Академии Российской литературы, исследователь творческого наследия писателя Г. Г. Ходжера] М. Ф. Асламову. 11.02.2012. Текст: электронный// Григорий Гибивич Ходжер. Основоположник нанайской литературы. О писателе. Письма. [Хабаровск]. URL: https://fessl.ru/khodzher/book/letters.html (дата обращения: 01.04.2021).
- 6. Кузьмин Афиноген Иванович. Текст: электронный // Чувашская энциклопедия. URL: http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=2859 (дата обращения: 01.04.2021).
- 7. Люцай, И. А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность / И. А. Люцай. Текст: электронный // Молодой учёный. 2017. № 6 (140). С. 375–378. URL: https://moluch.ru/archive/140/39375/. Дата публикации: 12.02.2017.
- 8. О Малмыжском утесе (из записной книжки от 25.07.1993). Текст: электронный // Григорий Гибивич Ходжер. Основополож-

- ник нанайской литературы. О творчестве. Записные книжки и рабочие материалы. [Хабаровск]. URL: https://fessl.ru/khodzher/book/working-material.
- 9. Рукопись эссе «Краткая история моего народа в писательском изложении». Текст: электронный // Григорий Гибивич Ходжер. Основоположник нанайской литературы. О творчестве. Исторические записки. [Хабаровск]. URL: https://www.fessl.ru/khodzher/book/historical-notes.html.
- 10. Филаткина, И. В. Создание электронного ресурса «Г. Г. Ходжер основоположник нанайской литературы» / И. В. Филаткина. Текст: электронный // Вестн. Дальневост. гос. науч. 6-ки. 2020. № 2 (87). С. 50–56. URL: https://fessl.ru/docs-downloads/bookpdf/2020/vestnik-2-87/50-56.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
- 11. Ходжер, Г. Г. Амур река родственников : путевые заметки и размышления / Г. Г. Ходжер. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1965. — 79, [1] с.
- 12. Ходжер, Г. Г. Жизнь моя биография моих книг / Г. Г. Ходжер // Лауреаты России: автобиографии российских писателей. Кн. 2. — Москва, 1976. — С. 374.
- 13. Ходжер, Е. Г. Время уходит, остаётся память / Е. Г. Ходжер. Текст : электронный // Словесница Искусств. 2014. № 1 (33). URL: https://www.slovoart.ru/node/1702 (дата обращения: 01.04.2021).
- 14. Ходжер, Е. Г. Моё богатство... (о личной библиотеке дальневосточного писателя Григория Ходжера) / Е. Г. Ходжер. — Текст : электронный // Вестн. Дальневост. гос. науч. б-ки. — 2020. — № 2 (87). — С. 171–178. — URL: https://fessl.ru/docs-downloads/ bookpdf/2020/vestnik-2-87/171-178.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 05.04.2021.

Сведения об авторе: Филаткина Ирина Викторовна, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки, руководитель АНО «Лаборатория идей», кандидат филологических наук, доцент (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: ivfilat@mail.ru; тел. (4212) 31-28-01.

РОЛЬ ДЕТСКИХ ТВОРЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ ПО ФОРМИРОВАНИЮ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Автор статьи, преподаватель сценической речи с многолетним стажем, принимала участие в качестве члена жюри краевого фестиваля детских любительских театров «Хабаровские театральные встречи — 2020». В статье анализируются итоги фестиваля и рассматривается деятельность детских творческих коллективов по формированию речи во взаимосвязи с социальными изменениями в обществе.

Ключевые слова: фестиваль, любительский театр, детские творческие коллективы, орфоэпия, дикция, звук, ассоциативно-образное мышление, воображение, фантазия, дистанционное обучение, онлайн-общение, зрительный анализатор, слуховой анализатор.

Keywords: festival, amateur theater, children's creative teams, orthoepy, diction, sound, associative thinking, imagination, fantasy, distance learning, online communication, visual analyzer, auditory analyzer.

Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры при поддержке министерства культуры Хабаровского края состоялся завершающий этап краевого фестиваля детских любительских театров «Хабаровские театральные встречи». В связи с введением ограничений на проведение массовых мероприятий фестиваль проходил в заочном формате. В нём приняли участие 12 детских любительских театральных коллективов из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, посёлка Ванино и села Мирного, Еврейской автономной области и других, которые представили на суд независимому жюри спектакли различных жанров. Жюри фестиваля под руководством заслуженной артистки Российской Федерации, народной артистки Хабаровского края, председателя Хабаровского отделения Союза театральных деятелей Российской Федерации Людмилы Александровны Блок просмотрело видеозаписи конкурсных постановок, оценило игру юных актёров, режиссёрское решение, музыкальное и художественное оформление спектаклей. Лучшие детские коллективы рекомендованы для участия во всероссийских фестивалях любительских театров. В Положении фестиваля «Хабаровские театральные встречи», в разделе «Цели и задачи», говорится, что «фестиваль детских любительских театров содействует развитию театрального творчества на Дальнем Востоке, активизирует творческую деятельность детских коллективов и способствует формированию высокохудожественного репертуара» [1]. Но это только маленькая часть тех задач, которые на сегодняшний день выполняют подобного рода фестивали и детские творческие коллективы. В настоящее время очень важно, что фестивали именно ДЕТСКИХ театров сохранены и проходят в нашей стране, они позволяют увидеть тот неоценимый вклад, который вносят самодеятельные коллективы в сохранение и развитие культуры России через воспитание творческой личности.

декабре 2020 года в Доме народного творчества

Когда мы говорим о коррекции речи в детском театральном коллективе, первое, что приходит в голову, — это дикция. Ежегодно в марте в Москве проходит лаборатория преподавателей сценической речи при Союзе театральных деятелей РФ, которую организует кабинет театров для детей. Последние годы ни одна лаборатория не обходилась без мастер-класса логопеда, и это не случайно. Российские логопеды бьют тревогу по поводу серьёзного ухудшения качества произношения звуков русского языка, особенно в области согласных. Причины этого называются следующие: родовые травмы и кесарево сечение; проблемы перинатального периода; нарушение пищевого поведения (дети не жуют яблоки, морковь и т. д.); частые простудные заболевания женщин в период беременности и болезни детей; у некоторых детей точка покоя языка сместилась на кончик

(как следствие — открытый рот, опущенная голова, плохая осанка, затем сколиоз) и другое. Но особенно обращает на себя внимание следующая причина ухудшения речи, которую называют логопеды: отсутствие у ребёнка мотивации к общению. Родители часто занимают детей просмотром телевизора, компьютер тоже не является провокатором разговаривать, телефонные разговоры всё больше переходят в форму СМС, теперь ещё и дистанционное обучение (диалог либо не предусмотрен, либо сокращён во времени) и т. д.

Творческие люди, в том числе преподаватели творческих дисциплин, педагоги-режиссёры, преподаватели по речи, любят учиться, посещать мастер-классы, на которых записывают упражнения, чтобы потом использовать их на практике (всякие «буккаккакакетти», «примбрли», скороговорки и т. д.). Человечество занимается улучшением качества речи, наверное, как только заговорило, упражнений накоплено много. Однако не все упражнения профессионального речеголосового тренинга подходят любительским коллективам, а некоторые даже вредны. Если у ребёнка не просто недостатки звукопроизношения, а дефекты речи: ротацизм, сигматизм, ламбдацизм, дефекты нёбных звуков, дефекты озвончения или смягчения, диагностировать проблему может только врач. В некоторых коллективах любят делать, казалось бы, безобидный самомассаж, однако и массаж может прописать только врач, и он должен быть сделан правильно. (В детективах встречаются примеры, как, например, жена-массажистка неправильным массажем убивает любовницу мужа.) Известно, что дефектные звуки лучше всего исправляются с 5 лет (до 12–14). Когда преподаватель старшекласснику, студенту или взрослому человеку, который хочет исправить недостаток, говорит о проблемном звуке — вызывается вторичная фобия на этот звук. Специалисты центра патологии речи говорят о том, что не надо тренировать звук отдельно, а надо делать тренинг на все звуки. Звуки речи — это сложные образования, которые вырабатываются у человека в течение нескольких лет после рождения. В этот процесс включены сложные мозговые системы и периферия, которые управляются центральной нервной системой. Фонематический слух и фонетический слух совместно составляют речевой слух и осуществляют, согласно исследованиям учёных, приём, оценку чужой речи и контроль над собственной речью. Фонематический слух — это основа правильной речи. Данные исследования физиологии говорят о том, что помощником слуха в распознавании звуков речи является мышечное чувство, человек не только воспринимает звуки, но и активно их воспроизводит. Двигательной базой фонематического слуха являются артикуляционные органы речи. Соотнесение акустических сигналов, соответствующих тем или иным фонетическим системам национального языка,

с определёнными артикуляционными движениями и обусловливает активность, точность и остроту речевого слуха. Причиной недоразвития фонематического слуха, согласно исследованиям учёных, является недостаточное развитие артикуляционного аппарата, недостаточное раскрытие ротовой полости, в результате чего произносится искажённый звук или не произносится совсем.

В настоящее время зрительный анализатор всё больше перекрывает слуховой канал, и это сказывается на речи. Например, это чувствуется в том, как изменяются нормы русского литературного произношения (орфоэпия). В любом живом языке со временем происходят процессы развития и изменения. После Октябрьской революции в силу изменения правописания и массового распространения грамотности обозначился медленно протекающий процесс, где произносительные нормы стали приближаться к орфографическим. В последние два десятилетия, благодаря Интернету, мобильному общению, обучению онлайн, этот процесс ускорился, особенно в произношении сочетаний согласных звуков. Например, правило произношения согласных звуков гласило: «Сочетания "зж, жж" внутри корня произносятся как двойной долгий, но мягкий звук "ж" — /Ж'Ж'/» [2, с. 259]. Хочется заметить, что удивительно, что это правило просуществовало так долго, так как оно, по сути, противоречит другому правилу о том, что в русском языке звуки «Ш» и «Ж» имеют только твёрдое звучание [2, с. 258]. Например, слово «уезжать» и его производные должны были быть произнесены с двумя мягкими «Ж» — «уе/Ж'Ж'/ать». Сегодня всё больше людей, в том числе говорящие по радио и на телевидении, произносят слово «уезжаю» как «уе/ЖЖ/ аю», с двумя твёрдыми звуками «Ж». Это произношение можно услышать в песне «Видели ночь»: В. Цой поёт «Мы видели как уе/ЖЖ/ает последний трамвай» (90-е гг. XX в.). Однако в последнее время, например, на Дальнем Востоке РФ появилась ещё одна форма произношения. Если студенческая группа, например, состоит из 10 студентов, то примерно 2 человека произносят «уе/Ж'Ж'/аю», по старой норме, 5 человек — «уе/ЖЖ/аю», с твёрдым звучанием, но теперь примерно 3 человека уже произносят в соответствии с написанием «уе/ЗЖ/аю». И в песне В. Цоя в наше время в исполнении группы «Чиж и Ко» звучит: «Мы видели как уе/ ЗЖ/ает последний трамвай». Иными словами, в процентном соотношении современное звучание этого сочетания в соответствии с написанием больше, чем классическое произношение, и одной из причин утверждения этого явления явилось наше активное пользование перепиской по мобильной связи. Ранее слово «изжога» по норме должно было произноситься «и/ЖЖ/ога» [2, с. 259], в период самоизоляции и активного дистанционного общения на одном из центральных каналов телевидения появилась реклама

медицинского средства «Гевискон» от изжоги, в котором и женщина, и мужчина уже произносят «и/ЗЖ/ога». Хотя профессиональным артистам и вокалистам стоит рекомендовать побороться за форму «ЖЖ», так как это легче произнести — сказать, спеть. А если учесть, что качество свистящих и шипящих звуков сегодня снижено, то при публичной речи, как под увеличительным стеклом, проявится дефектное звучание и на «З», и на «Ж».

Или, например, сочетание «ЧН». Современная норма произношения — в соответствии с написанием. Исключение составляют несколько слов, где на месте «ЧН» произносится «ШН»: конечно, скучно, нарочно, скворечник, яичница и в женских отчествах [2, с. 262]. В настоящее время в слове «скучно» мы всё чаще слышим произношение в соответствии с написанием. Однако обе эти формы зарифмовал ещё А. С. Пушкин:

Страшно и скучно. (ску/ШН/о) Здесь новоселье, Путь и ночлег. Тесно и ду/ШН/о. В диком ущелье— Тучи да снег... («Страшно и скучно...»)

...По дороге зимней ску/ЧН/ой Тройка борзая бежит. Колокольчик однозву/ЧН/ый Утомительно гремит... («Зимняя дорога»)

Поэзия А. С. Пушкина построена на образах, и эта рифмовка имеет не только, так сказать, «технический» смысл, а через сочетание звуков передаётся разное состояние души скучающего человека. В первом случае произношение «скуШНо» передаёт болезненное состояние человека, безнадёжность, как «в тюрьме». Во втором — несмотря на то, что Пушкин упоминает различные состояния скуки (грусть, печаль, тоска, утомление, однообразность), через сочетание звуков передаётся звон колокольчика: «чн-чн-чн...», но тройка везёт путника к его любимой, и впереди пока неизвестность и есть надежда.

Очень важно, что совершенствование речи ребёнка в творческих коллективах происходит не только так называемыми техническими средствами — упражнениями, а ещё и через образное восприятие звука, слова, фразы, мысли. Если взять любое слово и разобрать его по звукам, создать точную артикуляцию и понять, какое ощущение диктует память мышц, приходит понимание, что через то, как в русских словах соединяются звуки, проявляется смысл слова. Например, слово «праздник». До праздника мы спокойны, мышцы лица свободны. Затем артикуляция

звука «П»: дыхание разрывает сомкнутые губы — что-то начинается. Затем звук «Р»: что-то катится, двигается, закручивается, устремляется куда-то. Звук «А»: широко открытый рот. дыхание выходит легко — апогей празднования. Затем звук «З» — рот на полуулыбке: звук передающий движение, зигзаги, возможно танец. А после звук «Д» — в этом слове пишется, но не произносится (правило о непроизносимых согласных): видимо, наступает момент, когда праздник начинает завершаться, но мы ещё веселимся, празднуем, язык мягко упирается в корень верхних зубов — мягкий звук «Н'». Затем, наверное, мы решаем: заканчивать празднование или нет, нам всегда становится немного грустно, когда что-то хорошее заканчивается, но мы слегка улыбаемся — артикуляция звука «И». И наступает конец веселья, праздник заканчивается — резкий звук «К», если этот звук передать жестом, то чаще всего он получается в виде резкой отмашки рукой вниз. Такое понимание звуков, слов позволяет дикции быть более качественной. Кстати, профессиональные артисты-певцы говорят, что образное восприятие звука — ноты (звук «серебристый», «хрустальный» или «ватный», «войлочный» и т. д.) — облегчает освоение сложной музыкальной партитуры роли.

Сегодня руководители, режиссёры творческих коллективов, в том числе и любительских театров, выполняют, может быть, даже сами того не осознавая, очень важную миссию не только по формированию речи детей, но и по сохранению их умственных способностей: сохранение способностей к фантазии, к ассоциативно-образному мышлению, к мыслительному процессу небытовыми категориями и т. д. Любительские театры занимались этим всегда, но изменилось время. Тестовая система, которая введена в нашу жизнь, не даёт возможности фантазировать: предлагаются три ответа на выбор, и человек сразу заключается в рамки; Интернет предлагает готовые ответы на вопросы, не надо самому добывать знания; даже при подготовке к ЕГЭ можно не читать художественное произведение, а обойтись его пересказом и т. д. Мозг находится не в «тренинге», не экспериментирует, становится «негибким». По данным исследований Российского центра патологии речи, происходит постепенное ослабление работы полушарий головного мозга, нарушается баланс межполушарных взаимодействий и, как следствие, 85% детей, рождённых после 1991 года, имеют нейропсихологические проблемы. Поэтому работа детских любительских театров, любых творческих коллективов приобретает форму «миссии». главной целью которой является не воспитание актёров и режиссёров, а развитие личности, индивидуальности через театр, актёрское мастерство, сценическую речь, пение и т. д. Неважно, какую профессию выберут эти дети в будущем: и учёному, и физику, и математику и т. п., чтобы делать

открытия, тоже надо уметь неординарно мыслить, иметь ассоциативно-образное мышление, уметь фантазировать.

В 2019 году в Хабаровске прошёл Третий национальный театральный фестиваль «Овация» в Краевом дворце дружбы «Русь» среди разновозрастных любительских театров. Члены жюри обратили внимание, что любительские театры из Республики Саха (Якутия) отличаются от многих других коллективов образным решением постановок. Например, в номинации «Обряд» многие коллективы использовали слайды: если «Масленица», то на слайде блины, если узбекский обряд — это казан с пловом и т. д. И эти слайды были какими-то «нетворческими», а как наглядное пособие. Спектакли и обряды якутских театров были созданы в удивительной образной форме, с минимумом декораций: главными действующими лицами были свет, звук и игра актёров. В спектакле были титры — актёры играли на якутском языке, но они были не нужны, всё было понятно, остальное зритель домысливал, фантазировал и был не просто созерцателем, а участником действия...

Год вынужденной самоизоляции и дистанционного общения привёл к тому, что сегодня часто можно услышать и от взрослых, и, что самое страшное, от детей: «Мне и так хорошо: не надо никуда ходить, не надо ни с кем общаться, меня никто не трогает». Сократилась физическая нагрузка на мышцы, снизилась двигательная активность людей. В человеческом организме всё взаимосвязано: мышечная вялость влечёт вялость мозга, а вялость мозга вызывает вялость мышц. У человека появляется осознанное желание не двигаться, не думать о других, самоизолироваться от людей, от проблем общества, страны, мира: «моя хата с краю, ничего не знаю». Однако сколько бы человек не развивал сам себя, даже с помощью Интернета, становление, развитие, совершенствование личности происходит в общении, в диалогах и спорах, в совместной деятельности, где рождаются разные точки зрения. Руководители детских творческих коллективов развивают все сенсорные модальности ребёнка — визуальную, аудиальную и кинестетическую. Творческая работа задействует зрительный и слуховой анализаторы через активное включение в работу всего тела. Раздражение слухового анализатора вызывает зрительное ощущение, которое может проявляться в зрительных образах, а иногда даже имеет форму так называемого цветного слуха. В творческих коллективах ребёнок знакомится с высокой литературой, расширяет свой словарный запас, учится понимать высокие смыслы, вырабатывает и отстаивает свою гражданскую позицию, фантазирует, сочиняет, философствует, закрепляет навык живого общения и многое другое. Культура, искусство (театр, кино, пение, танец, музыка, живопись, литература и т. п.) адресованы душе человеческой: когда мы переживаем эмоцию, мы сострадаем, начинаем размышлять и созидать. Фестиваль «Хабаровские театральные встречи» в очередной раз доказал, что в творческих коллективах развитие подраста-

ющего поколения происходит гармонично. Хочется пожелать фестивалю детских любительских театров, коллективам и их руководителям долгой творческой жизни.

Список использованных источников

- 1. Положение о Краевом открытом фестивале детских любительских театров «Хабаровские театральные встречи». Цели и задачи Фестиваля. Текст: электронный // Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры («КНОТОК»). URL: http://knotok.ru/index.php/creative-house/item/547-polozhenie-o-kraevom-otkrytom-
- festivale-detskikh-lyubitelskikh-teatrov-khabarovskie-teatralnye-vstrechi.
- 2. Сценическая речь: учебник для студентов театр. учеб. заведений / [С. А. Аристархова и др.; науч. ред. И. П. Козлянинова, И. Ю. Промптова]. 6-е изд., испр. и доп. Москва: ГИТИС, 2011. 556 с.

Материал поступил в редакцию 12.01.2021.

Сведения об авторе: Москвитина Наталья Владимировна, доцент кафедры режиссуры, актёрского мастерства и сценической речи Хабаровского государственного института культуры, член Союза театральных деятелей РФ, член Российской общественной академии голоса (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: moskvitina_nat@bk.ru.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ

В статье предложена и рассмотрена идея всеобщего музыкального образования. Это главное условие для развития музыкального мышления и интеллекта, для осознанного развития музыкальных способностей у любого человека, кто хочет читать ноты и играть на инструменте. Для музыкальной педагогики главное — знать и найти эффективные методы обучения. Статья адресована преподавателям музыкальных школ, лицеев, гимназий, преподавателям общеобразовательных школ.

Ключевые слова: музыкальный язык, грамотный слушатель, радость творчества.

Keywords: musical language, competent listener, creativity joy.

Скажи мне, и я забуду. Покажи мне, и я запомню. Вовлеки меня, и я научусь. Китайская мудрость

реди музыкантов-педагогов прошлого были и просветители. Среди них — Гавриил Алексеевич Ломакин и Милий Алексеевич Балакирев. В 1862 году в Петербурге они открыли бесплатную музыкальную школу, она просуществовала довольно долго. Эта школа предоставляла начальное музыкальное образование всем желающим и вела концертную деятельность. При Н. А. Римском-Корсакове школа стала центром исполнения новой русской музыки. В 1906 году в Москве по инициативе композитора С. И. Танеева была организована Народная консерватория. Призвание её распространять музыкальное образование среди населения. обучать хоровому искусству и выявлять талантливых людей, чтобы обучать их игре на музыкальных инструментах. Хотя хоровое пение с тех пор и считалось единственным путём музыкальной грамотности, но оно не может дать полноценного музыкального образования.

В начале XX века идеи всеобщего музыкального образования развивали три композитора-просветителя. Они разработали свои оригинальные системы обучения музыке в общеобразовательных школах. Методику развития музыкального слуха предложил Золтан Кодай (1882–1967 гг.), венгерский композитор и педагог; приобщение к музыке через чувство ритма — немецкий музыкант Карл Орф (1895–1982 гг.). Советский композитор Д. Б. Кабалевский (1904–1983 гг.) сделал доступным понимание музыкальных жанров и стилей. Достижения этих выдающихся просветителей в деле приобщения к музыке огромны. Но главная проблема музыкального образования — проблема музыкальной грамотности — этими системами не решена. Музыкальная грамотность — это способность читать, писать и мыслить на языке музыки.

Ещё примерно 30 лет назад музыкальное образование было одним из самых распространённых и осуществлялось не только в детских музыкальных школах, но и в школах общеобразовательных. Широкие задачи музыкального воспитания и образования масс были направлены как на общее, любительское, так и частное, профессиональное. Та и другая формы в этой непростой области не представляли между собой такого резкого контраста, который наблюдается в настоящее время.

Методы обучения должны соответствовать возможностям времени. Мир давно изменился. Появилась масса новых возможностей. В XX веке не могло быть и речи о том, чтобы обучать игре на фортепиано сразу целый класс или учить

чтению нот с помощью простой компьютерной программы. Новые технологии — это прекрасно. Но машины не могут творить. А развивать творческое мышление и интеллект музыкант может только на музыкальном языке. Музыка нужна каждому человеку для его личного духовного и творческого роста. Пока человек музыкально не образован, он не будет бить тревогу по музыкальной грамотности! До тех пор, пока все наши дети не начнут читать и писать на музыкальном языке, музыкальные уроки будут сокращать и вытеснять из школ. Потерять можно только то, что имел. Люди даже не представляют, что может быть иначе.

Возможно, сплав техники и музыкального интеллекта ещё даст нечто качественное. Но пока мелодичная классика, даже несложная, находит всё меньше и меньше слушателей среди молодёжи. Хотя музыкальное произведение может быть образцом красоты. Классическая музыка, являясь эстетической ценностью, всегда признавалась и признаётся как мощная, живительная и исцеляющая музыка. И это, в свою очередь, сказывалось на общем эстетическом и духовном уровне развития социума. Но только ли на духовном и эстетическом? Об этом никто не задумывался. Человек, испытавший радость творчества даже в самой минимальной степени, цепью рефлексов углубляет свой жизненный опыт и становится иным по психическому складу. В наше время музыкальное образование стало уже немодным. ВИА и оркестры не изменяют ситуации. Звукозаписи перешли на карманный уровень — появились цифровые носители. Нужда в музыкальной грамотности почти совсем исчезла. Популярная музыка упрощается. Её основа — примитивнейшие ритмовые попевки — почти явление донотной эпохи. А развёрнутые, прогрессивные жанры музыки (сонаты и симфонии) совершенно непонятны большинству людей. Многие судят о музыке по качеству записи, возможностям электроинструментов и звуковых эффектов. А если убрать электронную «обёртку» большинства песен? Совершенно примитивный материал, стоит только попытаться сыграть эти песенки на фортепиано. Они не помогают ни развитию музыкального слуха, ни обогащению духовного мира, ни росту творческих способностей и интеллекта. Без грамотных слушателей музыкальное искусство деградирует. Чтобы говорить на языке, его вначале нужно выучить. Это главное условие для развития музыкального мышления и интеллекта.

Язык общения, научный и музыкальный языки развиваются, влияя друг на друга. Одно влияет на другое, создавая в человеке гармоничный баланс логики и чувства, времени и пространства, конкретного и образного. Трудно сказать, что первично. Однако вначале был громадный расцвет музыкального искусства (барокко, классицизм, романтизм, модернизм), и лишь потом последовала техническая революция. А сейчас музыкальное искусство в глубокой

депрессии. Может случиться так, что человеческая мысль, не подкрепляемая больше музыкальным прогрессом, начнёт угасать. А человек, лишённый творческой мысли, обречён на деградацию.

Из эпохи донотной письменности сохранился только фольклор, к примеру, «Щедрик», — этой попевке из трёх нот около тысячи лет. Она проста для повторения, потому и сохранилась в сёлах Украины. Более сложные произведения невозможно было сохранить. И вот когда появился нотный стан и письменный язык (Х в., гениальное изобретение итальянского монаха Гвидо Аретинского), стала стремительно развиваться мысль. Появились симфонии, сонаты, оперы, балеты...

Отношение общества к музыкальному языку можно назвать барометром его умственного развития. Способность слушать, понимать и любить симфоническую и оперную музыку — признак того, что умственное развитие людей достигло высочайшего уровня. Вторая половина XIX века — «серебряный век» культуры. Почти в каждой европейской стране появились гениальные композиторы. С тех пор их музыка является образцом совершенства, и до сих пор никто не создал новой музыкальной классики.

Музыка — это язык, и он, по сути, универсален. Обучение ему основано на общих законах восприятия, запоминания и развития навыков. Но для этого должен быть учитель, который будет поправлять и помогать запоминать. В этом смысле музыкальная педагогика должна владеть и пользоваться методами естественного развития восприятия и становления навыков для каждого, кто хочет читать ноты и играть на инструменте. Главное — знать или найти эффективные методы обучения. Может, так и осуществится идея всеобщего музыкального образования? Ведь музыкальное образование — это не использование, а осознанное создание музыкальных способностей у любого человека. Особенно активно и интенсивно они развиваются в детском возрасте. Ладотональная настройка слуха не является помехой для дальнейших занятий новой музыкой, с ней связана первичная стихия человеческой природной музыкальности. Наоборот, искусственное выдерживание в «несвязанном звуковом пространстве» (атональность, шумы, звуковой хаос вместо естественного ритма — моторность вибраций технических устройств) приводит к печальным результатам, замедляет развитие музыкальных способностей. Это только подтверждает, что органы музыкального восприятия нетренированных или малотренированных людей (детей любого возраста) обладают врождённым стремлением голоса петь в тональности, имеют чувство выразительности интервала, органической потребностью в естественной мелодической логике и жаждой регулярного ритма в движущемся теле.

На наш взгляд, нужна именно такая воспитательная система, которая созвучна «онтологическим характеристикам» музыкального образования, его гуманистической форме и содержанию. Конечная цель этой системы — высвобождение природных сил личности.

Во многих музыкально-педагогических статьях, например «Задачи музыкального воспитания в школе» [2, с. 5], всегда находятся слова о важности музыкального образования и спасения музыки как искусства. Но всё равно большинство людей остаются музыкально безграмотными: не играют ни на одном из инструментов, не способны читать нотный текст, петь по нотам и записывать их.

Учёные обнаружили, что уже в четыре с половиной месяца младенцы предпочитают слушать менуэты Моцарта с небольшими паузами. Эти исследования свидетельствуют о склонности человека к слушанию и о том, что в каждом человеке заложена внутренняя основа для восприятия музыки. Надо помнить о том, что новейшие данные психологии показывают, что требования раннего и всеобщего музыкального воспитания — самые естественные и глубоко соответствующие закономерностям интеллектуального и психического развития личности. Основы музыкальности нуждаются в развитии и развиваются до того, как вступает в силу процесс интеллектуального развития. В дальнейшем музыкальность, ориентированная на элементарную музыку и движение, продолжает своё развитие, захватывая в свою орбиту интеллект. Конечная цель такой системы — воспитание личности в духе гуманизма, высвобождение природных сил личности.

Платон неслучайно назвал музыку главным учебным предметом, изучать который нужно раньше всех прочих. А вот что сказал Кара Караев, воспитавший целую плеяду выдающихся композиторов (среди его учеников был и Владимир Шаинский): «Я думаю о том, что уже вместе с азбукой ребёнок должен бы знакомиться с основными звуками гаммы так же, как с основными красками спектра. Это сделает его богаче, сильнее, разностороннее. Потом, позже он поймёт, что сочетание красок даёт ему ощущение колорита, а сочетание звуков — чувство гармонии, мелодии... И пусть он в дальнейшем не станет ни художником, ни музыкантом: вы ведь не определяете будущую профессию ребёнка, когда читаете ему стихи Пушкина! Пусть дети умеют просто слушать Музыку! Поверьте, это откроет перед ними огромную, неведомую страну прекрасного, куда многие из них отправятся в поиски счастья и радости не только для самих себя, но и для всех людей...» [Цит. по: 5, с. 42].

В музыкальной педагогике есть термин «индивидуальный подход». Однако мы, преподаватели, учим чаще всего своими «традиционными» способами и сетуем на то, что так мало встречается способных, тем более одарённых

детей и студентов. Но музыкальным языком может овладеть каждый. Для педагога музыки термин «индивидуальный подход» должен означать «найти свой путь», найти свой лучший метод, в котором будет преобладать постепенность, последовательность обучения. Метод, который способен помочь обучить не только самых одарённых. Изменилась наша цивилизация, и люди изменились, и свои методы надо в корне пересматривать.

Для маленьких детей помощником в обучении игры на фортепиано может стать компьютер. Компьютерная графика может связать воедино все составляющие музыкального чтения: слух, зрение, координацию и голос. Хорошая программа «погружает» в процесс тренировки, потому что способна немедленно оценивать и давать ценные указания. Увлекательно и сознательно усваивается музыка, например, в компьютерной игре Note Duration («Нотки разной длины»).

И.-С. Бах сказал, что играть на органе — самое простое занятие: достаточно лишь вовремя нажимать нужные клавиши. И он выразил суть игры. Умение вовремя нажимать и отпускать правильные клавиши — основа музыкального прочтения.

Всё бывает в первый раз. Наши дети зачастую лучше нас владеют компьютером. Компьютерная клавиатура — «последовательница» фортепианной. Музыкальный слух, понимание теории, умение играть ноты, владение клавиатурой... — вот бы здесь и помогла компьютерная музыкальная программа! Программа, которая могла бы развивать и руки,

и зрение, и слух. Она должна создавать базовые навыки владения инструментом и голосом и при этом не требовать ни от кого абсолютно никаких знаний или талантов. Время требует объединения усилий всех заинтересованных сторон во имя развития образования, в том числе музыкального.

Исполнять и понимать музыку дети хотят не меньше, чем говорить. И научно-технический прогресс может реализовать себя, используя свои достижения в ликвидации музыкальной безграмотности. Цель — жить с живой музыкой! Пусть мамы играют колыбельные, воспитатели детских садов играют детям простейшие песенки, взрослые дети, подростки, запишут на бумаге собственную мелодию. Главный результат — приобрести способность слушать хорошую музыку, наполняющую душу, такую, как классика «серебряного века». Важны не усилия, а результат. Дав детям музыкальный язык, мы без особого напряжения решим массу других проблем!

Ведь музыка ведёт к обогащению жизненного опыта, а также к привычке мыслить не только понятиями, но и звуковыми представлениями и восприятию музыки как искусства. Тогда появятся навыки критической оценки музыкальных восприятий. Музыка может содействовать развитию у детей инициативы, находчивости, организаторских способностей и многих других качеств, важных и значимых в любой профессиональной деятельности.

Только овладев музыкой, можно её понимать и истинно полюбить.

Список использованных источников

- 1. Кулик, Г. И. Компьютер и музыкальное образование / Г. И. Кулик. Хабаровск, 2001. 46 с. Мир Детства; № 4.
- 2. Музыкальное воспитание в школе: метод. консультации в помощь учителю пения общеобразоват. шк. Вып. 17/сост. О. А. Апраксина; Ин-т худож. воспитания АПН. Москва: Музгиз, 1986. 78 с.
- 3. Кэмпбелл, Д. Эффект Моцарта / Д. Кэмпбелл. Минск : Попурри, 1999. — 320 с.
- 4. Хайнер, Х. Стать музыкантом? Легко / Х. Хайнер. Текст : электронный // Николай Курдюмов : офиц. сайт [дата публикации: 19.12.1917]. URL: http://kurdyumov.ru/esse/music/music00.php.
- 5. Халилова, Ф. З. О фортепианном творчестве Кара Караева / Ф. З. Халилова // Проблемы фортепианной педагогики и исполнительства: сб. тр. Москва, 1978. С. 42–48.

Материал поступил в редакцию 04.02.2021.

Сведения об авторе: Кулик Галина Ивановна, преподаватель фортепиано МБУДО «Школа искусств Хабаровского муниципального района» (г. Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: kulik.47@inbox.ru; тел. 8-924-219-67-70.

КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ОБМЕН В НОВОМ СТОЛЕТИИ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И КОНТРМЕРЫ

В статье анализируются особенности китайско-российских гуманитарных обменов начиная с начала нового столетия. Существуют как государственные инициативы, предпринимаемые с 2000-х годов и положившие начало современному этапу развития (Пекинская декларация от 18.07.2000, формирование правительствами двух стран в ноябре 2000 г. Комиссии по взаимодействию в гуманитарной сфере), так и историко-культурные факторы, которые влияют на упрочение взаимосвязи двух народов. Хотя наши народы влекут друг к другу многочисленные элементы культур наших стран, культурные «рынки» обоих государств уже давно заняты западной культурой, и именно из-за этого фактора в том числе возникают различные проблемы в гуманитарных обменах между нашими странами. Это как раз то направление, где мы стараемся исправиться.

Ключевые слова: гуманитарный обмен, Китай, Россия, культура.

Keywords: humanitarian exchange, China, Russia, culture.

осле окончания холодной войны между Китаем и Россией наблюдалось временное взаимное недоверие. Причинами, как известно, были смена политического режима в России и её геополитика, направленная в первое время на восстановление отношений с Западом. В частности, после того как США принимали активное участие в политике реформ и открытости КНР в 1980-х годах, а также давали установки (руководили) по проведению экономических реформ в России в 1990-х годов, американская культура стала культом молодёжи России и Китая, в то время как собственные национальные культуры двух государств (КНР и РФ) были недооценены молодым поколением.

Хотя благодаря «Шанхайской пятёрке» (с 1996 г.) была создана ситуация доверия между двумя странами в военной и политической сферах с завершения взаимного сокращения вооружённых сил в районе границы¹, тем не менее в течение 1990-х годов Россия и Китай боролись за своё экономическое развитие и не имели достаточно времени и условий для налаживания гуманитарных обменов на высоком уровне в больших масштабах.

Характеристика гуманитарного обмена двух стран с нового столетия

Вплоть до начала нового века, после прекращения финансового кризиса, экономическое и торговое сотрудничество между Россией и странами Северо-Восточной Азии стало более тесным, особенно в области энергетики. Что касается России и Китая, разнонаправленное развитие и многополярный мир стали тем консенсусом для обеих стран, который сопровождался гуманитарными обменами. Рассмотрим характерные для этого процесса моменты.

Поощрения от правительства

В декабре 2000 года была создана Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта (с 2007 г. — Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству, под управлением заместителя председателя Правительства РФ и заместителя премьера КНР). Для Китая, как и для России, это стало первым механизмом иностранного культурного обмена. После многолетних исследований и развития механизм российско-китайского гуманитарного сотрудничества и обмена сформировался в чёткую структуру, которая направляет и регулирует практики обмена. В настоящее время в рамках данного механизма созданы

специальные подкомитеты или рабочие группы для проведения соответствующих обменов в девяти областях, включая образование, культуру, здравоохранение, спорт, туризм, средства массовой информации, кино, архивные фонды, проекты для молодёжи. Таким образом, Москва и Пекин открыли всестороннее общение по гуманитарному направлению на государственном уровне [13].

Впоследствии были организованы и успешно проведены Год России в Китае (2006 г.) и Год Китая в России (2007 г.), Год русского языка в Китае (2009 г.) и Год китайского языка в России (2010 г.), Год туризма России в Китае (2012 г.) и Год китайского туризма в России (2013 г.), Годы дружественного обмена между китайской и российской молодёжью (2014 и 2015 гг.), Годы обмена между китайскими и российскими СМИ (2016 и 2017 гг.), Годы российско-китайского межрегионального сотрудничества (2018 и 2019 гг.), Годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества (2020 и 2021 гг.). Все эти мероприятия позволили двум народам наладить прямой, непосредственный контакт. Через общение людей — работников СМИ и научных сотрудников — положительный имидж России и Китая смог закрепиться в сердцах обоих народов. В частности, следует отметить следующие яркие моменты.

В области образования. По инициативе двух правительств в обеих странах были открыты языковые центры: Центр русского языка имени А. С. Пушкина в Китае и Центр китайского языка и Институт Конфуция в России. Данные центры и институты взяли на себя огромную работу по организации гуманитарных обменов.

В то время, как работа шаг за шагом идёт вперёд, некоторые университеты в обеих странах учредили совместные образовательные программы или совместные институты. В сентябре 2017 года в Шэньчжэне открылся первый совместный российско-китайский университет на базе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Пекинского политехнического института. Таким образом, у российских и китайских студентов появилась возможность получить диплом двух стран. В рамках БРИКС и ШОС университеты двух стран также более тесно сотрудничают на международном уровне.

Кроме того, китайские и российские вузы совместно запустили ряд ректорских форумов и университетских ассоциаций. Необходимо отметить, что самый ранний подобный китайско-российский форум ректоров, который мы можем найти, проводился в 1993 году в Хабаровске Тихоокеанским государственным университетом (бывший Хабаровский государственный технический университет) [5].

Учитывая этот факт, можно сказать, что дальневосточники открыли сотрудничество между российскими и китайскими университетами со времён окончания холодной

^{1 «}Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы» (1996 г.) и «Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы» (1997 г.).

войны. С тех пор университеты на западе России постепенно сосредоточили своё внимание на этой области. Поэтому постепенно возникли известные университетские союзы, такие как Ассоциация технических университетов России и Китая (ATYPK/ASRTU) и другие (см. таблицу).

Таблица. Форумы и ассоциации университетов.

	11	NA
	Название форума / ассоциации	Место основания или первого заседания / год основания
1.	Форум ректоров вузов Дальнего Востока и Сибири РФ и Северо-Восточных регионов КНР	Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск (РФ) / 1993 г.
2.	Ассоциация техниче- ских университетов России и Китая	Харбинский политехнический университет и Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Шэньчжэнь / 2011 г.
3.	Ассоциация Российско-Китайских экономических университетов	Университет международного бизнеса и экономики и Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Пекин / 2013 г.
4.	Форум Ассоциации ректоров транспортных вузов России и Китая	Петербургский государственный университет путей сообщения, г. Санкт-Петербург / 2014 г.
5.	Союз российских и китайских педаго-гических университетов	Пекинский педагогический университет, г. Пекин / 2014 г.
6.	Российско-Китай- ская ассоциация медицинских уни- верситетов	Харбинский медицинский университет и Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, г. Харбин / 2014 г.
7.	Форум ректоров ву- зов России и Китая	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва / 2016 г.
8.	Российско-Китайская ассоциация вузов культуры и искусств	Санкт-Петербургский между- народный культурный форум, г. Санкт-Петербург/ 2016 г.

До четвёртого саммита АТУРК (2018 г.) в её состав уже входят 60 элитных университетов обеих стран: с российской стороны — 15 национальных исследовательских институтов, 4 федеральных университета и 12 университетов — участников проекта 5-100; с китайской стороны — 4 университета из лиги С9, 16 университетов из национального проекта «985», 16 университетов из проекта «Создание первоклассных университетов в мире» (тип А), а также Аомэньский и гонконгские вузы [7]. На 2020 год пятым саммитом ассоциации был запланирован запуск совместного российско-китайского студенческого малого спутника АТУРК [1], однако из-за пандемии мероприятие было отложено.

Тесное сотрудничество в значительной мере способствовало академическому обмену между студентами двух стран. Уже в 2018 году общее количество китайских студентов, обучающихся в России, и российских студентов, учащихся в Китае, в совокупности превысило 90 000 человек, цель на 2020 год была обойти отметку в 100 000 обучающихся [8].

В области культуры. Китайский культурный центр в Москве регулярно проводит множество мероприятий на высоком уровне. Это хорошее место, куда можно пойти всем, кто интересуется китайской культурой. Аналогичную роль выполняет Российский культурный центр в Пекине. Кроме этого, страны постоянно обмениваются делегациями различного уровня. Так, в 2015 году Ляонинская государственная библиотека организовала в Российской государственной библиотеке фотовыставку по китайским традиционным праздникам [14]. Ежегодно проходит обмен опытом между Дальневосточной государственной научной библиотекой (г. Хабаровск) и Хэйлунцзянской провинциальной библиотекой (г. Харбин). Традиционной формой сотрудничества в области искусств является участие творческих коллективов Хабаровска и приграничных провинций Китая в совместных фестивалях и конкурсах [3]. Фестиваль кино и театра «Амурская осень», который имеет семнадцатилетнюю историю, в сентябре 2019 года проводил 4-й фестиваль кино в провинции Ляонин (КНР). С помощью этой платформы российские и китайские режиссёры смогли обсудить искусство кинофильмов [11].

Особое значение в области культурных связей между двумя государствами имеют средства массовой информации, которые воздействуют на общественное мнение, способствуют распространению культурных ценностей двух народов. Сотрудничество в этой области играет большую роль в развитии единого информационного пространства, позволяющего России и Китаю вести полноценный и объективный обмен информацией. В этой связи необходимо отметить, что в ходе проведения третьей конференции Российско-Китайской комиссии было принято решение о создании рабочей группы по совместной работе в сфере средств массовой информации. Российская группа состояла из представителей МИД РФ, ведущих информационных агентств, редколлегий «Российской газеты», «Интерфакса», ВГТРК и других. Китайскую сторону представляли сотрудники радиовещания и кинематографии, члены МИД КНР, департамента пропаганды ЦК Компартии Китая [6].

Благодаря усилиям СМИ обеих стран, сегодня китайские народы могут читать информацию от сетевого издания SPUTNIK (учредитель — МИА «Россия сегодня») на китайском языке, смотреть передачи российского телеканала «Катюша». Россияне могут смотреть передачи китайского телеканала ССТV на русском языке, а также читать информацию о Китае на русском языке на мультимедийной платформе «Россия-Китай: главное» (это совместный информационный проект двух стран, созданный

на основе сотрудничества Международного радио Китая и МИА «Россия сегодня»).

В области спорта. В последние годы в этой сфере у Китая и России стало налаживаться успешное сотрудничество. Китайская генеральная администрация спорта пригласила российских тренеров по фигурному катанию и водному поло для обучения и консультации спортсменов. Местные власти, к примеру руководство провинции Хэйлунцзян, на третьей сессии российско-китайских межрегиональных спортивных обменов и сотрудничества в Харбине подписали ряд соглашений о сотрудничестве с российской стороной, в том числе по четырём зимним олимпийским проектам [15]. Под влиянием мощного российского хоккея уже создано два китайских клуба — «Хэйлунцзян» и «Цзилинь», которые включены в Континентальную хоккейную лигу (КХЛ). Регулярно между двумя странами проводятся молодёжные спортивные игры. а также Международное ралли «Шёлковый путь», которое в 2018 году проходило по пути Москва — Сиань.

Кроме того, в рамках Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству стороны также тесно сотрудничают во многих областях, таких как здравоохранение, охрана окружающей среды, средства массовой информации и молодёжь.

Особенности многоуровневого общения народов

Гуманитарные обмены между китайским и российским народами могут быть более тесными: помимо территориального, существует также ряд таких направлений, как история, культура и постоянное развитие собственных экономик.

Во-первых, продолжение исторической линии. Сегодня всё больше и больше китайских туристов приезжает в Россию, в том числе и пенсионеры, которые составляют значительную часть туристов. Одна из причин — в их молодости китайско-советские отношения были дружественными, советское влияние было очень велико. «Красные мысли» и советская культура сильно повлияли на них, на их мировоззрение. После выхода на пенсию они рады приехать в те места, откуда берут своё начало их детские мечты, посмотреть на Московский Кремль, Красную площадь, петербургский Эрмитаж и другие достопримечательности.

В Китае есть множество «фанатов» советской культуры. Например, народные и советские песни глубоко повлияли и способствовали образованию Шэньянского хорового коллектива «Калинка». Группа сформировалась в 1997 году, средний возраст участников — 70 лет, их положение в обществе разное: есть бывшие госслужащие, врачи, профессора, учителя, рабочие, инженеры и т. д. — и все они способны на творчество. Песни, такие как «Священная война», «Соловьи», «Ой, цветёт калина», «Ой, рябина ку-

дрявая», «Дороженька», являются их главными номерами. Подобные хоровые группы существуют в Даляне и Харбине. Точно так же мы не должны забывать тех, кто передавал советско-русскую культуру и литературу китайскому народу. Это такие известные переводчики и писатели, как Гао Ман (高莽, 1926—2017 гг.), Цао Ин (草嬰, 1923—2015 гг.), Чжан Цзяньхуа (张建华, род. в 1945 г.), Чэнь Шусянь (陈淑贤, род. в 1933 г.) и т. д. Их переводы пьесы «Павел Корчагин», произведений М. Шолохова, Л. Толстого, А. Солженицына и других повлияли на несколько поколений китайских читателей. Министерства культуры России и Китая учредили премии «Россия — Новый век», награды за литературный перевод «Российская литература и искусство», чтобы награждать и поощрять китайских переводчиков, которые сделали великие вклады в перевод советской и русской литературы.

Во-вторых, культурное притяжение. Сегодня китайская культура, особенно традиционная, привлекает россиян разного возраста. Россиян, изучающих китайскую культуру и язык и восхищающихся восточными мудростями, такими как высказывания Конфуция и Лао Цзы, становится всё больше. «Столица — Пекин, актёры — Брюс Ли и Джеки Чан, едят палочками», — ещё недавно таким был среднестатистический ответ на вопрос о китайской культуре. Но сегодня на полках многих книжных магазинов Москвы, в интернет-магазинах, библиотеках можно найти переведённые на русский язык произведения современных китайских писателей. В профильных вузах Москвы, Санкт-Петербурга, на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и других регионах открыта специальность «регионоведение», в учебных программах которой китайская философия и страноведение Китая занимают важную роль. Кроме того, в некоторых крупных городах России открыты центры или школы китайской культуры, где обучают боевым искусствам, тай-чи, рисунку тушью и т. д. Китайская еда, чай и чайная культура тоже набирают популярность у россиян.

Что касается России, её потенциал и преимущества в спорте, искусстве и других областях также привлекают китайский народ и китайский рынок. В 1990-е годы было проведено реформирование китайского спорта — состоялись профессиональные лиги по футболу, баскетболу и т. д., а одними из первых зарубежных участников стали спортсмены из России. Такие имена спортсменов, как Саша, Володя, стали близкими болельщикам именами. В суперлиге по футболу был клуб «Шэньян Хайши», в котором работал знаменитый русский тренер Валерий Кузьмич Непомнящий (позже он работал в футбольных клубах «Шаньдун Лунэн» и «Шанхай Шэньхуа»). Он имел огромное уважение среди местных фанатов и жителей.

Национальные и местные балетные труппы Китая ежегодно приглашают на работу русских мастеров и актёров, на

долгое время приглашают русских преподавателей. Стиль русского балета оказал огромное влияние на китайское искусство. Русские учителя фортепиано усердно преподают во многих государственных и частных музыкальных школах Китая.

В-третьих, объективные результаты экономического развития. Обмен между народами неразрывно связан с развитием экономики, с уходом экономического кризиса и хаоса 1990-х годов. С наступлением нового века Россия вступила в фазу экономического роста. Многие россияне снова решили путешествовать за рубеж, и их количество неуклонно растёт, несмотря на санкции, особенно растёт число путешествующих в Китай. Приведём наиболее яркий пример с островом Хайнань: за первую половину 2017 года, по официальным данным, число российских туристов на курортах острова достигло 126 тысяч, увеличившись, по сравнению с тем же периодом 2016 года, на 246% [9]. Кроме путешествий, множество россиян использовали короткий отпуск для поездки в приграничные китайские города за покупками, медицинской реабилитацией и т. д.

В Китае с увеличением национального дохода родители начали вкладывать средства в образование своих детей. отправляя их в Россию изучать искусство, музыку и танцы, а также участвовать в различных фестивалях, таких как Международный фестиваль-конкурс «Мировые таланты» (г. Москва), Международный фестиваль художественного творчества детей и юношества «Новые имена стран ATP» (г. Хабаровск), Международный фестиваль-конкурс детского, юношеского и любительского творчества «ДАР» (г. Владивосток), Международный фестиваль-конкурс искусств «Праздник талантов» (г. Шэньян) и т. п. Данные мероприятия также выявили особенность: китайские родители зачастую сопровождают своих детей в Россию по причине беспокойства за них и, возможно, ещё из-за шоппинга. Российская же молодёжь более самостоятельна: как правило, для участия в конкурсах искусств в Китае ребят сопровождает обычно только один педагог.

Актуальные проблемы и вызовы на пути развития гуманитарного обмена между Россией и Китаем

Отсутствие активного участия среднего класса и молодёжи. Основной причиной этого является тот факт, что такой инструмент воздействия, как «мягкая сила», в современной форме используется далеко не на все сто процентов. К примеру, российские звёзды массовой культуры почти не известны в Китае, особенно среди молодёжи. Аналогичная проблема существует и с популярностью современной китайской культуры в России. Старшее поколение вот-вот

состарится, а новое поколение пристрастилось к западной культуре. К сожалению, молодые люди двух стран будут меньше знать друг о друге.

Поскольку Запад раньше занял рынки культуры, образования, туризма и развлечения в Китае, китайцы среднего возраста привыкли смотреть голливудские фильмы, игры Национальной баскетбольной ассоциации (НБА), чемпионаты Италии и Англии по футболу. Они также отправляют своих детей в Канаду, Великобританию, США, Австралию на обучение. Большинство молодых людей в Китае больше предпочитают путешествие в Японию, Юго-Восточную Азию или Австралию.

У россиян Китай и китайская культура в целом чаще всего ассоциируются с классической китайской культурой; можно сказать, что здесь сформировалось клише. Что касается современной поп-культуры, то она меньше интересует российскую молодёжь; предпочтения отдаются современной западной культуре и поп-культуре западных стран, Южной Кореи и Японии.

Слабое использование экономического потенциала.

Сотрудничество между КНР и РФ сфокусировано на торговле, энергетике, промышленности и сельском хозяйстве. В этих областях доверие к брендам двух стран пока не дотягивает до европейских, что сделало бы китайские и российские продукты более популярными, соответствующая культура ещё не сформирована. Кроме того, индустрии культуры двух стран почти не проявляют активность, хотя правительства создали ряд проектов сотрудничества, таких как серия национальных ежегодных мероприятий, различные фестивали искусства, культурные фестивали, специальные форумы и посещение стран представителями всех видов искусства. Хотя подобные мероприятия проводятся на постоянной основе, многие проекты так и не были реализованы экономически и не был до конца сформирован рынок народной культуры в обеих странах. Это является причиной того, что число гуманитарных обменов не выросло с увеличением объёма торговли.

Отчуждённость от истории и геополитики. В течение длительного времени международное сообщество много обсуждало, смогут ли Китай и Россия — две большие страны с общей границей более чем 4 000 км — мирно сосуществовать. В том числе высказывалось много негативных мнений, которые так или иначе влияли на элиты двух стран и относились к влиянию въезда китайского населения в Россию (особенно на Дальний Восток), влиянию Китая в Центральной Азии и влиянию инициатив концепции «Один пояс — один путь» на стратегию Евразийского экономического союза... Эти и подобные проблемы и сомнения будут всегда. Поэтому отрадно, что главы двух государств продемонстрировали, как крупные страны могут ладить друг с другом. Правитель-

ственные и общественные мнения двух стран совпадают по следующим пунктам: нужно максимально использовать экономическое взаимное дополнение, формировать общие стратегии и стремиться к общему развитию, после этого Китай и Россия могут осуществить подъём и возрождение. Однако история взаимоотношений двух стран, не всегда гладкая и мирная, и влияние международной среды и геополитики не дают подобному рациональному пониманию полностью устранить взаимные сомнения между Китаем и Россией, особенно в гражданском обществе, где общественное мнение порой противоречиво, есть недопонимание и разногласия. От этого никуда не деться, особенно, когда происходят какие-то особые события. Так, в Китае западные СМИ, долгое время занимавшие интернет-трафик, часто негативно отзывались о России, что мешало китайскому народу правильно понять Россию.

Поэтому необходимо и дальше проводить гуманитарные обмены; Пекину и Москве необходимо объективно смотреть на эту скрытую опасность и более активно направлять общественное мнение, содействовать всестороннему и объективному познанию и пониманию между двумя странами, а также содействовать здоровому развитию двусторонних отношений.

Стратегия развития в новой эпохе

5 июня 2019 года в Московском Кремле Си Цзиньпин и Владимир Путин подписали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнёрства, вступающих в новую эпоху», в котором отмечается, что главы государств двух стран должны играть ведущую роль в политическом сотрудничестве, безопасности, прагматичном сотрудничестве, гуманитарных обменах и международном сотрудничестве — ключевых направлениях всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнёрства. Данное событие показывает, что гуманитарный обмен стал одним из пяти ключевых направлений двусторонних отношений. Поэтому необходимо воспользоваться данной возможностью, чтобы систематизировать гуманитарный обмен в трёхуровневую многомерную систему из государственного, местного и социального уровней, охватывающих образование, науку, защиту окружающей среды, культуру, здравоохранение, социальное развитие, а также спорт, молодёжные и общественные организации.

Такое всестороннее гуманитарное сотрудничество необходимо на национальном стратегическом уровне. Для России эффективное налаживание культурно-гуманитарного диалога с партнёрами на международной арене, в том числе

с Китаем, позволяет формировать объективный и благоприятный имидж страны за рубежом, отвечая интересам увеличения числа её друзей, противодействуя проведению новых разделительных линий, нейтрализуя антироссийские настроения политико-идеологического происхождения [4]. Такое же значение это имеет и для Китая; такой обмен позволяет русскому народу понять прошлое и настоящее Китая и понять стремление китайского народа к мирной обстановке [10]. С другой стороны, в контексте китайско-американской торговой войны и западного лагеря, окружающего Китай, устранение культурных барьеров также будет способствовать развитию торговли между двумя странами.

Основным требованием к развитию гуманитарного и культурного обменов является укрепление связи между народами, поэтому нам необходимо постоянно контактировать друг с другом, находиться «лицом к лицу». На национальном, региональном и местном уровнях необходимо активизировать усилия по осуществлению гуманитарных обменов в обществе. В то же время следует активно направлять общественное мнение в сторону познания и понимания другой культуры и способствовать более всестороннему и объективному познанию другого народа. Оба государства должны в полной мере **УДЕЛЯТЬ ВНИМАНИЕ ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЫХ ТАЛАНТОВ И СОЗДАНИЮ** информационно-аналитических центров с экспертными группами для развития гуманитарных обменов. Кроме того, мы должны продолжать готовить специалистов, которые, помимо своей специальности, знакомы с культурой двух стран, владеют русским и китайским языками и обладают профессиональными качествами в области гуманитарных наук, экономики, торговли и права. С другой стороны, необходимо улучшать условия и возможности для прямого взаимодействия и обмена специалистами соответствующих сфер между двумя государствами, а также создавать и поддерживать бренды и платформы для обменов в культуре и искусстве с участием молодёжи.

Огромную роль в гуманитарном обмене играет туризм. Оба государства для поддержания и роста гуманитарного обмена должны поддерживать развитие туристических направлений. У обеих стран богатейшая культура и история, множество исторических мест и памятников архитектуры, театров, музеев. По информации ассоциации «Мир без границ», Россию в 2019 году посетили 1,2 млн организованных туристов из КНР, это на 12% больше, чем годом ранее [2]. Данный показатель ещё не включает в себя сотни тысяч индивидуальных туристов; в целом показатель может быть и намного больше, если развить сервис и соответствующую инфраструктуру. Это является и огромным потенциалом, источником прибыли для малых и средних предпринимателей, работающих в сфере культуры и туризма в России. Сегодня (до пандемии) можно увидеть положительную динамику в

Москве, Приморском крае, Санкт-Петербурге, Амурской и Иркутской областях.

Обозначим некоторые отдельные задачи, стоящие в настоящее время перед Китаем и Россией. Сегодня на российском рынке присутствует немало китайских компаний, как частных, так и государственных. С одной стороны, они должны больше участвовать в гуманитарном обмене, предоставлять для него платформу и ресурсы, таким образом используя часть прибыли на благо местных жителей. С другой стороны, каждая серьёзная фирма из Китая делает акцент на построении своей корпоративной культуры, традициях и ценностях компании, а также на проявлении через свою деятельность и политику лучших качеств китайской культуры.

А Россия как мировая держава, в качестве преемника советской культуры, науки, образования и других преимуществ, имеет мощнейшую основу в сфере искусства, спорта, особенно зимних видов спорта. Поскольку зимняя Олимпиада 2022 года будет проводиться в Пекине и интерес общественности к ледовым и снежным видам спорта растёт, в Китай могут приезжать и уже приезжают как российские чемпионы, так и профессиональные спортсмены в качестве наставников, тренерского состава для проведения различных мероприятий, в том числе в спортивные лагеря, на соревнования по фигурному катанию. Культура, спорт и искусство — всё это визитные карточки России, и государство должно поощрять их развитие. У посольств европейских стран, посольства США в Китае есть специальный бюджет для продвижения своей культуры и имиджа страны, у посольства России в Китае это направление развито не так сильно, и есть необходимость в улучшении этого направления работы. Наконец, Россия и Китай должны предпринять согласованные действия, чтобы отреагировать на культурное наступление Запада (в том числе и США). Обе страны уважают выбор друг друга и в то же время достигли консенсуса относительно противодействия вмешательству западных стран. Обе стороны имеют сильную мотивацию для выстраивания отношений с западными странами и должны согласовывать эффективные меры для совместной защиты культурной безопасности [12].

Выводы

Китай и Россия связаны горами и реками. В условиях глобализации сферы сотрудничества между двумя странами постоянно расширяются, и люди двух стран также находятся в тесном контакте по причинам работы, учёбы и туризма. В связи с этим очень важно придавать большое значение гуманитарному обмену. Гуманитарный обмен, основанный на культуре, не только является конкретным проявлением государственной «мягкой силы», но и имеет взаимодополняющую функцию, совместную с экономикой и политикой, даже усиливает их эффект. Главное, что основой гуманитарных обменов являются люди. Поэтому от того, как правительство организовало, содействовало и обеспечивало гуманитарные обмены между двумя странами, и будет оцениваться, насколько хорошо оно служило своему народу. Мы уверены, что при хорошем институциональном обеспечении китайско-российский гуманитарный обмен выйдет на новый уровень.

Список использованных источников

- 1. Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК). Текст: электронный // Амурский государственный университет: офиц. сайт. Благовещенск, 2021. URL: https://www.amursu.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/uchastie-v-assotsiatsiyakh/aturk/.
- 2. Китайский турпоток в Россию в 2019 году вырос на 12%, в Москву и Петербург на 23%. Текст: электронный // Интерфакс: офиц. сайт. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/66492/.
- 3. На пути сближения. Текст : электронный // Российская газета : офиц. сайт. URL: https://rg.ru/2019/01/30/reg-dfo/gubernator-habarovskogo-kraia-rasskazal-o-rabote-s-knr.html.
- 4. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Текст: электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. caйт. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/224550.
- 5. Пасмурцев, А. В Хабаровске прошёл форум ректоров вузов России и Китая / А. В. Пасмурцев. Текст: электронный // Мой университет: журн. Тихоокеан. гос. ун-та. 2010. № 2. URL: http://muniver.khstu.ru/glavnaya-tema/2011/04/22/ v-habarovske-proshel-forum-rektorov-vuzov-rossii-i/.

- 6. Сытенко, Г. Н. Российско-китайское культурное сотрудничество на рубеже XX–XXI вв. / Г. Н. Сытенко // Вестник РУДН. Сер. История России. 2013. № 3. С. 101–102.
- 7. Четвертый Саммит ATVPK-2018. Текст : электронный // Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : офиц. портал. — URL: https:// asrtu.urfu.ru/ru/sammit-aturk/.
- 8. 《俄媒:中俄留学交流人数逾9万 2020年有望突破10万人》= [Pocсийские СМИ: количество китайских и российских студентов, обучающихся по обменам, превысило 90 тысяч, и вполне возможно в 2020 году превысит 100 тысяч]. — Текст: электронный // 参考消息网 [Reference News: ежеднев. газ. / информ. агентство «Синьхуа»]. — URL: http://www.cankaoxiaoxi. com/china/20190918/2391147.shtml. — Дата публикации: 18.09.2019.
- 9. 《海南:"三亚日"活动为莫斯科带来椰海韵》 = [Сунь Цзюань. Хайнань: мероприятие «День Саньи» принесло в Москву песнь о кокосовом море / Сунь Цзюань, Сюй Цзинцзюнь]. Текст: электронный // [Сайт информационного бюро Госсовета КНР]. URL: http://www.scio.gov.cn/dfbd/dfbd/Document/1560780/1560780. htm. Дата публикации: 11.08.2017.
- 10. 李亚男: 《论中俄关系发展进程中的人文交流与合作 = [Ли Яньань. О гуманитарном обмене и сотрудничестве в развитии россий-

- ско-китайских отношений / Ли Яньань] // 东北亚论坛 [Северо-Восточный Азиатский форум]. 2011. № 6. С. 115–116.
- 11. 《辽宁 "阿穆尔之秋 "电影文化艺术节在大连开幕》 = [Ляонинский кинофестиваль культуры и искусства «Амурская осень» открылся в Даляне]. Текст: электронный // Информационное агентство Китая: интернет-портал. URL: https://www.chinanews.com/cul/2018/09-27/8637903.shtml. Дата публикации: 27.09.2018.
- 12. **杨雷:** 《论人文交流在中俄伙伴关系建设中的作用》= [Ян Лэй. О роли гуманитарных обменов в построении китайско-российского партнерства / Ян Лэй] // 东北亚学刊 [Северо-Восточная Азия: науч. журн.]. 2019. № 4. С. 81.
- 13. 《中俄人文合作委员会第十七次会议纪要》= [Протокол совещания 17-го заседания Китайско-российского комитета по гуманитарному сотрудничеству]. Текст: электронный // Интернет-портал

- Центрального правительства KHP. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2016-07/05/content_5088410.htm. Дата публикации: 05.07.2016.
- 14. 《 "中国传统节日系列图片展"开幕式在俄罗斯国立图书馆举行》 = [Цюй Хайци. В Российской государственной библиотеке состоялась церемония открытия фотовыставки из серии «Традиционные китайские праздники» / Цюй Хайци, Хуа Ди]. Текст: электронный // Жэньминь Жибао. URL: http://ru.people.com.cn/n/2015/0319/c355954-26717257.html. Дата публикации: 19.03.2015.
- 15. 《中俄体育交流合作会在哈召开》 = [В Харбине прошла китайско-российская конференция по спортивному обмену и сотрудничеству]. Текст: электронный // Феникс: [портал]. URL: https:// news.ifeng.com/c/7fa8rEq44fH. Дата публикации: 30.11.2017.

Материал поступил в редакцию 12.04.2021.

Информация об авторах:

Бушуев Дмитрий Андреевич, магистр кафедры промышленной экологии факультета химической технологии и экологии Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина (г. Москва). Контактные данные: e-mail: d.a.bushuev@yandex.ru.

Лю Синтао (刘兴涛), аспирант кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (г. Москва), руководитель проектов Америки и Европы Международного центра образования и обмена Шэньянского университета (г. Шэньян, КНР). Контактные данные: e-mail: xt83tree@aliyun.com.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «СВАДЬБА»

Предметом исследования настоящей статьи являются выразительные средства и стилистические приёмы в идиостиле А. П. Чехова на материале рассказа «Свадьба». В работе использован уровневый подход. Утверждается мысль о том, что особенности структуры лексического значения слова «свадьба» имеют важное значение в художественном строе рассказа. Выдвинуты предположения о причинах нарушения грамматических норм в репликах героев рассказа. Стилистический строй текста рассмотрен в аспекте употребления выразительных средств языка. Отмечена роль средств выразительности в формировании художественных образов. Одна из задач статьи состоит в выявлении связей между языковыми ресурсами, формирующими авторский текст, и его идеей.

Ключевые слова: уровневый подход, стилистика, идиостиль, лексическое значение, средства выразительности.

Keywords: tiered approach, stylistics, idiostyle, lexical meaning, expressive means.

рассказе «Свадьба» А. П. Чехова (написан в 1887 г.) преобладает описательный тип речи. Авторская характеристика свадебного торжества, лежащего в основе сюжета, представляет особый интерес как в подборе языковых единиц, так и в реализации их потенций. Предметом нашего изучения выступает стиль речи, сложившийся в рассказе, в котором использованы особенности разных уровней языка с целью достичь необходимого художественного эффекта. Известно, что при подготовке рассказа для собрания сочинений писателем была проведена сплошная стилистическая правка. Мастер художественного слова Л. Н. Толстой относил «Свадьбу» к лучшим рассказам А. П. Чехова [12].

Стиль, с лингвистической точки зрения, представляет собой композиционную форму, в которой используются языковые ресурсы языка.

В словаре В. И. Даля указано такое определение слова. поставленного в заглавие рассказа: Свадьба — обручение, совершение брака, со всеми брачными обрядами и пирушками [3, с. 145]. В словарной статье заключено противоречие. Составитель толкового словаря ставит рядом такие понятия. как «брачный обряд» и «пирушка». Следует предположить, что для русского человека XIX века данная языковая единица имела некоторую двойственность. Пирушка — многолюдное угощение, большой званый обед, ужин, иногда с музыкой, пляской и с другими потехами [4, с. 111]. Обряд — введённый законом или обычаем порядок в чём-либо; внешняя обстановка какого-либо действия условными околичностями; церемония, законный порядок, чин [5, с. 618]. В сознании русского человека слово «свадьба» несёт в себе противоречивые семы «радость», «веселье» и «порядок», «строгость», а также имеет положительные коннотации. Особенности структуры лексического значения слова «свадьба» имеют важное значение в художественном строе рассказа.

Среди фонетических особенностей стиля особенно примечательно словосочетание «оглашается грохотом». В рамках одного словосочетания реализованы два шумных взрывных согласных звука [г]. Отдельно стоит выделить сочетание взрывного [г] и дрожащего [р], которые, с учётом уже отмеченных признаков, повышают уровень шума. Так, в границах одной синтагмы выражается приём аллитерации, дополняющий звуковой образ, делающий его более натуральным. Аллитерация — это звукопись на согласные, повтор одинаковых или сходных согласных [см. 10, с. 16].

В тексте также присутствует звукоподражание «тпррр», употреблённое трижды и, вероятно, служащее в речах некоторых героев обращением к лошади. Примечательно, что животные в рассказе не издают самостоятельных звуков, которые были бы выражены посредством ономатопеи. Также стоит отметить звукоподражательный глагол «жужжать».

Не менее интересен случай воспроизведения фонетических особенностей речи персонажа Спиры, выраженных в одном слове — «цичас» [13]. Данная деталь, как считают исследователи, является биографической: «Его (А. П. Чехова. — Э. Г.) гимназический товарищ А. Дросси рассказывал, что во время посещения Чеховым-гимназистом их дома туда же забегал живший напротив приятель А. Дросси С. Х-ди. Если последний засиживался долго, то родители посылали за ним старую няньку, которая, не входя в дом, протяжно кричала: "Сп-и-и-ра". И тот неизменно отвечал: "Чичас"» [12, с. 687].

Особого внимания заслуживает лексический строй текста. В рассказе довольно большое количество слов с общей семой «громкий звук», «звук», чем оправдано множество звуковых образов. Глаголы, деепричастия и отглагольные существительные, выражающие звук, встречаются весьма часто: взвизгивают, жужжание, хлопает, гремят, шум, суета, беготня, сморкаются, прихлёбывая, копошатся, стонет, плакать, марш и другие.

Не менее интересным становится принцип словоупотребления глагола «взвизгивать». Языковая единица использована в рассказе как в отношении дам, так и в отношении собаки: «В задних рядах раздаются тревожные голоса: кто-то что-то забыл, у кого-то невестин букет; дамы взвизгивают, умоляя не делать чего-то, потому что "примета есть"»; «Опять вошла со двора собака, её гонят, она взвизгивает...» [13, с. 200]. Слова довольно дистанцированы друг от друга, что противоречит предположению об использовании автором полисемии в целях комического эффекта. Однако именно лексемы «взвизгивают», «взвизгивает» представляют собой необходимый звуковой образ, дополняющий художественный мир произведения. На связь этих слов в границах рассказа указывает их сходный морфемный состав, особенно префикс вз-, являющийся продуктивным во всех стилях речи, употреблён в обеих словоформах [2, с. 22].

Использование в рассказе слов с разговорным и просторечным оттенком встречается часто. Важно, что такие слова в качестве микрообразов вносят изменения в смысловую структуру произведения. Известно, что, когда целая система разноуровневых языковых ресурсов способствует созданию и выражению каждого отдельного микрообраза и даже его элементов путём комплексного акцентирования его отдельных черт, это оказывает активизирующее воздействие на воображение читателя [6, с. 202]. В связи со словом «свадьба», поставленным в заглавие, создаётся обманчивое впечатление светлого, праздничного произведения. Автор в описании намеренно употребляет слова сниженной, разговорной лексики: испитым (разг.) (лицом), куцая (пер. разг. неодобрит.) фигурка (суф. субъективной оценки -к-), запружена (разг.) улица, (солдаты-музыканты) копошатся (разг.) и другие [11].

На морфологическом уровне вызывает интерес слово «кричать». Текст произведения (1 581 слово) включает пять употреблений данного глагола и производных от него. Данное наблюдение имеет место в концепции звуковых образов, созданных благодаря языковым ресурсам и составляющих идейный каркас произведения.

Примечательна просторечная форма употребления указательного местоимения «такой» («таковские») и просторечная форма частицы «неужели» («нешто»): «А нешто он может чувствовать? Не таковские они нынче, чтобы чувствовать!» [13, с. 200]. Возможно, данное употребление связано с целью стилизации речи малообразованного провинциального дворянства, а также исполняет функцию речевой характеристики.

В тексте произведения зафиксировано восемь фразеологизмов, из которых лишь два принадлежат повествователю: перевести дух, сорваться с цепи [7, с. 199, 288]. Остальные устойчивые выражения принадлежат персонажам. Насыщение прямой речи народными элементами имеет важное значение в стилизации речи героев. Среди фразеологизмов выделяются следующие: бог знает, вывести на чистую воду, копеечка в копеечку, *сбиться с ног* [1, с. 22, 372; 7, с. 105, 338]. Знаменательно, что последние две фразеологические единицы принадлежат матери невесты. Помимо прочего, речь героини имеет в своём составе просторечные обращения: мать моя, батюшка. В сущности, данные обращения считаются риторическими, так как основной их целью является не название адресата, а усиление выразительности [см. 10, с. 217]. Также в репликах персонажа следует отметить просторечные слова: ирод (прост. презр.), истукан (син. к болван, оскорб.) [11, с. 177; 5, с. 63]. В сочетании с просторечными морфологическими формами отмеченные лексические и фразеологические особенности играют значимую роль в структуре речевой характеристики.

В тексте рассказа содержится 51 восклицательное предложение, что является одной из синтаксических особенностей текста. Для произведения малого объёма данное количество можно считать весьма высоким. Значим тот факт, что из 51 предложения лишь два принадлежат повествователю, тогда как 49 приходится на реплики персонажей. Звуковые образы, дополненные частым использованием восклицательных конструкций, служат повышению уровня шума в рассказе, что согласуется с художественным заданием.

Двойственность понятия, выраженного в слове «свадьба», смогла реализоваться в стилистическом своеобразии авторского текста. Рассказ имеет памфлетный, сатирический характер. Основным стилистическим приёмом рассказа является батос. Так называется стилистический приём снижения стиля, перехода от высокого к низкому [см. 8, с. 5].

Вероятно, художественной задачей автора стало постепенное проявление второго плана понятия «свадьба», отмеченного в словаре В. И. Даля, — «пирушки». Знаменательно, что церковный обряд бракосочетания в тексте рассказа не описан, а лишь констатирован. Противоречие понятия легло в основу идейного замысла произведения, где А. П. Чехов, возможно, иронизирует над свадебным обрядом.

Образная система персонажей строится на стилистических средствах. При общем шуме в рассказе Любочка (невеста) сравнивается с тенью: «Невеста Любочка бесшумно, как тень, опускается перед отцом на колени...» [13, с. 196]. Автор использует и другие эпитеты, вызывающие контраст образа с другими персонажами: «Любочка, бледная, такая торжественная, строгая на вид, целуется со своими подругами...» [13, с. 197]. При такой характеристике становится понятна реакция невесты на шумную встречу после возвращения из церкви: «Любочка и её супруг, солидный господин в золотых очках, ошеломлены. Оглушительная музыка, яркий свет, всеобщее внимание, масса незнакомых лиц угнетают их...» [13, с. 200]. Невеста представляет собой человека, понимающего и чтящего праздник бракосочетания.

Интересен образ шаферов, который, вследствие оригинальных сравнений и эпитетов, становится похож на «животный». Вначале автор сравнивает лиц, держащих венец жениха и невесты, с лошадьми: «...только одни шафера, как горячие пристяжные, нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, точно ждут, когда им позволено будет сорваться с места...» [13, с. 196]. Шафера сливаются в один собирательный образ, лишённый индивидуальности, и в тексте представляют собой нечто похожее на собачью стаю. Шафера же и «корчатся, как в судорогах». Примечательна также фразеологическая характеристика, наполняющая образ «животным» содержанием: «У шаферов опять такой вид, точно они с цепи сорвались» [13, с. 200]. В историкоэтимологическом словаре, составителем которого является А. К. Бирих, указано, что этимология устойчивого выражения тесно связана с образом собаки: «В основе образа — ассоциация с собакой, которая, когда её спускают с цепи, бурно выражает свои чувства, ничем не сдерживаемая» [1, с. 741]. Некоторые животные семантические элементы проявляют-СЯ И В «ЧУЖИХ ГОРНИЧНЫХ И НЯНЬКАХ», КОТОРЫЕ «ПОЖИРАЮТ глазами» невесту, издавая «одобрительное жужжание», и в барышнях, которые «как мухи» жмутся у стен, и в шлафроке мужа Любочки, который имеет мышиный цвет.

Особого внимания заслуживает образ извозчика Макара. Описание персонажа завершается эпитетами и сравнением: «...придают ему не человеческий, не живой вид; весь он точно окаменел» [13, с. 197]. Две однообразные реплики Макара («Тпррр! Шалишь!»), сказанные то высоко, то басом, в сочетании с указанными стилистическими средствами

сближают его как с «чудо-богатырём», так и с лешим или другим лесным чудовищем.

Отмеченные ранее звуковые образы нашли наиболее яркое выражение в описании марша: «Ещё одна минута ожидания — и в "проходной", резко, остервенело рванув, раздаётся оглушительный, дикий, неистовый марш» [13, с. 200]. В данном случае можно говорить о стилистическом приёме амплификации. Амплификация — ораторский и стилистический приём нагнетания различных выразительных средств (эпитетов, синонимов, сравнений, гипербол и проч.) для усиления речевого воздействия [см. 9, с. 40]. В характеристике марша сочетаются эпитеты (остервенело, оглушительный, дикий, неистовый) и олицетворения (рванув, раздаётся). Следует отметить гиперболу и олицетворение, дополняющие звуковой строй произведения, — оглушается грохотом, экипажи гремят.

Не менее важно определить метафоры, дополняющие функцию снижения, реализованную на лексическом уровне. У «старшого» из музыкантов волосы на лице *сбились в паклю* (метафора). *Адом* (метафора) называет автор кухню, где готовятся блюда на свадебный стол. Гости, присутствующие на празднике, имеют *«плоские* (эпитет) затылки».

Образ матери невесты, помимо речевой характеристики, дополняется приёмом антифразиса, который впоследствии иронично раскрывает автор: «Нельзя, нельзя, господа, в спальню

ходить! Это не деликатно в спальню ходить. Не заглядывайте!» Далее слова автора: «Это значит: пожалуйте поглядеть спальню!» [13, с. 201]. Антифразис — это приём, при котором подразумевается противоположное тому, о чём говорится.

Обращает на себя внимание и повтор словосочетания «примета есть». Можно предположить, что в данном случае упоминание приметы в речах персонажей выполнено автором в иронических целях. Примета как устойчивая связь явлений действительности, по мнению героев, не может быть нарушена. Ирония проявляется прежде всего в том, что свадебный обряд как определённый порядок постоянно нарушается всеми участниками праздника, превращаясь в «пирушку». Тогда как приметам верят и отец невесты, который напивается в конце до того, что никого не помнит, и приглашённые на праздник дамы, среди которых жужжащие няньки и горничные, пожирающие глазами невесту. Таким образом, ирония является главным художественным приёмом, объединяющим отмеченные ранее средства выразительности в рассказе.

В статье была отмечена роль лексического значения слова «свадьба» в идейном содержании рассказа. Стилистический строй текста рассмотрен в аспекте употребления выразительных средств языка. Выдвинуто положение, главной мыслью которого является взаимосвязь уровней языка и стилистического наполнения с идейным замыслом рассказа.

Список использованных источников

- 1. Бирих, А.К. Русская фразеология: ист.-этимол. слов.: около 6 000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словар. кабинет им. Б.А. Ларина. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель [и др.], 2005. 926 с.
- 2. Ван Цзюэ. Продуктивные глагольные префиксы в современных публицистических текстах (на материале газеты «Санкт-Петербургские ведомости»): выпуск. квалификац. работа магистра лингвистики / Цзюэ Ван. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2016 132 с. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3137/1/Van_Czyue_Mag__dis__-_kopiya.pdf. Текст: электронный.
- 3. Даль, В.И.Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.4: С – Y/В.И.Даль. — Москва: Русский язык, 1999. — 688 с.
- 4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П Р/В. И. Даль. Москва: Русский язык, 1999. 555 с.
- 5. Даль, В.И.Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т.2:И-О/В.И.Даль. — Москва: Русский язык, 1999. — 779 с.
- 6. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов / М. Н. Кожина. Москва : Просвещение, 1977. 233 с.

- 7. Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю. А. Ларионова. Москва : Аделант, 2014. 512 с.
- 8. Муругова, Е. В. Методические указания по формированию навыков реферирования у студентов неязыковых специальностей / Е. В. Муругова. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2011. 30 с.
- 9. Никитина, С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: принципы составления и избранные словарные статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. Москва: РАН, Ин-т языкознания, 1996. 172 с.
- 10. Приходько, В. К. Выразительные средства языка: учеб. пособие для студенов высш. учеб. заведений / В. К. Приходько. Москва: Академия, 2008. 256 с.
- 11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. Москва: Оникс: Мир и Образование, 2010. 640 с.
- 12. Чехов, А. П. Свадьба // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения в 18 т.— Москва, 1976. Т. 6: 1887. С. 340–345.
- 13. Чехов, А. П. Свадьба // Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. Москва, 1985. Т. 6 : 1887–1888. С. 196–201.

Материал поступил в редакцию 19.12.2020.

Сведения об авторе: Гасымов Эльдар Шафиаддинович, студент факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Научный руководитель: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактные данные: г. Хабаровск, пер. Облачный, д. 64, кв. 61; e-mail: Aldar283760@mail.ru; тел. 8-909-857-69-79.

СОЗДАНИЕ ПОРТА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ НА ХАЙНАНЕ

В статье комплексно рассматривается решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая о строительстве порта свободной торговли на Хайнане. Автор анализирует важность такого решения для страны, пытается определить направление, цели и требования, а также выявить основную задачу этого строительства.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Хайнань, Китай, зона свободной торговли, политика реформ и открытости.

Keywords: Xi Jinping, Hainan, China, free-trade area, reform and opening-up (Chinese economic reform).

июня 2020 года Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет опубликовали «Общий план строительства порта свободной торговли Хайнань». Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что он поддерживает Хайнань, чтобы постепенно исследовать и неуклонно содействовать строительству порта свободной торговли с характеристиками Китая, а также поэтапно создавать политику и систему портов свободной торговли. Это историческое стратегическое решение, принятое ЦК партии по координации общей ситуации в стране и мире с учётом настоящего и будущего. Недавно Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет официально объявили «Общий план строительства порта свободной торговли Хайнань», ознаменовав вступление этой крупной стратегии в комплексную стадию реализации [1].

Для начала необходимо определить важность строительства порта свободной торговли на Хайнане.

Во-первых, это стратегический выбор для изучения и продвижения более высоких уровней открытости. Оглядываясь назад, на 40 лет реформ и открытости, можно констатировать, что открытость Китая постепенно расширилась от торговли товарами до инвестиций, финансов и услуг, платформа открытия постепенно расширилась от специальных зон таможенного надзора до пилотных зон свободной торговли, масштабы открытия переместились из особых экономических зон в прибрежные зоны. Политика реформ и открытости, а затем дальнейшее развитие сухопутной и морской дорог через реализацию программы «Один пояс — один путь» — всё это эффективно содействовало развитию Китая.

Во-вторых, это требование эпохи ускорить совершенствование социалистической рыночной экономической системы. По мере того, как реформа экономической системы Китая вступает в сложный период, такие проблемы, как институциональные препятствия и неадекватные политические нововведения, становятся всё более заметными. Каждый серьёзный шаг вперёд по пути реформирования является трудной «твёрдой костью» и может столкнуться с «опасным пляжем» [2].

В-третьих, это важная мера для реализации новой концепции развития и содействия качественному развитию. В настоящее время экономика Китая перешла от этапа быстрого роста к этапу высококачественного развития, она находится в критическом периоде преобразования режима развития, оптимизации его экономической структуры и преобразования импульса роста. Хайнань имеет лучшую экологическую среду в стране. Обеспечение устойчивого и здорового развития экономики, при котором одновременно Хайнань, сад четырёх сезонов китайской нации, будет под

защитой — вот что является показателем высококачественного развития.

В-четвёртых, это чёткая акция против протекционизма в поддержку экономической глобализации. В современном мире торговый протекционизм, односторонность и внутренние тенденции продолжают расти; нетрадиционные угрозы безопасности, такие как эпидемия новой коронавирусной инфекции, продолжают распространяться, а экономическая глобализация столкнулась с большими встречными ветрами и поворотными волнами.

Исходя из описанного выше, далее необходимо точно понять направление, цели и требования строительства порта свободной торговли на Хайнане.

Одно из главных направлений — это строительство социалистического порта свободной торговли с китайскими характеристиками на Хайнане. Это совершенно новое явление, которому нет прецедента, и этот проект не может быть просто скопирован с модели развития западного порта свободной торговли. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что порт свободной торговли Хайнань является портом свободной торговли с китайскими характеристиками, то есть должен не только иметь основные элементы порта свободной торговли, но также полностью отражать особенности Китая и следовать социалистической системе. Весь процесс строительства порта свободной торговли на Хайнане необходимо пронизывать централизованным и единым руководством партии, полностью задействовать общую роль партии и координировать роль всех партий, необходимо быть твёрдым и не устранять путь социализма с китайскими характеристиками; люди должны быть в центре, тогда плоды реформ и развития будут всё более и более справедливыми для всех людей. Основные ценности социализма необходимо развивать и практиковать и бороться с незаконными и преступными действиями, такими как порнография, азартные игры и наркотики.

К тому же мы должны придерживаться реальности Хайнаня и наметить путь для строительства порта свободной торговли на Хайнане. Хайнань является относительно независимой географической единицей, отклоняющейся от основного международного маршрута и не обладающей достаточной внутренней развитостью, что не подходит для крупномасштабного развития перерабатывающей торговли. Необходимо в полной мере использовать преимущества политики реформ и открытости, тесно сочетая ресурсные условия и имеющуюся отраслевую базу Хайнаня, уделяя особое внимание развитию туризма, современной индустрии услуг и индустрии высоких технологий, внедрению глобальных высокопроизводительных факторов производства и созданию открытой экологической модели с международной конкурентоспособностью. Сервисно ориентированная про-

мышленная система ещё больше укрепит основы реальной экономики.

Кроме того, мы должны придерживаться принципа «сначала создать, а затем разбить» и понять принцип строительства порта свободной торговли на Хайнане. Само строительство порта свободной торговли Хайнань — это процесс реформ, требующий инноваций в законах, нормативных актах и правилах в различных областях, таких как торговля, инвестиции, финансы, налогообложение и таланты. Каждый шаг предполагает прорыв старых концепций и систем.

Также необходимо придерживаться принципа «управляемости», а затем «оставить его свободным» и твёрдо установить барьер безопасности для порта свободной торговли Хайнань. Во время строительства порта свободной торговли на Хайнане определённые отрасли обычно могут представлять определённые риски, но по большому счёту никаких серьёзных рисков возникнуть не может, и при этом они не могут попасть в странный круг «разрушения сразу, уступки сразу и гибели в трубе». «Свобода» в порту свободной торговли ограничена, и суть в том, что никакого системного риска не возникнет.

В заключение статьи постараемся понять основную задачу строительства порта свободной торговли на Хайнане.

Необходимо прежде всего сосредоточиться на содействии свободной торговле, свободным инвестициям, свободному упрощению трансграничного притока капитала, свободному доступу людей к въезду и выезду, бесплатной и удобной транспортировке и безопасному и упорядоченному потоку данных, существенному прогрессу и постоянному содействию осуществлению различных поддерживающих мер политики и достижению эффективных результатов. Рассмотрим их подробнее.

- Сосредоточиться на реализации содействия свободной торговле. Торговля товарами с базовыми характеристиками «нулевого тарифа» и торговля услугами с базовыми характеристиками «въезда и эксплуатации» являются важным содержанием международных торговых правил высокого стандарта. Необходимо внедрить систему списков запрещённых услуг, ввести национальный режим для зарубежных поставщиков услуг и содействовать либерализации и упрощению трансграничной торговли услугами в соответствии с законами и правилами порта свободной торговли Хайнань.
- Развивать свободный доступ для разработчиков, то есть создать свободные и удобные правила въезда

и выезда персонала, что является важным средством привлечения талантов из других стран. В соответствии с потребностями развития порта свободной торговли Хайнань мы должны реализовать более открытую политику в отношении талантов и места жительства для высококлассных промышленных талантов. Исходя из предположения о безопасности и контроле, ограничения на свободный въезд и выезд персонала должны быть ещё более смягчены, и должны быть приняты более удобные безвизовые меры въезда. Необходимо ускорить реформирование системы управления услугами талантов, всесторонне улучшить уровень обслуживания талантов и создать благоприятную среду для их развития.

- Реализация безопасного и упорядоченного потока данных, чтобы цифровая экономика стала ведущей силой опережающего экономического роста; реализация полной агрегации данных и безопасного, упорядоченного перемещения через границы является стратегическим требованием для устойчивого развития порта свободной торговли Хайнань.
- Продвижение международной конкурентной налоговой политики через создание налоговой системы, совместимой с портом свободной торговли высокого уровня, что является объективным требованием для лучшего привлечения мировой торговли, инвестиций и повышения международной конкурентоспособности порта свободной торговли Хайнань. Необходимо активно создавать условия, осуществлять упорядоченную реализацию политики «нулевого тарифа» для импортируемых товаров и постепенно оптимизировать политику корпоративного подоходного налога и налога на доходы физических лиц.

Строительство Хайнаньского порта свободной торговли предполагает обширную территорию и решение большого количества задач, это долгосрочный и сложный системный проект. Под сильным руководством Центрального комитета партии во главе с товарищем Си Цзиньпином мы должны ещё больше укрепить механизм содействия работе «центральной координации, поддержки департаментов и провинциального осуществления» [3], прояснить распределение задач, усилить ответственность и активно содействовать осуществлению политики. Мы должны освободить наши умы, смело продвигать новшества, полностью принять дух особой экономической зоны, которая призвана задать новую высоту для институциональных инноваций.

Список использованных источников

- 1. Си Цзиньпин выступил с важной речью на конференции, посвященной 30-летию создания Особой экономической зоны провинции Хайнань. Синьхуанет = 习近平在海南经济特区成立三十周年纪念大会上发表重要讲话。 新华网. Текст: электронный // [Государственный совет Китайской Народной Республики]: офиц. сайт. [Дата публикации: 13.04.2018]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-04/13/content_5282295.htm (дата обращения: 15.12.2020).
- 2. Руководящие мнения ЦК КПК и Государственного совета по поддержке всестороннего углубления и реформирования Хайнаня (Полный текст). Южно-Китайское море = 中共中央,
- 国务院关于支持海南全面深化和改革的指导意见(全文). Текст: электронный // [Государственный совет Китайской Народной Республики]: офиц. сайт. [Дата публикации: 14.04.2018]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-04/14/content_5282456. htm (дата обращения: 25.01.2021).
- 3. Построение порта свободной торговли с китайскими особенностями на Хайнане, ведущего к развитию более высокого уровня открытой экономики =在海南建设中国特色自由贸易港 引领更高层次更高水平开放型经济发展。人民网 // Жэньминь Жибао онлайн. [Дата публикации: 02.06.2020]. URL: http://www.hainan.gov.cn (дата обращения: 25.01.2021).

Материал поступил в редакцию 30.03.2021.

Сведения об авторе: Ван Шифа (王世发), аспирант кафедры экономики и менеджмента Института экономики и управления Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: 2014103236@pnu.edu.ru; тел. 8-924-203-09-88.

ПИСАТЕЛЬ-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИК РУСТАМ АГИШЕВ

Статья посвящена жизни и творчеству писателядальневосточника Рустама Константиновича Агишева (1913—1976 гг.). На протяжении многих лет он жил и работал в Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске, с середины 1960-х годов — в Орле и Калинине. Показаны этапы биографии (включая участие в Великой Отечественной войне, работу в должности заведующего методическим отделом Орловской областной библиотеки имени Н. К. Крупской, избрание заместителем председателя Орловской областной организации Союза писателей РСФСР). Также сделан обзор творчества Агишева (содержание книг, публикаций в периодике).

Статья написана на основе материалов архива Орловской писательской организации, Государственного архива Орловской области, Центрального архива Министерства обороны РФ.

Ключевые слова: Р. К. Агишев, П. Л. Проскурин, писатель, Дальний Восток, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Орёл, Великая Отечественная война.

Keywords: R. K. Agishev, P. L. Proskurin, writer, Far East, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk, Oryol, Great Patriotic War.

устам Константинович Агишев родился 13 июня 1913 года в деревне Старое Тимошкино (теперь это рабочий посёлок Старотимошкино Барышского района Ульяновской области) в семье служащего суконной фабрики. Во время военного лихолетья, в 1920 году, Агишевы переселились в Среднюю Азию: Ташкент, Бухара, Коканд. Здесь Рустам окончил школу, увлёкся литературным творчеством. Первая строка в его трудовой биографии — должность инспектора сберегательной кассы. Казалось бы, далеко не выдающаяся профессия, но она дала навыки работы с финансами и людьми, научила ответственности и терпению в бюрократическом водовороте.

С 1930 года Рустам Агишев работает журналистом в редакциях республиканских газет и радио в Узбекистане и Казахстане, в Ташкенте в 1934 году маленькой книжкой был издан его рассказ «Алим». Два года спустя приезжает в строящийся город Комсомольск-на-Амуре — теперь он сотрудник местной газеты «Амурский ударник» и городского радио, активный участник литературного объединения. Первая повесть «Оуэнга» из жизни амурских нанайцев была напечатана в журнале «На рубеже» в 1939 году. Через год на страницах этого же издания появилась повесть «Дед Пермяк» — в ней автор рассказал о том, как старый амурский садовод обретает новые пути в жизни с помощью молодых строителей Комсомольска-на-Амуре.

Литературное творчество пришлось на время отложить — Родина позвала на фронт. В сентябре 1941 года на Дальнем Востоке была сформирована 415-я стрелковая дивизия, основной состав её бойцов — недавние рабочие Комсомольска-на-Амуре. Вместе со вчерашними героями газетных очерков и репортажей встал в воинский строй и Рустам Агишев, сотрудник редакции дивизионной газеты.

Дивизия приняла боевое крещение 13 ноября 1941 года в районе Серпухова. Накануне штаб Западного фронта на основе добытых разведкой сведений сделал вывод о том, что противник, готовя наступление на Москву, группирует основные силы на Волоколамско-Истринском и Серпуховском направлениях. Дальневосточникам предстояло нанести упреждающий удар по фашистам. Это был лишь малый участок грандиозного сражения за советскую столицу. На протяжении нескольких месяцев 415-я вела тяжёлые бои юго-западнее Москвы.

На фронте Агишев вступил в коммунистическую партию, стал младшим политруком. Пожелтевшие подшивки дивизионной газеты сохранили для будущих поколений его незамысловатые заметки и зарисовки. Вот старая крестьянка, которой нечем угостить бойцов, освободивших подмосковное село, — фрицы разграбили всё подчистую. «Ничего, всё наладится», — с надеждой говорят и красно-

армейцы, и селянка... Вот командир — отец солдатам, а в бою дерётся как лев... А вот в новогоднем номере (1 января 1942-го) заметка «Как было занято село М.»: «Как только подан сигнал в атаку, — бойцы подразделения т. Потоцкого во главе со своими командирами и политработниками, как один человек, двинулись вперёд. По глубокому снегу с громогласным красноармейским "ура", подавляя беспорядочную трескотню пулемётов и автоматов, наши бойцы смело и решительно продвигались к селу. Храбро и бесстрашно шли в бой старшина Воробьёв, сержант Кротов, т. Антонов, пулемётчик Ломтев. Пулемётчики т. Челушкина на себе тащили сквозь снег станковые пулемёты и, занимая позиции, метко разили удирающего врага. Политрука т. Вишневского во время атаки ранило в плечо навылет. Но т. Вишневский не выпустил из рук оружия и во главе своих бойцов продолжал храбро теснить противника... Бой продолжался недолго. Побросав вооружение и технику, оставив на поле боя убитых и раненых, остатки фашистов панически бежали по направлению к селу Т. Наши бойцы, не останавливаясь, преследовали врага по пятам» [6].

Для бойца такая похвала в газете в то скупое на награды время была по-особому ценна и приятна, придавала новых сил. На память о днях испытаний у стен столицы у Рустама Агишева осталась медаль «За оборону Москвы». Так сложилась его военная судьба, что пришлось пройти фронтовыми дорогами и по земле многострадальной Орловщины. Весной 1943 года, после ликвидации Ржевского-Вяземского плацдарма противника, дивизия была переброшена с Западного на Брянский фронт и, войдя в состав 61-й армии, заняла оборону в районе Белёва. Части стали готовиться к летним решающим боям, материалы на эту тему постоянно печатала дивизионная газета «В бой за Родину». Была организована учёба рядового и офицерского состава. Особенно большое внимание уделялось разведке: провели несколько ночных поисков, разведку боем переднего края немецкой обороны, который был основательно «прощупан» в нескольких местах.

Главная цель — наступление на Болхов. Правым соседом дивизии стала 11-я гвардейская армия И. Х. Баграмяна, которая должна была идти на Орёл, обходя Болхов с запада.

Утром 12 июля справа и слева от оборонительных порядков 415-й дивизии её соседи перешли в наступление. Однако сама дивизия поначалу мало продвинулась вперёд — противник удерживал оборонительные рубежи до 15 июля, когда из-за угрозы выхода им в тыл 11-й гвардейской армии фашисты начали отход. 16 июля дивизия пошла в наступление. Развернулись кровопролитные бои; 21 июля части дивизии подошли к восточной окраине Болхова. Город имел мощные укрепления (несколько линий траншей, дзоты), на стороне противника был и холмистый

рельеф. На колокольнях храмов фашисты оборудовали наблюдательные пункты.

С утра 22 июля начался штурм Болхова. Атаки, контратаки, яростные удары авиации противника... Полностью город был очищен от фашистов к 25 июля, но отдельные очаги вражеского сопротивления оставались ещё двое суток. С боями полки дальневосточников дошли до Неполоди.

Потери дивизии за время Болховской операции составили 618 человек убитыми и 2 069 ранеными. После освобождения Орла части получили передышку — лагерь был разбит в нескольких километрах западнее областного центра, в районе сёл Солнцево, Дашково, Сабуровские Выселки. Пришло пополнение, продолжалась боевая учёба, а сапёрные подразделения занимались разминированием улиц Орла. 28 августа 1943 года 415-я дивизия снова выступила в поход — предстояло освободить Сумскую и Черниговскую области...

В наградном листе (представлении Агишева к медали «За боевые заслуги») отмечалось: «В период наступательных боёв с 17 июля по 10 августа 1943 года всё время находился в частях дивизии, в батальонах и ротах, организовывал материалы о героике бойцов и командиров в наступательных боях. В период наступления на Болхов был в 1321-м стрелковом полку и вместе с группой автоматчиков принимал участие в прочёсывании ржи, в которой засели немцы и мешали продвижению пехоты вперёд. Материал, который тов. Агишев организовал, был конкретен и оперативен. Его статьи "Как была уничтожена группа немецких автоматчиков", "О манёвренности бойца в наступлении", "Как была взята высота Безымянная" были поучительны, учили воинов, как надо воевать» [8].

В дальнейшем Агишев воевал в составе 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов, был заместителем редактора газеты 169-й Рогачёвской Краснознамённой стрелковой дивизии «Отважный воин». В октябре 1944 года был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Его боевые заслуги формулировались так: «Особенно проявил себя как умелый журналист-организатор в боях на подступах к Нареву [притоку Вислы], а также в последних боях по преодолению Нарев и на её правом берегу. Находясь в передовой роте одного полка, он подробно показал её облик на страницах газеты, организовал письма из одной роты, в которых широко осветил действия младших командиров и рядовых бойцов, ставших поучительными для других. Одновременно с этим капитан Агишев дал целый ряд ценных материалов на партийные темы, в которых парторги и коммунисты делятся опытом политического обеспечения боя, например: "Место парторга в бою", "Политическое обеспечение одной операции", "Партийные поручения в ходе боя" и другие.

Как газетчик, тесно связанный с красноармейскими массами и партийным активом дивизии, он принёс большую пользу командованию» [9].

После войны Агишев не скоро снял военную форму ещё два года служил в редакции газеты Забайкальско-Амурского военного округа (управление округа располагалось в Хабаровске). Вскоре после увольнения из армии, в 1948 году, в хабаровском издательстве «ОГИЗ-Дальгиз» выходит его сборник «Амурские повести»: «Оуэнга» и «Даурская роза» (переработанная ещё довоенная повесть «Дед Пермяк»). Агишева назначают ответственным секретарём литературно-художественного журнала «Дальний Восток». Он много ездил по Приамурью и Приморью, побывал на Камчатке и Сахалине, что дало материал для очерков (некоторые выходили отдельными брошюрами), статей, крупных литературных и театральных рецензий, которые печатались в журнале и центральных газетах «Правда». «Сельская жизнь», «Литературная газета», «Советская Россия», «Литературная Россия», в местных газетах.

Жена Серафима Клавдиевна Плисецкая работала актрисой и заведовала литературной частью Хабаровского театра драмы, подрастала дочь Лилиана. Театральная специализация жены «проявилась» в том, что ещё в довоенные годы Агишев пробовал свои силы в драматургии. Сразу после Победы вернулся к давним наброскам — в итоге были написаны пьесы «Конец Килельгау», «Твоя семья», «Ради большой семьи», «Северная сказка», «Течёт река», «Рожок Теневиля» (две последние — в соавторстве с Плисецкой). Однако событием в театральном мире этим пьесам не было суждено стать. Главное занятия для писателя с 1949 года — работа над романом «Зелёная книга». Конечно, Агишев возлагал на повествование о перипетиях сложной жизни и достижениях ботаников-селекционеров большие надежды. Успех стал бы основанием для вступления в Союз писателей СССР, а возможно, и выдвижения на Сталинскую премию, последующего переезда в столицу. И вот в 1954 году «Зелёная книга» вышла в Хабаровском книжном издательстве. Ныне это издание можно найти в редких библиотеках, а когда-то именно оно (тираж — 30 тысяч экземпляров) оценивалось как заметное явление литературной жизни Дальнего Востока.

500-страничный фолиант открывался эпиграфом из Гёте: «Зелено вечное дерево жизни», и посвящением: «Большому другу и жене Серафиме Клавдиевне Плисецкой».

Начало романа вполне в духе и русской классики, и социалистического реализма: «Весна выдалась ранняя, дружная. Уже в середине апреля тронулась и широко пошла река. Город быстро сбросил в овраги талые воды. Стало сухо. Кое-где зазеленело». Неторопливый читатель узнавал что-то новое о Мичурине и его последователях, о работе

учёных и судьбах дальневосточников. Со страниц вставали картины городской жизни Хабаровска.

Были в книге и размышления о семейных проблемах и разных превратностях жизни. Главный герой романа — Лукашов, последователь Мичурина, автор книги «Мой опыт». Ему постоянно вредили «последователи реакционной генетики. Ведя борьбу с материалистической теорией развития органического мира, эти буржуазные учёные [Г. Мендель, А. Вейсман, Т. Морган] провозгласили существование "бессмертного неизменного наследственного вещества"» [3, с. 141].

Удивительно, но в написанном сразу после великой войны собственно о войне почти ничего не говорилось, не было вообще в содержании и тональности романа тягостного надрыва войны. Повествование легко перешагивало из 1930-х годов в 1950-е. Может быть, и в самом деле так жил тогда советский Дальний Восток? Вряд ли: много мужчин не вернулось с фронта, люди пережили громадные лишения. Но об этом ни строчки. Зато много страниц с описаниями природы, экспедиций, затяжных московских совещаний в ВАСХНИЛ (так сокращённо именовалась Академия сельхознаук). Всюду заманчивые темы нового использования солнечной энергии, хлорофилла и т. д. И лишь маленький осколок военной реальности — беглое упоминание о соседях-японцах: «Захватив ещё в начале тридцатых годов Маньчжурию, японские милитаристы продвинули границы своих владений вплотную к восточным рубежам Советского Союза и на огромном протяжении — от устья Тумыньцзяна до истоков Амура — бряцали оружием. Пограничные инциденты следовали один за другим... Однако угроза нападения не могла остановить движения нашей великой Родины вперёд. Готовые к любой случайности, советские люди жили миром, дышали чистым воздухом строительных будней, созидательного труда» [3, с. 167].

Финал романа — поездка героев Галины и Александра Николаевича Суровцевых в Москву. Кремль, Коломенское, Горки — они любуются достопримечательностями и говорят о том, как сделать всю Родину (и север, и восток, и пустыни) прекрасным садом. Апофеоз и последние строки книги — посещение ВДНХ: «Они тихо прошли к павильону родного края... Они думали о конечной победе мичуринского учения, о победе, в которой, как нитка в знамени, есть и их скромный труд. И не только их, и сотен, и тысяч других безымянных тружеников советской земли.

Вот у павильона "Хабаровский край" четыре рослых плодоносящих груши — итог труда участника и медалиста выставки 1939 года Артемия Лукашова. Уже много лет стоят они у края павильона как разведчики в зелёных маскхалатах, а за ними уже давно двинулась армия крепышей, которым не страшны ни стужа, ни жара. Они идут в высокие широты,

чтобы одеть в зелень голые северные поселения, чтобы накормить и напоить людей соком своих чудесных плодов.

... Где-то высоко в небе мелькнули серебристые крылья, возник и исчез гул реактивного самолёта. Подняв головы, оба смотрели ему вслед, в чистое синее небо.

Ветер шевелил над ними ветки деревьев, словно перелистывал страницы бесконечной зелёной книги» [3, с. 502–503].

Ещё раз повторю, складывалось впечатление, что «Зелёная книга» намечалась автором на Сталинскую премию. Но к моменту выхода (конец 1954 г.) собственно сталинская тема, видимо, уже потеряла актуальность: в романе нет ни слова о Сталине, Ленине и других партийных вождях.

Жизнь продолжалась, началась оттепель. Агишева приняли в Союз писателей СССР. «Зелёная книга» переиздавалась в Москве (1956 г., 30 тысяч экземпляров) и Хабаровске (1959 г., 15 тысяч экземпляров). В середине 1950-х годов главным редактором журнала «Дальний Восток» стал писатель Николай Рогаль, хороший критик, обладавший тонким вкусом и богатой интуицией. Благодаря ему были впервые напечатаны получившие впоследствии всесоюзную известность произведения Бориса Можаева, Риммы Казаковой, Петра Проскурина. Как вспоминала дочь Агишева Лилиана о писательской жизни, «нравы в те годы в Хабаровске были самые простые, столы нехитрые, отношения открытые и добрососедские. Ходили из дома в дом» [Цит. по: 5].

Интерес старших товарищей к творчеству приехавшего с Камчатки Проскурина, доброжелательность, проявленные к нему, сыграли важную роль в его судьбе. Хабаровские писатели встретили новичка с дальневосточным радушием, старались во всём помочь: устроили в общежитие института инженеров железнодорожного транспорта, помогли пройти обследование в закрытой поликлинике крайздравотдела... Хлебосольные дома писателей были открыты для Петра Лукича. В Хабаровске у него вышли первые книги, он был принят в Союз писателей. И встретил своё счастье — взял в жёны Лилиану Агишеву. Там же у четы Проскуриных родился сын Алексей.

Авторитет Рустама Агишева к тому времени достиг высоты: его книги выходили в Москве, повесть «Оуэнга» была переведена на немецкий и чешский языки, издана в Берлине и Праге. Очерки вошли в московские сборники «На Дальнем Востоке» (г. Москва, 1959 г.), «Города, которых не было на карте» (г. Москва, 1960 г.), «На дальних берегах» (1964 г., Агишев был составителем книги).

А когда молодая семья Проскуриных в 1965 году получила приглашение перебраться в Орёл, в дальнюю дорогу стали собираться и Агишевы. В марте 1966 года Рустам Константинович с матерью и женой поселился в Орле в пятиэтажном доме в Больничном переулке (ныне улица

Сурена Шаумяна). Глава семьи стал работать заведующим методическим отделом областной библиотеки имени Н. К. Крупской, Серафима Клавдиевна — заведующей литературной частью областного драматического театра имени И. С. Тургенева. Кого-то может удивить перемена профессии Агишева — был сотрудником журнала и вдруг стал библиотекарем-методистом. На самом деле для занятия такой должности у Агишева имелись все права и возможности. Вспомним его ещё юношеский опыт работы инспектором сберкассы, где он научился скрупулёзности и вниманию к документам. В Хабаровске Агишев уже в зрелые годы составил два многостраничных библиографических указателя «Советский Дальний Восток в художественной литературе» (1950 г., 1957 г.), написал брошюру «Жизнь народов Дальнего Востока в творчестве советских писателей» (1951 г.). А уж о его умении проводить в стенах библиотек читательские конференции, встречи с писателями, семинары с молодыми литераторами говорить не приходится.

У Агишева оказалось много перекличек с судьбой основателя писательской организации в Орле Владимира Андреевича Мильчакова. Почти ровесники, оба подолгу жили и работали в Средней Азии, там вышли их первые книги; оба — фронтовики, потрудились после войны и в военной печати, и в редакциях литературных журналов. Неудивительно, что вчерашнего писателя-дальневосточника сразу избрали заместителем председателя Орловской писательской организации.

Однако такое пересечение «линий жизни» вовсе не стало поводом для панибратства. Агишев всегда строго и вдумчиво оценивал творчество старшего товарища. Так, рецензией под названием «Эпоха суровых испытаний» он в «Орловском комсомольце» (1968 г., 3 авг.) откликнулся на повесть Мильчакова «Загадка 602-й версты». Агишев однозначно указал на языковые погрешности, вульгаризмы, избыток количества героев и на то, что «отрицательные герои — однообразные, скучные люди». В то же время высоко отметил самобытные характеры, занимательный сюжет: «Будучи в прошлом работником органов советской разведки (вернее было бы указать, контрразведки или уголовного розыска. — A. K.), автор сумел подметить наиболее существенные черты у своих героев, построить фабулу и сюжет строго по законам логики, без чего нет и не может быть приключенческого жанра» [4].

14 октября 1966 года в «Орловской правде» появилось интервью с Агишевым «У литературной карты», подготовленное Анатолием Яновским. Агишев тогда рассказывал: «Мы стараемся сплотить работоспособные литературные силы области, создать подлинно творческую обстановку, направить писателей и поэтов на главное — на работу за письменным столом, обратить

их внимание к современным, наиболее актуальным, жизненным темам» [14].

Рустам Константинович высоко оценил творчество своих коллег: Проскурина, Катанова, Зиборова, Сапронова, Андреева, Мильчакова, Горбова. Упомянул и о работе с начинающими литераторами: «Этот год можно назвать поистине урожайным на книги молодых. Второй сборник стихов выпустил мценский поэт Иван Александров. Тепло отзываются читатели о появившихся на прилавках магазинов сборниках стихов Анатолия Шиляева, Виктора Дронникова, о рассказах молодого одарённого прозаика Анатолия Лесных. Находится в производстве первая книга рассказов Ивана Рыжова... Кандидат филологических наук Владимир Громов закончил книгу "Здравствуй, город Тургенева!", в которой привлёк много интересных материалов о писателях-орловцах и других деятелях русской литературы, связанных в своём творчестве с орловской землёй. Судьба поколения ровесников революции нашла художественное воплощение в поэме Александра Минаева "На Васильевской улице". Работают над новыми произведениями Наталья Сердюкова, Александр Логутков, Иван Озеров, Григорий Иванов, Василий Орлов, Игорь Иванов, Виктор Рассохин, Михаил Ветров, заканчивает пьесу Михаил Кузьмин» [14].

По мнению Агишева, в середине 1960-х годов оживились связи писателей-орловцев с воронежским литературным журналом «Подъём», их произведения чаще стали появляться на страницах этого издания. А насущной задачей руководства писательской организации он считал такую: «...организовать работоспособные литературные объединения на крупных заводах и стройках, при редакциях районных газет, в институтах и техникумах, выискивать и беречь таланты... На современной литературной карте области должно быть ещё больше новых имён» [14].

Эти же идеи были изложены в статье Агишева о творчестве орловских писателей «Совсем рядом... за тридевять земель», напечатанной в «Литературной газете» 12 ноября 1966 года.

Но за «фасадом» писательской жизни скрывалось немало проблем: год назад было ликвидировано областное издательство, приходилось буквально пробивать издание книг орловцев в зональном издательстве в Туле; молодые писатели жили в крайне стеснённых условиях, да и сама писательская организация ютилась в Орле буквально в ветхой избушке. 17 октября 1966 года Агишев подписал письмо заместителю председателя облисполкома Р. А. Ковальчук: «Дом, в котором помещается сейчас наше отделение (ул. 7 ноября, 22), представляет собой старый, ветхий сруб с низким потолком и худыми, продуваемыми насквозь стенами и окнами. В помещении всегда холодно: и летом, и зимой» [11]. Но областная власть не очень торопилась решать

эту проблему, перебирая варианты: например, помещение по улице Октябрьской, 55, вместо парикмахерской на 1-м этаже; потом — Почтовый переулок, 16.

В апреле 1967 года Агишев отправился в Калугу для знакомства с организацией областного бюро пропаганды художественной литературы (вероятно, хотел создать и возглавить такое бюро в Орле). Тогда же побывал и в Москве, во Всесоюзном бюро пропаганды художественной литературы. Сколько же времени, нервов и сил требовалось Агишеву для хождений по разным кабинетам! Оставалось ли время для собственного творчества? В одном из интервью тех лет он говорил, что собрал материал для большого историко-революционного романа о борьбе за советскую власть. В справке о творческой работе членов Орловской писательской организации (июнь 1968 г.) отмечалось: «Агишев завершает работу над книгой повестей и рассказов различной тематики о наших современниках. В центре авторского взгляда — проблемы морального плана, человеческих взаимоотношений, сочетания личного и общественного» [13].

Его рассказы и очерки, отрывки из больших произведений тогда постоянно появлялись на страницах «Орловской правды»: глава из романа «Луна в ущелье» (27 мая 1966 г., другой отрывок из романа напечатан в «Орловском комсомольце» З июля 1966 г.), рассказ «Бей, барабан!» (2 октября 1966 г.), очерк о НИИ зернобобовых культур (15 октября 1966 г.). Одна из публикаций первого года — рассказ (по сути документальный очерк) «Добрые всходы», напечатанный 11 декабря 1966 года. Начало — как отражение того впечатления, которое осталось у Агишева, когда он приехал в Орёл: «Автобус переполнен. Утро пасмурное. Час "пик".

Что и говорить, не мёд-сахар дважды на дню, а то и чаще трястись в битком набитом автобусе через весь город. Но зато уж как сел — так почти до самой проходной довезёт. На автобусе табличка: "Вокзал — заводы". Можно подумать, что в районе вокзала нет заводов. На самом деле их и тут полно. Вон густо припудренная труба гипсового завода. А вот завод текстильного машиностроения "Текмаш"... Дальше автобус бежит вдоль ограды завода имени Медведева — это был прославленный партизанский командир, бюст его стоит перед заводоуправлением. Дальше, дальше. Вот уж и Сквер танкистов, Вечный огонь.

И сады. Множество садов. Они тянутся от дома к дому, от квартала к кварталу почти непрерывной лентой, сбегают стайками приземистых яблонь к плёсам неторопливой Оки. Город весь утопает в зеленоватой дымке садов. А что удивительного? Многие поколения людей своим трудом изменяли и украшали эту землю. Природа тут как бы в добром согласии с человеком. Так, наверное, всегда получается в хороших городах» [2].

Финал рассказа — во вполне жизнеутверждающем духе. Наверное, так может написать только человек, который решил связать всю оставшуюся жизнь с этим уголком России: «Каждый должен найти своё место на свете. Беда, коли человек его не нашёл.

Вон как хорошеет город. Четыреста лет. Сколько людей прошло через эти улицы за четыре века, сколько тут осталось труда, сколько надежд! А город мужает, строит большие заводы, набирает полную силу. Родной город. Как хорошо сознавать, что твоё место именно тут» [2].

Рассказ на фронтовую тему «Младший бог войны» был напечатан в «Орловской правде» 2 июля 1967 года, а 24 сентября — рассказ «Березина». Сюжет простой: недалеко от переднего края летом 1944 года едет в повозке пожилой русский солдат, а ему навстречу с поднятыми руками выходит из леса целая колонна фрицев. Какой контраст с трагедией лета 1941 года в тех же белорусских краях! Агишев мастерски, в традициях русской классики описывает этот, по всей видимости, вполне реальный случай: «Оттолкнув угодливо протянутую помятую пачку с сигаретами, дядя Гриша неторопливо скрутил папироску из своего вместительного кисета, исподтишка разглядывая унтера. Измученный, обросший, с потрескавшимися губами, в истрёпанной шинели со вздувшимися посередине суконными погонами, в башмаках без обмоток — такого фрица дядя Гриша ещё не видел за всю войну. В глубине запрятанных в морщинистые складки глаз унтера угадывалось что-то звериное, затравленное.

"Да, и вас побила война", — подумал дядя Гриша, закуривая, но жалости не почувствовал. Напротив, ему хотелось сказать немцу что-нибудь позабористее, позлее. Однако он ограничился тем, что сердито сказал:

— Ну, пошёл, веди своих долговязых. Да гляди у меня! — на всякий случай дядя Гриша погрозил автоматом. Потом слез с повозки, подтянул на коне подпругу» [1].

5 марта 1968 года «Орловская правда» напечатала заметку «Первая премия — писателю-орловцу»: «В связи с 50-летием Советского государства и 50-летием Советских вооружённых сил в марте 1966 года редакцией журнала "Советский воин" был объявлен конкурс на лучшую повесть и лучший рассказ. Недавно жюри огласило результаты конкурса. За рассказ "Бей, барабан!" первая премия присуждена орловскому писателю Рустаму Агишеву» [10].

Тогда же в библиотеке журнала «Советский воин» вышла его небольшая книжка «Руэлла». В ней были фронтовой фотопортрет автора в форме политрука и три рассказа: «Бей, барабан!», «Березина», «Руэлла».

Когда в 1968 году Петра Проскурина пригласили в Москву на работу в редакцию газеты «Правда», вслед за ними уехали из Орла и Агишевы. Поселились в Калинине

(ныне Тверь). В конце 1960-х – начале 1970-х годов книги Рустама Агишева выходили довольно часто: «Луна в ущельях» (Москва, 1967 г., 1974 г.), «Сын тайги» (Москва, 1968 г.), «Бей, барабан!» (Тула, 1968 г.), драматическая поэма для юношества «Сказание о любви» (Улан-Удэ, 1970 г., в соавторстве с С. К. Плисецкой), «Возвращение» (Тула, 1972 г.).

Ключевое произведение той поры — роман «Луна в ущельях», вышедший в столице двумя тиражами — 50 и 100 тысяч экземпляров (2-е издание — с посвящением «Светлой памяти матери моей — Мариам Шахимардановны Сагитовой»). Агишев рассказывал читателям об истории открытия и освоения на Дальнем Востоке месторождения фосфоритов. Идеи и темы те же, что и в «Зелёной книге»: гражданская ответственность, государственное отношение к своему делу, борьба с бюрократией. Герои — инженер-геолог Стырне и начальник поисковой партии Сырцов. Их личные судьбы, испытания, любовные коллизии...

Орловские рецензенты достаточно доброжелательно встретили новую книгу земляка. Так, О. Концевич писал: «К безусловным достоинствам книги следует отнести сочный, плавный язык. Гармоничны строгие, чёткие пейзажи. Умение найти точное слово, типический штрих выгодно проводит границу между романом о буднях геологов и литературой "геологической тематики". Роман написан

по следам совсем недавних событий, и потому воспринимается особенно остро. Полемическая заострённость присутствует в каждой странице, в каждом образе» [7]. В. Пономарёв назвал роман многоплановым: «Автор прослеживает судьбы целого ряда героев, решая при этом немаловажные проблемы нашей жизни» [12].

Сегодня томики «Луны в ущельях» можно найти в библиотеках, полистать, прочесть. Лично я, когда брал их в руки, обратил внимание на то, что в обеих книгах нет ни предисловий, ни послесловий, нет иллюстраций, только во втором издании гравированные заставки названий глав. Что это — верность лозунгу издательской экономии или признак некоего равнодушия редакторов и коллег-писателей к труду маститого прозаика? Может быть, работа с архивами покажет, как складывались эти отношения, о чём мечталось, что удавалось и что не удавалось. Но это уже дело литературоведов и историков литературы...

Рустам Константинович Агишев рано ушёл из жизни — ему было всего 63 года. Умер 13 августа 1976 года в Калинине. Его жизнь вместила в себя революцию, большие и малые войны, юность в Средней Азии, грандиозную стройку на Амуре и повседневный творческий труд, итог которого — 23 книги, изданные в Хабаровске, Москве, Туле, Улан-Удэ, Ташкенте, Южно-Сахалинске общим тиражом более 420 тысяч экземпляров.

Список использованных источников

- 1. *Агишев. Р. Березина / Р. Агишев // Орлов.* правда. 1967. 24 сент.
- 2. Агишев, Р. Добрые всходы / Р. Агишев // Орлов. правда. 1966. 11 дек.
- 3. Агишев, Р. К. Зелёная книга : роман / Р. К. Агишев. Хабаровск : Кн. изд-во, 1954. — 504 с.
- 4. Агишев, Р. Эпоха суровых испытаний / Р. Агишев // Орлов. комсомолец. 1968. 3 авг.
- 5. Гребенюкова, Н. П. П. Л. Проскурин в Хабаровске / Н. П. Гребенюкова. Текст: электронный // Центральная городская библиотека им. П. Л. Проскурина. Пётр Проскурин: электронные страницы памяти. Брянск, 2021. URL: http://proskurin.moy.su/pdf-fajly/Doklady/Grebenjukova.pdf.
- 6. Константинов, Р. [Агишев Р. К.] Как было занято село М./Р. Константинов // В бой за Родину: красноарм. газ. 1942. 1 янв.
- 7. Концевич, О. «Был дом сухой и надёжный…» / О. Концевич // Орлов. комсомолец. 1968. 27 июля.

- 8. Наградной лист Р. К. Агишева (1943 г.) // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 1864. Л. 37.
- 9. Наградной лист Р. К. Агишева (1944 г.) // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр. 5675. Л. 5.
- 10. Первая премия— писателю-орловцу // Орлов. правда.— 1968.— 5 марта.
- 11. Письмо Р. К. Агишева заместителю председателя облисполкома Р. А. Ковальчук // Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 3603. Д. 46. Л. 103.
- 12. Пономарёв, В. Книга о современнике / В. Пономарёв // Орлов. правда. 1968. 17 марта.
- 13. Справка о творческой работе членов Орловской писательской организации (июнь 1968 г.) // ГАОО. Ф. 3603. Д. 56. Л. 6.
- 14. Яновский, А. У литературной карты / А. Яновский // Орлов. правда. 1966. 14 окт.

Материал поступил в редакцию 25.01.2021.

Сведения об авторе: Кондратенко Алексей Иванович, заведующий методическим отделом Орловского Дома литераторов, доктор филологических наук (г. Орёл).

Контактные данные: e-mail: istorik57@yandex.ru.

ОБОРОНА БЛАГОВЕЩЕНСКА В 1900 ГОДУ (по фотографиям, хранящимся в фонде Центра консервации документов и изучения книжных памятников Дальневосточной государственной научной библиотеки)

В данной статье автор описывает и анализирует фотодокументы из фонда Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск), посвящённые обороне Благовещенска в 1900 году.

Ключевые слова: фотоальбомы конца XIX – начала XX века, фотодокументы, оборона Благовещенска в 1900 г., русско-китайская война.

Keywords: photo albums of the late XIX – early XX century, photo documents, defense of Blagoveshchensk in 1900, Russian-Chinese war.

рошедший 2020 год стал юбилейным для многих памятных событий в истории нашей страны. Не случайно он был объявлен Годом памяти и славы. Прошло уже 120 лет с тех пор, как начались военные события на Амуре и был обстрелян китайскими войсками Благовещенск. Это героическое и одновременно трагическое происшествие сейчас почти забыто. Не так много исторических источников и документов сохранили память о нём. Наиболее ценными и достоверными свидетелями обороны Благовещенска стали фотографии из фонда Дальневосточной государственной научной библиотеки (далее — ДВГНБ).

Основные цели данной статьи — напомнить о событиях на Амуре в 1900 году, раскрыть сюжеты снимков, связанных с обороной Благовещенска, ввести в научный оборот сведения о фотодокументах, хранящихся в фонде редких и ценных изданий ДВГНБ.

Всего по данной теме из коллекции фотоальбомов были отобраны четыре единицы хранения: «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]¹», «Поход в Маньчжурию», «1900 г.: [русско-китайская война]», «Защитники добровольцы гор. Благовещенска в июле 1900 года». В альбомах помещаются репортажные, видовые и групповые снимки. Прежде чем рассматривать и анализировать их, необходимо сделать обзор исторических источников и исследований на эту тему.

Обзор источников по теме исследования

Один из ведущих современных специалистов в области российско-китайских отношений, доктор исторических наук, профессор В. Г. Дацышен, пишет: «Военная кампания 1900 г., как и весь круг проблем, с ней связанных, до сих пор слабо исследованы в науке. Причины здесь, прежде всего, политические. Для Российского государства всегда особое значение имели стабильные отношения с Китаем. Обращение к истории наиболее сложных периодов в двухсторонних отношениях могло оказать негативное влияние на современные процессы» [4, с. 164]. Действительно, в научной литературе при описании обороны Благовещенска историки опираются на одни и те же источники информации. В основном сведения черпают из книги А. В. Кирхнера «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» [11], сочинения Н. З. Голубцова «Геройские подвиги наших воинов в 1900 г. на Амуре» [2], «Сборника газеты "Амурский край"» [13], где помещены статьи корреспондентов о военных событиях на Амуре с 1 июля по 1 августа 1900 года.

Обращались к исследованию событий на Амуре и в Маньчжурии китайские и западные учёные, например историки США². Но их работы не носят обобщающего характера. Глубокого всестороннего изучения в других странах данные события так и не получили.

Первые описания обороны Благовещенска начали появляться сразу же, по окончании боёв. О них писали «не только участники событий, но и политики, общественные деятели, публицисты...» [4, с. 164]. Некоторые авторы старались показать произошедшее объективно, а иные давали оценку случившемуся. Так, например, политический деятель Л. Г. Дейч в своей книге «Кровавые дни», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1906 году, описывает жестокое отношение наших солдат и казаков к китайцам. В книге рассказывается об избиениях, убийствах, о жестокой «переправе» китайских подданных на родину: «Пригнав несчастных к реке, им приказали плыть на противоположный китайский берег. Никаких решительно средств для переправы при этом не было приготовлено; Амур же в этом месте имеет более полуверсты в ширину и очень быстрое течение» [6, с. 16]. Таким образом, погибло несколько тысяч мирных китайских жителей, в их числе были старики, женщины и дети. Л. Г. Дейч даёт негативную оценку случившемуся, порицает городскую администрацию за халатность и равнодушие.

Исследователь В. И. Дятлов, профессор Иркутского государственного университета, в статье «Благовещенская "утопия": из истории материализации фобий» [8] анализирует оборону Благовещенска с точки зрения современного взгляда на историческую науку. Автор описывает предысторию события (восстание ихэтуаней), реакцию властей на произошедшее, отношение жителей города к китайцам, проживающим в Благовещенске, взгляд общества на случившееся. Он пытается понять, почему данному событию не было уделено достаточно внимания со стороны историков, живших тогда, и историков, работающих в настоящее время.

Ещё один современный исследователь — историк Н. И. Дубинина — в 2019 году написала статью «Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900—1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья» [7]. В данной работе рассматриваются события в Северной Маньчжурии в 1900—1901 годах, анализируется роль Н. И. Гродекова в связи с произошедшим, описываются последствия случившегося для истории и развития Приамурского края. Автор рассматривает осаду Благовещенска как один из эпизодов в ряду военных столкновений России с Китаем в 1900—1901 годах.

¹ В квадратные скобки заключены названия и данные, сформулированные библиотекарями или найденные в других источниках информации.

² В. Г. Дацышен в своей работе «Война в Приамурье. Из истории кампании русской армии и флота в Китае 1900–1902 гг.» выделяет исследование Lensen G. A. The Russo-chinese war. — Tallahassee. 1967.

Основные исторические источники по данной теме впервые под одной обложкой были собраны в книге «Военные события в Приамурье, 1900—1902» (2008 г.). Она включает сочинения, воспоминания, журналистские свидетельства современников событий самого начала XX века и обобщающий труд исследователя В. Г. Дацышена «Война в Приамурье. Из истории кампании русской армии и флота в Китае 1900—1902 гг.». В своей работе автор рассматривает историю изучения этой темы, описывает события русско-китайской войны. Одна из глав его исследования посвящена обороне Благовещенска. Книга проиллюстрирована фотографиями из альбомов 1900—1903 годов.

Историки используют фотодокументы в основном в качестве иллюстративного материала к своим трудам. Как самостоятельный объект исследования визуальные источники описываются лишь в одной работе. Сотрудник краеведческого отдела ДВГНБ Т. В. Кирпиченко ещё в 2000 году делала общий обзор книг и альбомов. посвящённых русско-китайской войне 1900-1901 годов [10]. В статье автор пишет так: «Большую ценность представляет хранящаяся здесь (в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки. — К. З.) коллекция альбомов с фотографиями, изображающими события русско-китайской войны 1900 г. Таких фотографий более 800 и помещены они в 16 альбомах и папках. Это живые иллюстрации всех событий, описанных журналистами, писателями, участниками войны... Наглядное изображение мест, где происходили военные действия, портреты людей, добровольно защищавших свои родные места, групповые фотографии солдат, казаков, матросов, сражавшихся и, возможно, погибших на той войне, помогут представить исследователю более точную картину событий, описываемых в книгах и архивных документах» [10, с. 90-91]. В статье даётся общий обзор альбомов, посвящённых событиям русско-китайской войны 1900-1901 годов, кратко описываются сюжеты фотоснимков. Визуальные документы, связанные с обороной Благовещенска, не выделяются и упоминаются в ряду других: «На фотографиях представлены не только сцены на полях сражений в Маньчжурии, но и действия мирных жителей, захваченных войной. Это и портреты добровольных защитников Благовещенска во время трехдневной осады города в июле 1900 г., и встреча Хабаровском эвакуированных перед началом военных действий жителей Харбина» [10, с. 91].

Таким образом, подробное изучение, описание и анализ визуальных материалов по истории обороны Благовещенска ещё не проводились. Они не выделялись из общего объёма фотодокументов, посвящённых русско-китайской войне 1900–1901 годов, и не рассматривались в качестве объекта исследования.

В данной статье будут описаны сюжеты фотоснимков в историческом контексте, раскрыта информация о фотографах, которые запечатлевали события в Благовещенске в 1900 году, делали групповые портреты военных и добровольцев, защищавших город.

Благовещенск во время осады

Фотографии — это визуальные свидетели произошедших событий. Для того чтобы лучше понять изображённое на снимках, необходимо иметь представление о том, как выглядел город во время осады, какое впечатление производил.

Боксёрское восстание, вспыхнувшее в Китае в 1900 году, распространилось на довольно обширную территорию. Маньчжурия³ стала основным театром военных действий. Ввиду того, что Амурская область граничит с Маньчжурией, а Благовещенск располагался как раз напротив Айгунского фудутунства провинции Хэйлунцзян, город оказался в опасности.

Внешний вид Благовещенска в 1900 году, обстановка, настроения жителей описывались корреспондентами газеты «Амурский край». В своих книгах и работах сведения о городе приводят А. В. Кирхнер, Л. Г. Дейч, В. Г. Дацышен.

Л. Г. Дейч в сочинении «Кровавые дни» даёт такую характеристику Благовещенска: «Главным и вместе единственным городом Амурской области, по своим размерам превосходящим некоторые европейские государства, является Благовещенск, имевший в описываемое время 38 000 жителей. Он расположен на левом, низменном берегу р. Амура; большинство зданий в нём деревянные, и в нём нет никаких укреплений» [6, с. 4]. Это описание позволяет судить о том, что город был не готов к обороне. Об этом

Неизвестный фотограф. Г. Благовещенск, вид магазина «Чурин и компания». [1900]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 11,5х16,3. ДВГНБ. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» (№ и49655).

свидетельствует ряд факторов: его расположение, отсутствие укреплений, большое количество деревянных домов. Кроме того, на момент первых обстрелов в городе находилось недостаточное количество войск. Всё это в совокупности создавало сложное положение Благовещенска.

Поводом к началу военных действий стал артиллерийский обстрел парохода «Михаил». Это произошло потому, что китайские военные получили распоряжение от своих властей не пропускать русские суда по Амуру. Вот как об этом написано в «Сборнике газеты "Амурский край"»: «1 июля⁴ благовещенцы были встревожены известием о первых военных действиях в пределах Амурской области, начатых китайцами в Айгуне и состоящих в обстреливании проходящего мимо этого города парохода "Михаил", везшего из Хабаровска пять барж с военными припасами» [13, с. 82]. В Благовещенске нарастала паника, людям страшно было выйти из дома, а власти понимали, что такими скудными военными силами им не защитить город. Поэтому на следующий день, 2 июля, началась подготовка к обороне. Было созвано экстренное заседание городской думы. Ввиду сложного положения города решили организовать оборону и защиту силами благовещенцев. Благовещенск был разделён на шесть участков, на каждом из которых находилась дружина добровольцев, готовая к обороне на случай нападения китайцев.

2 июля примерно в шесть часов вечера началось обстреливание западной части города. В газете «Амурский край» так описан облик Благовещенска в первые дни осады: «Внешний вид города был столь же уныл и мрачен, как и настроение его жителей. Ворота, двери и ставни во всех домах были заперты на запоры. На улице не было видно ни одного извозчика. Магазины и лавки были наглухо заперты и торговля прекращена» [13, с. 88]. Жизнь в городе замерла.

З июля почти весь день до поздней ночи продолжалась стрельба. Больше всего пострадала от пуль западная часть города, где находились казармы и Государственный банк. 4 и 5 июля стрельба по Благовещенску продолжилась. Пули разбивали стёкла в зданиях, снаряды попадали на крыши и внутрь помещений, происходили взрывы. От китайских ядер возникали пожары. Горожане подвергались опасности от шальных пуль, поэтому передвигаться приходилось перебежками. Нельзя было выходить на набережную.

Для защиты и охраны города «на протяжении всего берега от западной черты города до устья Зеи и по Зее вырыты ложементы, в которых лежат наши стрелки, чередуясь в определенные часы, которые аккуратно соблюдаются. Везде расставлены часовые, также строго отбывающие свои дежурства. Охранная дружина несет тяжелую свою

службу одинаково днем и ночью без перерыва и делает, таким образом, внезапную переправу китайских войск невозможной» [13, с. 93]. Ложементы испортили облик набережной города, но зато обеспечили надёжную защиту от вылазок неприятеля.

Осада Благовещенска длилась 18 дней. 20 июля в город прибыло подкрепление. Это стало переломным событием, определившим ход военного конфликта в нашу пользу. Русскими войсками были взяты китайские города Айгун и Сахалян. Неприятель был разбит, а российская армия продолжила наступление вглубь Маньчжурии. Вскоре возобновилось речное судоходство по Амуру. Жизнь в городе стала налаживаться.

Фотографии, посвящённые обороне Благовещенска, в историческом контексте

В ДВГНБ хранятся три фотоальбома и одна папка с планшетами, которые содержат фотографии, посвящённые обороне Благовещенска в 1900 году. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900-1901 гг.]» включает видовые, репортажные и постановочные снимки. На них зафиксированы события, люди, города. В папке «Зашитники добровольцы гор. Благовещенска в июле 1900 года» помещены планшеты с групповыми портретами благовещенцев, вставших на защиту города. Фотоальбомы «Поход в Маньчжурию» и «1900 г.: [русско-китайская война]» содержат снимки, связанные с обороной Благовещенска. В этих альбомах зафиксированы моменты отправки войск из Хабаровска на помощь осаждённому городу. Рассматриваемые фотографии были сделаны или во время военных событий, или спустя несколько месяцев после них. Все снимки передают исторические реалии, а также особенности фотографического дела того времени.

Развитие военной фотографии происходило постепенно. Первые портреты военнослужащих стали появляться на американских дагерротипах ещё в 40-х годах XIX века. Спустя примерно два десятилетия в Японии начали делать портреты самураев. С развитием технологий появились более мобильные фотоаппараты, это позволило фиксировать события на полях сражений. Стало возможным не только делать портреты военных, но и репортажные снимки. Первым официальным военным фотографом считается британец Роджер Фентон. Его снимки Крымской войны являются примером военной фотожурналистики.

К концу XIX века процесс фотографирования упрощается, появляются более компактные камеры. Фиксация изображения осуществляется на стеклянные пластины и фотоплёнку. Войну теперь могут снимать фотографы-любители. Стало проще фиксировать факты во время сражения, передавая своего рода репортаж с места событий.

Г.И. Дауман. Вид Сахаляна, а ныне поста Ильинского, во время бомбардировки загоревшегося от наших артиллерийских снарядов. 1900. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 15,1х22,7. ДВГНБ. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» (№ и49655).

В России школа военного фоторепортажа начала складываться в годы Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны. До этого делались первые попытки съёмки событий на полях сражений.

Снимки событий обороны Благовещенска, хранящиеся в ДВГНБ, были сделаны в 1900 году, тогда фотографу было проще создать постановочный снимок или запечатлеть статичный вид. Но среди рассматриваемых фотодокументов всё же встречаются репортажные кадры, например «Вид Сахалян⁵, а ныне поста Ильинского во время бомбардировки загоревшегося от наших артиллерийских снарядов». Перед нами противоположный Благовещенску берег, где располагался небольшой китайский городок Сахалян. В центре изображения по берегу стелется дым, поднимаясь в небо. Это очень ценный исторический снимок, поскольку он запечатлевает момент пожара в Сахаляне. В этом же альбоме далее встречаются снимки уже обгоревших зданий китайского города. Фотодокументы показывают нам масштаб тех военных событий, улавливают мгновения истории.

Первый фотоальбом, который мы будем рассматривать, называется «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]». Объём альбома составляет 24 листа. Всего он включает 54 снимка, из которых только 38 фотографий посвящено обороне Благовещенска в 1900 году. Под снимками приклеены отдельные полоски бумаги с подробным печатным текстом об изображённом событии или группе людей.

Фотоальбом включает репортажные и видовые фотографии, групповые портреты. На его страницах собраны изображения частей мобилизованных войск, городских видов, отдельных событий. Ближе к концу альбома располагаются

Г.И.Дауман. Вид города Сахаляна, снятый после бомбардировки и взятия его 21-м Восточно-Сибирским стрелковым полком 20 июля 1900 г. 1900. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 15,4х22,6. ДВГНБ. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» (№ и49655).

снимки, показывающие пытки и казни хунхузов (китайских разбойников) в 1901–1902 годах в Гирине.

Примерно на половине позитивов, помещённых в этот фотоальбом, есть надпись «Дауман». Фамилия нанесена на негативы, с которых печатались фотографии. Другая половина снимков не имеет подписей, поэтому можно предположить, что авторами этих работ выступают другие фотографы, причём не обязательно это могли быть дальневосточные мастера. Так, например, в альбоме есть фотография с сухим штемпелем: «Ненадо В.О.6 Лин. 23 Тел. 91-94». Это значит, что снимок был сделан в фотоателье Константина Григорьевича Васильева, которое располагалось в доме № 23 на 6-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге. Таким образом, можно заключить, что фотоальбом собран из снимков разных авторов.

Большая часть фотографий, которые касаются обороны Благовещенска в 1900 году, были сделаны Григорием Исаевичем⁶ (Гранеком Ицковичем) Дауманом (1851–1924 гг.). О его жизни известно немного. Г. И. Дауман родился в Польше, в городе Ченстохов. Он стал одним из первых фотографов Благовещенска и Амурской области. В 1900–1902 годах его работы публиковались в «Амурском народном календаре» и иллюстрированном приложении к «Амурской газете» [1].

В статье благовещенского краеведа и исследователя С. В. Емельянова «Разные судьбы» показана история трёх семей амурских эмигрантов, в том числе семьи Дауман, в 1919 году эмигрировавшей из Благовещенска в Китай. Автор статьи приводит следующие сведения о Г. И. Даумане: «Благовещенский купец 2-й гильдии (1902–1914), владел магазином аптекарских и парфюмерных товаров, парик-

⁵ То есть Сахаляна. В названии кадра использована форма слова, как в описании к фотографии из фотоальбома «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]». Пунктуация оригинала сохранена.

⁶ В разных источниках встречаются разные варианты отчества Даумана: Иванович и Исаевич.

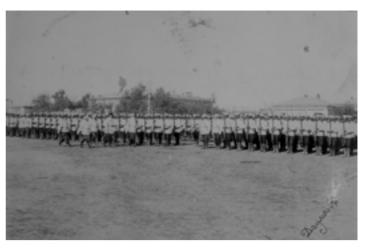

Г.И.Дауман. Оборона г. Благовещенска со 2 по 19 июля 1900 г. 2-м линейным, а ныне 21-м стрелковым полком во время бомбардировки китайцами. 1900. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 15,2х22,3. ДВГНБ. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» (№ и49655).

махерской (ул. Большая, 153), торговал бельём и галантереей. Имел свой дом в Благовещенске (ул. Зейская, 181), где проживало всё его большое семейство: жена и семеро детей. Один из первых фотографов-любителей, летописец Благовещенска и Амурской области... Революцию 1917 года Григорий Исаевич не признал. Весной 1919 г. с женой и детьми (кроме сына Абрама) выехали из Благовещенска в Харбин, затем в 1923 г. — в Шанхай, где проживали в своём доме. Умер в 1924 году» [9, с. 73–74]. В 1900 году Г. И. Дауман оказался свидетелем обороны Благовещенска, он запечатлел военные события, сделал групповые портреты военнослужащих, участвовавших в этой кампании.

В альбоме «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» преобладают постановочные фотографии, например групповые снимки Георгиевских кавалеров 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, снятый на фоне города обоз всех частей войск Благовещенского гарнизона, военные в ложементах на набережной.

Четыре снимка имеют одинаковые описания: «Оборона г. Благовещенска с 2-го по 19-е июля 1900 года 2-м линейным, а ныне 21-м стрелковым полком во время бомбардировки китайцами». Данная информация напечатана на полосках бумаги, которые приклеены под четырьмя изображениями. Фотограф запечатлел группу бойцов в окопах, вырытых для защиты города возле реки напротив китайского берега. Среди других лиц в ложементах находится командир 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Феофил-Генрих Яковлевич Фриман, который участвовал в обороне Благовещенска и взятии Айгуна [1]. Рассматриваемые фотографии сделаны уже после военных событий. Если внимательно присмотреться к изображениям, можно заметить, что на земле лежит снег,

Г. И. Дауман. Церковный парад 8 сентября 1900 года после богослужения на площади, у кафедрального собора.
Раздача Георгиевских крестов... 1900.
Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток.
15,2x23,1. ДВГНБ. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]»
(№ и49655).

а осада Благовещенска происходила в июле 1900 года. К тому же все портретируемые смотрят в камеру, этот факт говорит о том, что снимки явно постановочные.

Первая фотография в альбоме «[Благовещенск, 1900-1901 гг.]» описана так: «Церковный парад 8 сентября 1900 года после богослужения на площади у Кафедрального собора. Раздача Георгиевских крестов: 21 стрелкового полка 48 стрелкам, 1-го Благовещенского запасного батальона 8. Амурского казачьего полка 13. команды парохода "Селенга" 5 и 2-го Благовещенского запасного батальона 3 креста» 7. Это репортажный снимок Г.И. Даумана. Такое подробное описание раскрывает информацию о времени и месте создания фотографии, а также о том, какие военные части присутствовали на церковном параде. В газете «Благовещенские епархиальные ведомости», в разделе «Хроника», так говорилось об этом торжестве: «Его Преосвященство совершал Божественную Литургию в градо-Благовещенском кафедральном соборе. Сослужащими были: кафедральный протоиерей И. Коноплев, инспектор семинарии, иеромонах Дионисий, ключарь, священник П. Богданов, священники А. Гаркин и А. Рубцов. По окончании литургии совершён на соборной площади молебен Божией Матери по случаю сбора войск для раздачи воинских значков отличившимся на войне воинам» [14, с. 398]. Это описание помогает уточнить некоторые данные фотоснимка и дополнить картину новыми сведениями: где происходило событие, какие священники совершали богослужение, какой молебен произносился перед раздачей знаков отличия.

⁷ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинального описания из фотоальбома.

Г.И.Дауман. Снимок в лагере 2-го Вост. Сиб. линейного батальона, ныне 21-го В.С. стрелкового полка, в мобилизированном составе, перед бомбардировкой г. Благовещенска... 1900. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 8,2х22,4.

ДВГНБ. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» (№ и49655).

На первой фотографии собор не запечатлён; если бы не описание под изображением, было бы сложно установить, что за действие разворачивается на снимке. На второй и третьей фотографиях виден Благовещенский собор, построенный в 1864 году. Храм стоял на каменном фундаменте, но сам он был из дерева. На снимках запечатлён собор с деревянной колокольней.

Фотографии, хранящиеся в ДВГНБ, уникальны ещё и тем, что доносят до нас образы людей, которые служили в 1900 году в 21-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. Фотографии многих сейчас невозможно найти в других источниках информации. Например, в альбоме есть позитив с описанием: «Снимок в лагере 2-го Вост[очно]-Сиб[ирского] линейного батальона, ныне 21-го В[осточно]-С[ибирского] стрелкового полка, в мобилизированном составе, перед бомбардировкой г. Благовещенска. Возле знамени стоят: 1) Командир полковник Фриман. 2) Капитан Левачёв. 3) Шт[абс]-кап[итан] Скоробогатов. 4) Ковалевский. 5) Поруч[ик] Басов. 6) Сиверс. 7) Пономарев. Подпоручики Блау. 8) Григорович. 9) Князь Гантимуров и по левой стороне знамени Адьютант подпоруч[ик] Слезин». Данная фотография даёт представление о том, как выглядели эти люди.

По «Памятной книжке Амурской области на 1901 год» удалось установить имена и отчества военных, служивших в 21-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. Возле знамени стоят командир полка, полковник Феофил-Генрих Яковлевич Фриман, исполняющий должность младшего штаб-офицера и заведующего хозяйством, капитан Павел Гаврилович Левачёв, командир 4-й роты, штабс-капитан Коронат Родионович Скоробогатов, командир 2-й роты, штабс-капитан Пётр Дмитриевич Ковалевский, заведу-

ющий учебной командой, поручик Василий Константинович Басов, заведующий оружием, поручик Фёдор Львович Сиверс, заведующий охотничьей командой, поручик Пётр Павлович Пономарёв, делопроизводитель полкового суда, подпоручик Сергей Николаевич Блау, подпоручик Борис Иванович Григорович, батальонный адъютант 1-го батальона, подпоручик Михаил Гаврилович князь Гантимуров. По левой стороне знамени — полковой адъютант, подпоручик Александр Иванович Слезин [12, с. 80–81].

Пять снимков передают виды разрушенных китайских городов Сахаляна и Айгуна после бомбардировки. Далее запечатлены сохранившиеся кумирни в Айгуне. По окончании военных действий в Благовещенске русские временно завладели китайской территорией и назвали Сахалян

Г.И.Дауман. Бивак 2 и 3 роты 21 стрелкового полка на посту «Марии Магдалины». 1900. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 15,2х22,8. ДВГНБ. Фотоальбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» (№ и49655).

постом Ильинским, а Айгун — постом Марии Магдалины. В альбоме есть две фотографии, подтверждающие этот исторический факт, — «Освящение поста Ильинского» и «Бивак 2 и 3 роты 21 стрелкового полка на посту "Марии Магдалины"».

Далее идёт ряд фотографических видов Благовещенска, автор которых неизвестен. Меняется оформление описаний под снимками, теперь это своеобразный бланк с напечатанными словами «Г. Благовещенск вид...» и местом для подписи. Названия зданий и мест написаны от руки чёрными чернилами. Фотоотпечатки становятся меньшего формата. Размеры видов Благовещенска примерно 11х17 см.

Завершает фотоальбом портрет китайского генерала Шеу с такой подписью: «Бывший Айгунский Генерал Шеу, а последнее время Цицикарский Цзянь-Дзюнь». Портретируемый изображён в полный рост в боевом снаряжении. Автор снимка неизвестен.

Таким образом, альбом «[Благовещенск, 1900–1901 гг.]» содержит репортажные и постановочные снимки, сюжеты которых связаны с военными событиями в Благовещенске в 1900 году. Фотографии запечатлели участников военных действий, состав 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, виды сожжённых китайских городов Сахаляна и Айгуна, виды Благовещенска в мирное время. Этот фотоальбом является уникальным историческим источником, сохранившим ценную информацию для потомков.

Следующим объектом исследования выступает папка с планшетами «Защитники добровольцы гор. Благовещенска в июле 1900 года». В ней помещаются восемь фотографий, приклеенных на картонные листы. Снимки представляют собой групповые портреты людей, добровольно защищавших город.

Из-за того, что в Благовещенске на момент осады находилось небольшое количество войск, на собрании городской думы постановили набрать добровольцев из числа жителей города. Образовалась добровольная дружина, которая осуществляла охрану Благовещенска. Среди добровольцев был и редактор-издатель «Амурской газеты» А. В. Кирхнер, он запечатлён на одном из групповых портретов, находящихся в рассматриваемой папке. В своей книге «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» А. В. Кирхнер приводит списки добровольцев, участвовавших в обороне Благовещенска [11].

О составе добровольцев пишет Л. Г. Дейч в книге «Кровавые дни»: «По всему берегу Амура возле Благовещенска, на протяжении двух-трех верст, быстро выкопаны были ложементы, в которые залегли охотники из разных слоев населения и разных возрастов. Здесь были мелкие чиновники, купцы, приказчики, чернорабочие, учителя, студенты и гимназисты. Чередуясь днем и ночью, добровольцы

охраняли наш берег и, наблюдая за действиями китайцев, делали почти невозможным внезапное нападение врага на город. В этом отношении охрану Благовещенска можно было считать недурно организованной и почти обеспеченной» [6, с. 12]. Всего добровольцев набралось около 2 000 человек. Когда в Благовещенск прибыло подкрепление (18 июля), дружина добровольцев была распущена. Места в окопах заняли военные.

Фотографии, помещённые в папку, представляют собой групповые портреты добровольцев 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го участков обороны Благовещенска. Снимки не подписаны, нет сведений о фотографе и времени их создания. В Интернете чаще всего эти фотографии публикуются без каких-либо описаний.

В Сети удалось разыскать автотипию с одного из снимков, входящих в эту папку с такой подписью: «Группа добровольцев 2 участка обороны г. Благовещенска. Автот. А. И. Вильборга, СПБ. Мещ. 2, с фотогр. Като, Блг.». Получается, что автотипия сделана с работы благовещенского фотографа — японского подданного С. Като. Его фотомастерская располагалась в Благовещенске на улице Большой. С. Като был одним из первых профессиональных фотографов в городе. Он специализировался на портретах и делал событийные фотографии.

Фотографии добровольцев, защищавших Благовещенск, часто использовались в книгах, в качестве иллюстраций печатались автотипии с них. Эти снимки также публиковались в Интернете. На сегодняшний день не установлены все лица с групповых портретов, исследователи находят отдельных людей, но это лишь фрагментарная информация, не дающая в полной мере атрибутировать данные фотографии. Изучение и идентификация лиц, изображённых на этих групповых портретах, может послужить поводом для отдельной работы.

Перейдём к описанию двух следующих единиц хранения. Это фотоальбомы «Поход в Маньчжурию» и «1900 г.: [русско-китайская война]». На их страницах много фотографий, посвящённых русско-китайской войне в целом.

«Поход в Маньчжурию» содержит визуальные свидетельства событий, происходивших в Хабаровске в 1900 году. На фотографиях зафиксированы моменты отбытия войск из города на места военных действий — в Благовещенск и Харбин. Несколько снимков показывают прибытие семей русских служащих из Харбина в Хабаровск. Несколько позитивов иллюстрируют всенародное архиерейское служение на Соборной площади города в июле 1901 года.

В фотоальбоме «1900 г.: [русско-китайская война]» помещаются снимки, зафиксировавшие события из истории Хабаровска, Харбина и китайского уезда Хунчун. Училищный пикник, закладка артиллерийской мастер-

ской, отбытие наших войск в Благовещенск — всё это происходило в Хабаровске в 1900 году. Около десяти фотографий иллюстрируют занятие русскими китайского уезда Хунчун в августе 1900 года. Далее следуют снимки видов и сооружений города Харбина.

Оба эти источника визуальной информации включают снимки событий, связанных с обороной Благовещенска. «Поход в Маньчжурию» содержит 12 таких снимков, а в фотоальбоме «1900 г.: [русско-китайская война]» их 15. 11 фотографий дублируются в том и другом источниках.

В альбомах помещаются снимки, рассказывающие об отбытии войск на подкрепление Благовещенску, зафиксирован процесс передвижения барж с обозом и боевыми орудиями. На фотографиях запечатлены группы солдат перед погрузкой на суда. Фотоснимки в основном репортажные, создаётся впечатление, как будто фотограф наблюдает за процессом со стороны.

На помощь Благовещенску из Хабаровска отправился речным путём отряд под командованием полковника А. П. Сервианова. В него вошли два батальона 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 10-й батальон пограничной стражи, сотня амурских казаков и 4-я батарея Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. На фотографии «[Встреча командующего войсками округа 14-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, 10-м Восточно-Сибирским линейным батальоном и 4-ой батареей 1-ой Восточно-Сибирской артиллерийской бригады 4 июля в 7 часов вечера]» запечатлён момент, описанный в газете «Приамурские ведомости» за 1900 год так: «4-го июля, в 7 час[ов] вечера, на пристани уссурийской ж[елезной] д[ороги], по случаю выступления в поход 14-го В[осточно]-С[ибирского] стрелкового полка, 10-го В[осточно]-С[ибирского] линейного батальона, 4-й батареи 1-й артиллерийской бригады, было отслужено напутственное молебствие... Войска, под командой командира 14-го стрелк[ового] полка, полковника Сервианова были построены на площади, между пристанью и дорогой, фронтом к горе и тылом к Амуру. Обойдя войска и поздоровавшись с ними, командующий войсками приказал подать команду "на молитву"» [3, с. 9]. Главный начальник края Н. И. Гродеков сказал напутственные слова. После торжественной части было отдано приказание вести всех людей на суда. Имущество полка и обоз были погружены на баржи и последовали по Амуру в Благовещенск. Эти моменты зафиксированы на фотографиях «Обоз 10 батальона на баржах», «Группы солдат 10 батальона перед погрузкой», «Стоянка войск перед погрузкой 14-го полка».

В альбоме «Поход в Маньчжурию» есть фотография с подписью «Пароход М. П. С. "Сунгари" с установленными по бортам щитами от ружейного огня». Такие меры защиты помогали нейтрализовать действие пуль противника. Паро-

Неизвестный фотограф. [Встреча командующего войсками округа 14-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, 10-м Восточно-Сибирским линейным батальоном и 4-ой батареей 1-ой Восточно-Сибирской артиллерийской бригады 4 июля в 7 часов вечера]. [1900]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 12,1х16,1. ДВГНБ. Фотоальбом «Поход в Маньчжурию» (№ 1868055).

ход «Сунгари» вёз из Хабаровска в Благовещенск боевые снаряды, которые были доставлены в целости и оказали огромную помощь при обороне города. Блиндированный железными листами пароход стоит у Хабаровска, о чём свидетельствует пейзаж, здания, беседка на берегу.

Фотографии в альбомах «Поход в Маньчжурию» и «1900 г.: [русско-китайская война]» дополняют визуальные источники, посвящённые обороне Благовещенска, новыми сведениями и связывают с произошедшими событиями новые места. Хабаровск оказался на снимках не случайно, ведь именно здесь находился центр Приамурского военного округа, в котором принимались решения и распределялись войска.

Неизвестный фотограф. [Погрузка 10 Восточно-Сибирского батальона]. [1900]. Чёрно-белая фотография, альбуминовый отпечаток. 12х17,6. ДВГНБ. Фотоальбом «Поход в Маньчжурию» (№ 1868055).

Для победы в Маньчжурии было брошено много сил. В целом русско-китайская война, начавшаяся с восстания ихэтуаней, затронула обширную территорию, в том числе пограничные русские земли. Военное столкновение на Амуре привело к серьёзным последствиям: война нанесла обеим сторонам невосполнимый материальный ущерб, сильно пострадала Китайско-Восточная железная дорога, город Айгун был полностью разрушен. Маньчжурия потерпела поражение в этой войне.

Оборона Благовещенска — это лишь один из эпизодов русско-китайской войны 1900—1901 годов. Память об этом событии живёт в фотографиях. Репортажные, групповые, видовые снимки передают произошедшее в визуальных образах. Текстовые источники наполняют смыслом эти

фотографии. Книги, статьи из газет, подписи в альбомах рассказывают о том, что изображено на снимках, дополняя и «оживляя» их.

Дальневосточная государственная научная библиотека хранит уникальные визуальные свидетельства событий на Амуре 1900 года. Фотографии могут быть использованы исследователями для иллюстрации своих научных трудов, при подготовке книг, выставок и проектов, посвящённых этой теме. Далеко не все факты о фотографиях и об альбомах на сегодняшний день выяснены. Нами были описаны сюжеты снимков, найдена информация о фотографах, сделана попытка определить жанровые особенности фотодокументов. Надеемся, что эта работа привлечёт к данной теме новых исследователей.

Список использованных источников

- 1. Благовещенцы. 1858—1920 гг.: [именной и биографический справочник-указатель]/ сост.: В. Н. Абеленцев, А. А. Гаршин. [Благовещенск: Амур. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2014]. URL: http://museumamur.org/bibliography/%D0%BC?Bibliography_page=4. (дата обращения: 26.08.2019). Текст: электронный.
- 2. Голубцов, Н. Геройские подвиги наших воинов в 1900 г. на Амуре / Н. З. Голубцов. Благовещенск : Тип. т-ва Д. О. Мокин и Ко, 1902. [2], 18 с., [1] л. ил.
- 3. Городская хроника.// Приамур. ведомости. 1900. № 341. С. 8–9.
- 4. Дацышен, В. Г. Война в Приамурье. Из истории кампании русской армии и флота в Китае 1900–1902 гг./В.Г. Дацышен// Военные события в Приамурье, 1900–1902. Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2008. С. 160–280.
- 5. Дейнеко, А. А. Общая характеристика восстания ихэтуаней в Китае как социально-политического феномена / А. А. Дейнеко. Текст: электронный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–1. С. 79–82. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-vosstaniya-ihetuaney-v-kitae-kak-sotsialno-politicheskogo-fenomena (дата обращения: 02.06.2020).
- 6. Дейч, Л. Г. Кровавые дни : [эпизод из русско-китайской войны] / Л. Г. Дейч. [Санкт-Петербург : Пролетариат, 1906]. 32 с.
- 7. Дубинина, Н. И. Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья / Н. И. Дубинина. Текст: электронный // Россия и АТР. 2019. № 2 (104). С. 75–89. Режим доступа: https://cyberleninka.

- ru/article/n/n-i-grodekov-o-voennyh-sobytiyah-v-manchzhurii-v-1900-1901-gg-i-ih-posledstviyah-dlya-osvoeniya-priamurya (дата обращения: 07.04.2020).
- 8. Дятлов, В. И. Благовещенская «утопия»: из истории материализации фобий / В. И. Дятлов. Текст: электронный // Вестн. Евразии. 2002. № 4. С. 84–103. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blagoveschenskaya-utopiya-iz-istorii-materi-alizatsii-fobiy (дата обращения: 28.12.2020).
- 9. Емельянов, С.В. Разные судьбы / С.В. Емельянов // Диалог времен : амур. краевед. альм. Благовещенск, 2019. № 2. С. 73–81.
- 10. Кирпиченко, Т. В. Русско-китайская война 1900—1901 гг. (Коллекция книг и альбомов из фондов Дальневосточной государственной научной библиотеки) / Т. В. Кирпиченко // Боксерское восстание 1900 г. Что это было? : материалы науч. конф. — Владивосток, 2000. — С. 86—91.
- 11. Кирхнер, А. В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна: с приложением списков добровольцев и сведений о вольной дружине, Айгуне, Сахаляне и Благовещенске / сост. А. В. Кирхнер. Благовещенск: Тип. «Амурской газеты», 1900. [2], IV, [2], 207 с.
- 12. Памятная книжка Амурской области на 1901-й год. Благовещенск : Изд. Амур. обл. стат. ком., 1901. VI, 140, XXX с.; 2 л. портр.
- 13. Сборник газеты «Амурский край»: статьи о военных событиях на Амуре, помещённые в газете с 1 июля по 1 августа 1900 г. Благовещенск: Тип. Г. И. Клитчоглу и Ко, 1900. 152, [20] с.
- 14. Хроника // Благовещ. епарх. ведомости. 1900. № 17. С. 398.

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 11.02.2021.

Сведения об авторе: Загородняя Кристина Андреевна, главный библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: struk_christina@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

«МЫ В ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ И В ТРЕПЕТЕ»: ДНЕВНИК ЖИТЕЛЯ БЛАГОВЕЩЕНСКА ВО ВРЕМЯ РУССКО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА 1900 ГОДА

В статье представлены результаты исследования дневниковых записей, сделанных преподавателем Благовещенской духовной семинарии Николаем Захаровичем Голубцовым в «Альманахе-ежегоднике П. О. Яблонского» во время осады Благовещенска в 1900 году.

Ключевые слова: дневники, осада Благовещенска, Николай Захарович Голубцов, «Амурский календарь», Благовещенская духовная семинария.

Keywords: diaries, siege of Blagoveshchensk, Nikolai Zakharovich Golubtsov, "Amur calendar", Blagoveshchensk Theological Seminary.

Дальневосточной государственной научной библиотеке хранится «Альманах-ежегодник П. О. Яблонского¹: Календарь и сборник сведений, полезных и необходимых каждому в ежедневной жизни» на 1900 год, изданный в Санкт-Петербурге в 1899 году. На страницах 53–124 альманаха представлен «Календарь-ежедневник и записная книжка на 1900 год». До 2 июля² записная книжка не заполнена, а со 2 июля по 14 августа имеются записи владельца альманаха. Контекстуальный анализ данных записей позволяет сделать уверенный вывод,

2-146

2-146

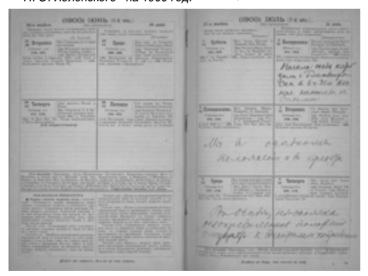
ADMAHAY B

AND MAHAY B

AND MA

«Альманах-ежегодник П.О.Яблонского» на 1900 год.

что их автором, а следовательно, и владельцем альманаха был Николай Захарович Голубцов — преподаватель Благовещенской духовной семинарии, автор нескольких книг, составитель «Памятной книжки Амурской области на 1904 год», составитель и издатель «Амурского (народного) календаря» на 1900-1903 годы. В записях упоминается его работа над календарём на 1901 год.

Первые записи в дневнике.

В 1893 году Н. З. Голубцов окончил Холмскую духовную семинарию, в 1897-м — Московскую духовную академию со

степенью кандидата богословия. 23 декабря 1898 года он был определён преподавателем богословских наук в Благовещенскую духовную семинарию. В 1899 году временно вёл там латинский язык. В 1900-1903 годах преподавал гражданскую историю в Алексеевской женской гимназии. географию в Епархиальном женском училище, историю и догматическое, основное и нравственное богословие в духовной семинарии [7, с. 77]. Также Н. З. Голубцов был секретарём областного статистического комитета, членом Епархиального ревизионного комитета, членом-сотрудником Благовещенского отдела православного Палестинского общества, надворным советником, членом Благовещенского местного управления Российского общества Красного Креста, секретарём правления комитета Благовещенского городского музея, секретарём правления Благовещенского отделения Общества востоковедения [6, c. 60, 116, 121, 122].

В 1899 году Н. З. Голубцов посетил Японию. О нём тепло вспоминал основатель Православной церкви в Стране восходящего солнца Николай Японский: «Был, между прочим, Николай Захарович Голубцов, преподаватель Благовещенской Духовной Семинарии. Вчера он заявился во время чтения мною писем: но сказали мне. что спрашивает какой-то русский о. Сергия; я подумал, что о. Сергия Глебова, и велел направить его туда. Оказалось, что господин Голубцов искал о. Сергия Страгородского³, своего наставника в Московской Духовной Академии, и хотел остановиться у него, ибо до судна во Владивосток две недели, а в гостинице жить нет средств... О. Сергий Глебов, как видно, не особенно любезно принял его. Я предложил ему комнату, где жил о. архимандрит Сергий. Человек очень симпатичный; такого бы хорошо и инспектором сюда. Да где! Ведь нужно быть миссионеру-то». Николай Японский показал Голубцову семинарию, женскую школу и библиотеку, «причём он заявил себя довольно знакомым с книгами на разных языках» [4, с. 76, 77, 80].

В 1900 году Н. З. Голубцов стал свидетелем осады Благовещенска. В 1898 году в Китае началось восстание ихэтуаней против иностранного вмешательства во внутреннюю жизнь страны. Они призывали к изгнанию иностранцев из Китая, к их уничтожению. Против восставших и правительственных войск, поддержавших их, восемь держав, включая Россию, организовали военную экспедицию. Военные действия шли и рядом с российской границей. 1 июля 1900 года китайцами были обстреляны

¹ Яблонский Пётр Осипович (?—1912 гг.) — российский издатель, типограф. Свой «Альманах-ежегодник» он выпускал с 1895 по 1903 г. Это издание называли краткой энциклопедией полезных сведений.

² Даты приведены по старому стилю.

³ Сергий (Страгородский) (1867—1944 гг.) — патриарх Московский и всея Руси (1943 г.). С 1897 по 1899 г. служил в Японии помощником начальника духовной миссии святителя Николая Японского.

⁴ Буквальный перевод — «отряды гармонии и справедливости».

два российских парохода — «Михаил» и «Селенга», направлявшихся вверх по течению Амура. 2 июля ихэтуани начали обстрел Благовещенска.

Первую запись в дневнике владелец сделал 2 июля⁵: «Начало осады китайцами г. Благовещенска в 6 ч. 35 м. веч. нач. канонада с Сахалина⁶». В 1901 году Н. З. Голубцов выпустил очерк «Военные события прошлого лета на Амуре», который сначала был напечатан в «Амурском календаре на 1901 год», затем вышел отдельной книгой. В очерке он подробно описал каждый день осады города. Так, несмотря на то, что уже было известно о начавшемся конфликте, горожане, по его словам, не верили, что китайцы могли напасть на город. Погода 2 июля стояла тихая и тёплая, жители Благовещенска прогуливались по набережной Амура, по бульвару, провожали на пристани пароходы. Раздавшиеся в 6 часов 35 минут ружейные и орудийные выстрелы вызвали панику среди населения: «Бывшие на пристани, на бульваре, на набережных улицах, в паническом страхе, кто куда мог, бросились бежать без оглядки. Суета и возня в городе поднялись невообразимые. С криками: "китайцы переправляются на нашу сторону" многие бежали прочь от реки и совершенно из города, едва успев захватить с собою что-нибудь из имущества. Многие укладывали пожитки на телеги и с женами и детьми выезжали из города. Многие бросились за ружьями в управу...» [1, с. 14].

3–4 июля автор записей продолжил: «Мы в осадном положении и в трепете». По воспоминаниям Голубцова, третье число было самым беспокойным днём осады города: китайцы, открыв пальбу с раннего утра, не прекращали её до поздней ночи [1, с. 15]. Этот день был и самым критическим и неопределённым: растерянность, подавленность жителей, небольшое количество войск в городе, масса китайцев, от которых не знали чего ожидать.

В последующие дни в дневнике появились такие записи: «В осаде, несколько неопределенное положение смущает. К выстрелам попривыкли», «Положение неизменное», «Осада продолжается, изредка днем и ночью канонада и с ихнего и с нашего берега».

К 4 июля была организована оборона Благовещенска, и жители немного успокоились. Канонада стала значительно реже: «...китайцы не переставали постреливать и в следующие дни. Обычно они начинала пальбу утром, в часов 9, прекращали ее к полудню, а потом возобновляли к 5 часам пополудни, вечером опять прекращали, стреляли иногда и ночью. Отвечая им, наши орудия обыкновенно зажигали их фанзы, и в течение нескольких дней осады Сахалин не

переставал гореть и дымиться. Китайские же снаряды по обыкновению или перелетали через городские здания, или разрывались на улицах и площадях, редко попадая в самые здания; пули же осыпали береговые постройки. Очевидно, китайцы стреляли, не целясь, да к тому же трусливо прячась за окопами» [1, с. 16–17].

Со временем в городе привыкли к осадному положению, свисту пуль, жители не боялись выходить на улицу, стали открываться магазины. Все с нетерпением ожидали прихода войск.

11–12 июля Голубцов записал в дневнике: «Ждем с нетерпением войск — подкреплений: положение осадное надоело до нельзя. На выстрелы перестали обращать внимание».

9 июля в город прибыло 670 новобранцев, 10 июля — переселенцы, которые сообщили, что к Благовещенску спешат войска, но мелководье Амура и Шилки препятствует их продвижению. 12 июля в город были доставлены ружья и патроны. 13—14 июля Голубцов написал: «Сегодня подошли первые подкрепления сверху, получены и заряды которых чувств. недостаток... мы главное и самое опасное положение просидели».

Первым подошёл к Благовещенску отряд войск из Забайкалья под командованием генерал-майора Александрова. 10 июля он был отправлен из Покровки на трёх пароходах и баржах, 14-го числа высадился в 23-х верстах от города, в посёлке Игнатьевском, а к Благовещенску подошёл только ночью. Несмотря на позднее время, грязь и слякоть, большое число горожан отправилось за город встречать освободителей. 16—17 июля прибыли войска Сретенского и Читинского полков, Забайкальского артиллерийского дивизиона. Они доставили несколько десятков ящиков с ружьями, которые впоследствии были розданы невооружённым запасным чинам [1, с. 21].

Прибытие войск оживило жизнь города. 15–17 июля Голубцов записал: «Войска все подходят, особенно сверху, лица повеселели и помаленьку входим в прежнюю норму. Поговаривают о переправе наших на тот берег», «В городе движение увеличивается; много военных снуют повсюду, равно бы в самый разгар нашего сезона осенью. Магазины открыты — по улице не только попадаются прохожие, но и гуляющие».

19—21 июля Голубцов сделал такие записи: «Говорят, что завтра наши переходят на Маньчжурский берег. Подкреплений прибыло нам достаточно. Ждем событий», «Сегодня интересный день по многим причинам: не только Ильин день, и 20-е число, но сегодня решится участь Сахалина и Айгуна ночью», «Ночью наши переправились на тот берег. Переправу совершили удачно, отвлекши вним. врага пароходами. Ночью с 3 часов и до 8-ми утра была самая сильная канонада».

⁵ При цитировании сохранены авторские орфография и пунктуация.

⁶ Имелся в виду Сахалян, город напротив Благовещенска, сегодня это город Хэйхэ.

Действительно, в ночь с 19 на 20 июля русские войска переправились на китайский берег. Для отвлечения внимания китайцев от места переправы у посёлка Верхнеблаговещенского на рассвете из устья Зеи вышли пароходы «Селенга» и «Сунгари». Заметив их, китайцы открыли такой огонь, какого не было за всё время бомбардировки города. В очерке «Военные события прошлого лета на Амуре» Голубцов вспоминал: «По всей береговой линии от беспрерывных, ни на минуту не прекращавшихся выстрелов легла одна огненная полоса; беспрерывно звучала мелкая дробь ружейных выстрелов, точно где-то отбивали барабанную дробь; изредка покрывал ее гром пушечной пальбы. Жутко было переживать все это мирным жителям города, в котором едва ли кто спал в эту ночь. К счастью, китайские выстрелы имели прежнюю меткость» [1, с. 25].

К утру началась перестрелка между переправившимися через Амур русскими частями и китайцами. Когда же большая часть войск переправилась, началось наступление. Около 12 часов дня китайцы стали отступать к Айгуну. В это же время жители Благовещенска увидели на противоположном берегу Амура столбы дыма — казаки жгли китайские фанзы. Людям не верилось, что Сахалян, осаждавший город 19 дней, превращается в груду пепла.

Теперь главные силы противника находились в Айгуне, и русские войска двинулись в его направлении. Но по дороге в Айгун им предстояло ещё выдержать сражения у деревень Чикезы и Колушань (сегодня Цялунь-шань). На колушанских высотах китайцы оказали сильное сопротивление. В бою погиб приамурский поэт, сотник Леонид Петрович Волков (1870-1900 гг.). 23 июля Голубцов с сожалением отметил: «Айгун взят, хотя не без потерь с нашей стороны: убит сотник Волков — наш Амурский поэт. Есть убитые и раненые. Сегодня же привезли и трофеи из Айгуна». При походе на Айгун Волков замещал раненого в бою командира. Сотня шла впереди колонны войск и около деревни Колушань первая наткнулась на неприятеля. Казаки бросились в атаку и отбили у китайцев два орудия. Л. П. Волков был ранен осколком в щёку, но, несмотря на это, он с казаками продолжил наступление — бросился к зарядному ящику, на котором сидел китаец, замахнулся на него шашкой, но китаец успел зажечь фитиль и взорвал ящик со снарядами. Смерть Волкова была мгновенной. С ним погибли несколько казаков и один офицер. Похороны состоялись 23 июля в Благовещенске [3, с. 204-205].

Военные действия на Амуре закончились взятием Сахаляна и Айгуна, в Благовещенске победителям была устроена торжественная встреча. Постепенно горожане стали возвращаться к обычной жизни. С 26 июля Голубцов писал в дневнике о работе, житейских проблемах, а о военных событиях узнавал из газет: «Вызвали к

Губернатору⁷ с докладом, отослал к вице-губ.⁸ принялись и за обычныя гражданския дела, — не все же военныя», «Принимаюсь и я за производство своих и казенных дел. Устраиваюсь после переезда на новые квартиры. Дела — бездна, а помогай — нет», «Разсылаю бумаги и отдыхаю от многоделания прошедших дней. События идут своим чередом: китайцев гонят далее к Цицикару. Газеты описывают отдельныя стычки нашего генерала Рененкампфа».

С 1900 года Н. З. Голубцов издавал в Благовещенске «Амурский календарь». 1-2 августа он написал в дневнике: «Пишу бумаги, отсылаю для подписи и разсылаю. Сегодня принялся немного и за свои дела по изданию календаря: хлопот полон рот...» Здесь речь идёт о подготовке уже второго календаря на 1901 год. Первый же вышел в марте 1900 года и носил название «Амурский народный календарь» 9. Его выхода ждали с нетерпением не только в Благовещенске. Газета «Приамурские ведомости» от 23 января написала: «Благовещенские газеты сообщают, что преподаватель благовещенской духовной семинарии, Н. З. Голубцов, в конце текущего января, выпустит в свет "Амурский народный календарь на 1900-й год". Искренно желаем успеха этому изданию: потребность в местном календаре ошущалась давно, и таковой, при умелом подборе материала, при недорогой цене, можно сказать с уверенностью, найдет широкое распространение в деревнях и селах нашей окраины и сделается достоянием всякой грамотной крестьянской семьи, а познакомить наше крестьянство с краем, где оно живет, есть в высшей степени почтенная задача.

Допуская даже, что "Амурский народный календарь" и не будет отвечать своему назначению, как хорошая справочная книга для нашего приамурского крестьянина, мы приветствуем самую идею Н. З. Голубцова и с нетерпением ожидаем такого необходимого для края издания, как "Амурский народный календарь"» [5].

Календарь вышел с опозданием на три месяца. По словам издателя, это произошло из-за увеличившегося размера издания, а также тяжёлых местных условий печатания. Готовился он в двух типографиях: страницы 1—243 календаря, 1—6 и 27—34 отдела народного чтения и объявления печатались в типографии «Т-ва Мокин и Ко», страницы 7—26 и 35—54 — в типографии «Г. И. Клитчоглу и Ко». Цена календаря была достаточно высокая — 2 руб., но составитель оправдывал это опять же местной дороговизной печатания и достаточно большим объёмом

⁷ Речь идёт о военном губернаторе Амурской области К. Н. Грибском (1897–1902 гг.).

⁸ Вице-губернатором Амурской области был С. Н. Таскин (1898– 1909 гг.).

⁹ В последующих изданиях слово «народный» исчезло.

Реклама «Амурского календаря».

книги — 306 страниц. Интересно, что «Амурский народный календарь» на 1900 год был напечатан с благотворительной целью — «в пользу недостаточных воспитанников Благовещенской Духовной Семинарии».

Тираж календаря составлял более 1 000 экземпляров. В его рекламе указывалось, что он издаётся «по разнообразной программе, отвечающей как местным запросам, так и потребностям стороннего знакомства с Амуром».

Календарь на 1901 год вышел, скорее всего, вовремя, так как цензурой он был дозволен в ноябре 1900-го, но проблем с его выпуском было достаточно. Об этом свидетельствуют дневниковые записи. Они показывают интенсивную работу Н. З. Голубцова при подготовке издания: отправку телеграмм, рассылку писем, составление статей, поиск бумаги и проч.

5 августа Голубцов написал: «Послал телеграмму поверенному Курбатова — Свидерскому во Владивосток на счет бумаги, с уплач. ответом, жду...»

Транспортная контора «Курбатов и Ко» была учреждена купцом Германом Николаевичем Курбатовым в 1897 году в Николаевске-на-Амуре. Компания владела пассажирскими, товарными и буксирными пароходами, имела своё представительство во многих дальневосточных городах, занималась перевозками и доставкой грузов по железной дороге и судами [8].

Через эту контору Голубцов, видимо, заказал бумагу для печати календаря, но неизвестно, получил ли он от неё ответ или нет. 8 августа он нашёл другую бумагу и, не скрывая своего ликования, написал: «Ура! — нашел бумагу, хорошую бумагу, целых 50 стоп бумаги и по соображении всех обстоятельств заусловил ее себе. Слава, слава Богу! Издание спасено. Я могу быть спокойным на этот счет...»

Возможно, Голубцов хотел открыть свою типографию в Благовещенске, так как днём ранее, 7 августа, он сделал такие записи: «Был на докладе, жаловался. Начал при случае дело о типографии: Бабков¹⁰ отнесся в. сочув-

ственно, Таскин поддержал, слава Богу. Начало сделано успешно получил дело о типографии начну орудовать, — только своего-то дела много, много когда-ниб. успею. и казне и себе сделать... Примусь с Божьей помощью...» Скорее всего, этот вопрос не был решён. Календарь на 1902 год был ещё напечатан в Благовещенске, в типографии «Т-ва Д. О. Мокин и Ко», а на 1903 год — уже в Санкт-Петербурге, в «Торговой типографии (Тырина и Герасимова)». С 1904 года календарь не издавался, но в этот год Голубцов стал составителем «Памятной книжки Амурской области на 1904 год»¹¹.

Голубцов переписывался с большим количеством людей. Только за 4 августа он отправил шесть писем: «Орлову в Москву» (возможно, И. И. Орлову — изобретателю-полиграфисту), «Вильборгу в Петербург» (А. И. Вильборг — известный типограф-художник; помимо письма, Голубцов послал ему ещё посылку с фотографиями), «Генералгубернатору» и «Его помощнику», а также некоему мистеру Герману на о. Ява.

Из дневниковых записей мы узнаём о быте Голубцова: «Сквернейшая погода — дождь и холодно. Сегодня ночью сильной грозой залило у меня пол в зале: протекло в углах. Раз-те и новая квартира! Буду объясн. с хозяином. Чувствуется скверно. Принялся за сочинение всеподд. рапорта».

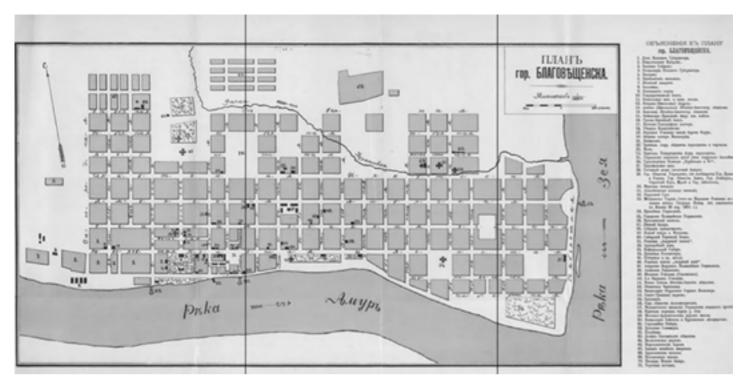
Точно неизвестно, откуда родом был Голубцов, но с родными он поддерживал связь: «Получил телеграмму из дому от Веры. Еще от Полов. Июля. Безпокоятся: — сегодня послал 2-чно успокоение...»

Проблемы с выпуском календаря заключались не только в поиске бумаги, но и сборе информации для статей: «Стоял обедню в соборе. Печет теперь не дурно. Надо приниматься за работу но составл. очерка идет туго: данных все не доставляют. Завтра буду жаловаться — В-Губернатору, — нельзя, с меня требуют...», «Сегодня корпел весь день над сочинением 18-ти отнош. — повторений лицам и учрежд. для прис. сведений к очерку, — устал адски...», «Сегодня же добыл у преосвящ. его портрет. Спасибо С.Гаврилову». В календаре действительно имеется портрет преосвященного Иннокентия, епископа Благовещенского и Приамурского. Голубцов писал о нём 8 августа, а с 24 сентября 1900 года Иннокентий был уволен на покой.

9 августа Голубцов, работая над календарём, послал: «1) письмо "Базару Марок" (СПБ. Нев. 20–32)... 2) "Новому времени" — Календарь и объяснение для помещения относ. выхода в Бл-ске нов. календ. на 1901 год». «Базар Марок» — галантерейный магазин купца Германа Пето на углу Невского проспекта, 20, и Большой Конюшенной

¹⁰ Бабков Андрей Александрович — правитель канцелярии военного губернатора, статский советник, действительный член Амурского областного статистического комитета.

¹¹ С 1905 по 1910 г. «Памятные книжки Амурской области» не издавались.

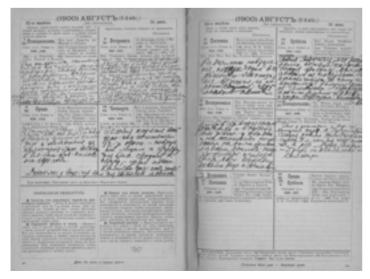

План города Благовещенска, выполненный С. И. Чембаровым.

улицы в Санкт-Петербурге. В нём продавались как филателистические товары, так и парфюмерия, ёлочные игрушки, канцтовары и проч. «Новое время» — газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1868—1917 годах.

11 августа Голубцов ожидал прихода гостей: «...Ждал вчерашняго японца, не пришел, — и хорошо сделал...», а 12 августа добавил: «Был японец, не застал дома, оставил карточку сегодня уезжает. Мне это совсем не интересно. М. какой-н. шпион. К чему их присылать?»

В этот же день написал: «...Получил план от Чембарова — художеств исполн. — прямо шедевр и просто задаром: великодуш ч-к.». Здесь речь идёт о Сергее Ильиче Чембарове — окружном землемере, титулярном советнике,

Последние страницы дневника.

служившем в областной чертёжной [6, с. 93]. Для «Амурского календаря» он составил план города Благовещенска, как оказалось, «просто задаром».

Последняя запись в дневнике датируется 14 августа: «Был с докладом у вице-губ. Получил карт. Сегодня послал Вильборгу план города Бл-ска для изгот. клише, в ред. "Русск. Листка" — 5 рубл. за объявление о Календаре».

Возможно, были ещё записи 15 и 16 августа, но они были вырезаны вместе с так называемой обиходной рецептурой, которая печаталась внизу чётных страниц дневника.

Сведений о самом Н. З. Голубцове не очень много, неизвестно, как сложилась его судьба после 1906 года. Последнее упоминание о нём есть в пятом номере «Благовещенских епархиальных ведомостей» (15 марта) за 1906 год, в «Списке служащих в Благовещенской Духовной Семинарии и соединённом с нею духовном училище». В 1906 году такой список печатался дважды. В № 23 (15 декабря) Н. З. Голубцов уже не значится [7, с. 77].

Возможно, в семинарии прошла какая-то реорганизация. Помимо Голубцова, из этого списка было исключено ещё несколько преподавателей, а из 12 дисциплин к новому учебному году осталось только семь. Известно, что в 1906 году в Благовещенской духовной семинарии сменился ректор. Архимандрит Амвросий (Смирнов)¹²,

¹² Амвросий (Смирнов) (1874—1938 гг.) — архиепископ Муромский, викарий Владимирской епархии. В 1938 г. был расстрелян в г. Енисейске. Его обвиняли в контрреволюционной деятельности и подготовке вооружённого восстания. В 1959 г. был реабилитирован.

проработавший там с 1901 года сначала в должности инспектора, затем ректора, был назначен настоятелем Псковского Мирожского монастыря. Ему на смену пришёл архимандрит Николай (Орлов)¹³, но уже в конце 1906 года и он уехал из Благовещенска на новое место службы. По воспоминаниям митрополита Евлогия (Георгиевского)¹⁴, в начале XX века «многие семинаристы, особенно в Сибири, не хотели принимать священнического сана. Благовещенская семинария за 10 лет¹⁵ не выпустила ни одного священника; религиозный энтузиазм в семинарии потух, молодёжь устремлялась на гражданскую службу, на прииски, в промышленные предприятия» [2, с. 199]. В 1918 году семинария была закрыта.

Сведения о занимаемых Н. З. Голубцовым должностях до определённого времени можно было найти не только в «Благовещенских епархиальных ведомостях», но и в «Памятных книжках Амурской области». К сожалению, с 1905 по 1910 год они не издавались, поэтому сказать точно, в каком году Н. З. Голубцов покинул Амурский край, пока не представляется возможным.

Каким образом «Альманах-ежегодник» попал в Дальневосточную государственную научную библиотеку, также неизвестно. В фонд он был записан в 1939 году. Печати других библиотек в книге отсутствуют, как и штампы, автографы и владельческие пометы, за исключением описанных дневниковых записей.

Список использованных источников

- 1. Голубцов, Н. З. Военные события прошлого лета на Амуре / сост. Н. З. Голубцов. — Благовещенск : Тип. «Амур. газ.» А. В. Кирхнера, 1901. — 28 с.
- 2. Евлогий (Георгиевский В. С.). Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Paris: YMCA-PRESS, 1947. 677 с.
- 3. Кирхнер, А.В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна: с приложением списков добровольцев и сведений о вольной дружине, Айгуне, Сахаляне и Благовещенске / сост. А.В. Кирхнер. Благовещенск: Тип. «Амур. газ.», 1900. IV, 206 с.
- 4. Николай (Касаткин И. Д.). Дневники святого Николая Японского. Т. 4./ сост. К. Накамура. — Санкт-Петербург: Гиперион, 2004. — 974, [2] с.

- 5. [О выпуске «Амурского народного календаря»] // Приамур. ведомости. 1900. № 317. С. 7.
- 6. Памятная книжка Амурской области на 1904 год / сост. Н. Голубцов. Благовещенск : Амур. обл. стат. ком, 1904. IX, 136, 62, XX с.
- 7. Список служащих в Благовещенской Духовной Семинарии и соединённом с нею духовном училище // Благовещ. епарх. ведомости. 1906. № 5 (15 марта). 80 с.
- 8. Чащин, А. И. Сретенское купечество / А. И. Чащин. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья: [сайт]. Чита, 2014. URL: http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8851 (дата обращения: 15.02.2021).

Фотографии предоставлены автором. Материал поступил в редакцию 04.03.2021.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск). Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

¹³ Николай (Орлов) (1874—1907 гг.) — архимандрит Нижнеломовского Казанского монастыря, ректор Минской духовной семинарии, Костромской духовной семинарии, Благовещенской духовной семинарии и соединённого с ней училища, Пензенской духовной семинарии. В 1907 г. был убит семинаристом-революционером тремя выстрелами из револьвера.

¹⁴ Евлогий (Георгиевский) (1868—1946 гг.) — епископ Православной российской церкви, митрополит с 1922 г. С 1921 г. — управляющий русскими православными приходами Московской патриархии в Западной Европе.

¹⁵ Более точные даты в воспоминаниях не указаны.